

* МОСКВА *

Джон Дуайс

СНЫ ОТКРЫТЫХ ГЛАЗ: ЭГОИЗМ

[помня Шопенгауэра]

Сочинение раскрывает в краткой не научной форме сущность человеческого эгоизма и его значение в жизнедеятельности человека, давая общие представления об одном из возможных принципов восприятия окружающей действительности с позиции последовательного мышления.

2011-2012 © Mr. John Dooyes

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	3
История вопроса.....	3
§ Детские почему, первые ответы и их источник.....	3
§ «Хочу» и «почему».....	5
Глава I.....	7
Поиск себя в окружающем мире.....	7
§ Правильные вопросы.....	7
§ Пространство, фрагментарность восприятия.....	7
§ Действительность.....	10
§ Формы, баланс, эволюция, воля к жизни.....	11
§ Продолжительность жизни.....	13
§ Мышление, характер, сущность всех стремлений.....	14
В поисках своего «Я».....	17
§ Душа, реинкарнация.....	17
§ Сущность «Я».....	18
§ Я - в чистом виде, индивидуация.....	20
§ Я – человечество, «Я» - эгоизм.....	21
§ «Я хочу» каждого от имени всех.....	22
§ Эгоизм как защита.....	25
§ Оппонируя эгоизму.....	25
§ Эгоизм и сострадание, примитивность эгоизма.....	26
§ Человечество без масок.....	28
§ Злорадство, мастерство принесения страданий.....	30
§ «Долбануло чтоб по безмозглой башке».....	32
§ Ублажения «Я», путь к умиротворенности.....	33
§ Прошлое без окраски эго, догматы исторического опыта.....	34
§ Иллюзорность, лже-основность, единственное слово правды.....	36
§ Путь человечества.....	38
Болевой порок разума.....	39
§ Образовательные системы и самостоятельное мышление.....	39
§ Зомбирование.....	41
§ Последовательное мировоззрение, болевой порок разума.....	43
§ Непоследовательность общепринятых систем.....	47
Знакомство с собой.....	50
§ Исключительный эгоизм.....	50
§ Основа морали.....	51
§ Справедливость.....	52
§ Я хороший/плохой, умный/глупый.....	53
§ Частота обращения к функции мышления.....	56
§ Я мразь.....	59
Глава II.....	62
Стремление к продолжению рода, эгоизм и мышление.....	62
§ Либи́до, мышление, отклонения, эго как защита.....	62
§ Глобальная эротизация.....	65

§ Рождаемость и интеллект, полигамия.....	66
§ Совесть и лень как отличительные черты обывателя.....	71
«Я» в лицах и персонажах.....	73
§ Истинный гений, искусство.....	73
§ Мастера как лицо человечества.....	74
§ Правители.....	74
§ Прославление окружения правителей - полководцы.....	76
§ Правящие элиты.....	77
§ Организованная преступность.....	78
§ Правители и абстрагированное от эго мышление.....	80
О сущности «Я» человечества - общество.....	83
§ Неизменность общества во времени, США, Европа.....	83
§ Южная Америка, Африка.....	86
§ Центральная часть Евразии, Россия.....	86
§ Красноперые.....	89
§ Идеологии.....	90
Предопределенный удел.....	92
§ В веках я тот же самый.....	92
§ О том, что предназначено не многим.....	92
§ Границы дозволенного, выбор.....	93
Глава III.....	96
О возможности счастливого существования.....	96
§ Умиротворенность, созидание, ремесленники.....	96
§ Умиротворенность и женщины.....	96
§ Счастье и умиротворенность.....	97
§ О рецепте счастья.....	99
§ О счастье в богатстве.....	99
§ Счастье в обладании живыми существами.....	102
§ Счастье в обладании себе подобными.....	104
§ О возможном рецепте счастья.....	105
§ Счастье в славе.....	107
§ Счастье в себе.....	108
Об отношении к окружающим.....	109
§ Ожидания.....	109
§ Нетерпимость.....	112
§ Прощение.....	113
§ Противостояние.....	115
§ Революционеры.....	116
§ Война с миром.....	118
Эпилог.....	120
Человечество.....	120
§ Миллиарды открытых глаз спящих людей.....	120

Пролог

История вопроса

§ Детские почему, первые ответы и их источник

Практически у всех детей, наряду с их многочисленными детскими «почему», у кого-то чуть раньше, у кого-то чуть позже, возникает интерес касательно весьма не простого для взрослых вопроса – откуда я появился и кто я собственно такой. И сложность здесь заключается не в том, что взрослым приходится подыскивать наиболее приемлемый вариант ответа, а в том, что в большинстве случаев сами взрослые весьма недалеки в первой части вопроса, и полностью не осведомлены относительно сути второй части, имея в арсенале лишь скудные представления о своей обще видовой принадлежности и способе размножения. Интерес же ребенка к вопросу о том, что «Я» такое, вообще способен ввести большинство взрослых людей в полнейшее недоумение.

Как на эти вопросы, так и на многие другие мои детские «почему» ответы мне, конечно, предоставлялись. Правда, далеко не все из таковых оказывались правдивыми, а положила руку на сердце, можно сказать, что значительная их часть на опыте оказывалась для меня либо откровенными заблуждениями или абсолютно безосновательными иллюзиями, либо, того хуже, просто абсурдом, за акцентирование внимания на чем, я устаивался уже не ответов, а все больше угроз «всевозможных неприятностей за подобные высказывания». По всей видимости, с этого и начиналось то, что называют воспитанием и образованием, которым, как правило, в добровольно-принудительном порядке, отводится первая треть жизни человека. По прошествии двух десятилетий загрузки в собственный мозг чужих мыслей, никак не увязывающихся у меня в голове в единую систему, где каждая часть подразумевала бы все, не будучи основанной на какой-то одной не поддерживаемой остальными, я волею-неволей пришел к выводу, что загружаемое в мой мозг посредством воспитания и образования заведомо не предполагает ни взаимообусловленной системы, ни, того хуже, соответствия опыту. На этом фоне, мои «почему» пополнились целым рядом новых вопросов, вразумительных ответов на которые у «общепринятого образования», естественно не нашлось, хотя, казалось бы, вопросы простейшие, к примеру: С какой целью в мой мозг загрузили столь значительный объем информации, отняв у меня десятилетия жизни, всего лишь за тем, что бы в конечном итоге я убедился в практически полном отрыве того, что возводится в ценность большей части воспитания и образования от того, чем является мне реальность? Зачем кому-то понадобилось делать из меня марионетку, воспитанного зомби, и мучить меня на протяжении всей моей жизни? Почему превозносится то, чего на опыте никогда не было, или то, что является крайне редким явлением в веках, и при этом, подчас полностью игнорируется то, что есть всегда, то, что окружает любого в каждое мгновение его существования? Почему большая часть населения планеты из века в век влечет жалкое существование в состоянии каторжников, воспевая то, что, по сути, и приводит их к этим страданиям? Почему люди, страдают и гибнут за отдаваемое ими предпочтение иллюзиям, относительно вполне возможно сносного существования без большинства таковых? .. И далее в таком духе. Мне было абсолютно не понятно, как могут миллиарды людей не только терпеть, но и воспевать страдания от собственных же иллюзий, да еще и расплачиваясь за это миллионами жизней.

Посвятив еще одно десятилетие изысканиям, но уже за пределами общепринятых систем образования, будучи далеким от науки и тем более философии, я пришел к следующим выводам [Первую треть своих рассуждений я вынужден посвятить возможно несколько сложным для восприятия вопросам, и это потребует некоторого терпения, но уже во второй части станет понятной необходимость подобного, ибо при условии того, что все является неким целым, более правильным выглядит начало от единой основы к проявлениям, а не наоборот.]

Итак. Вопросом о том, кто я такой и что есть окружающий меня мир, задается практически каждый. И каждый по-своему его формулирует, по-своему наделяет его смыслом, значением, и по-разному на него отвечает. Причем интерес к этому вопросу, с разной степенью интенсивности, человек проявляет на протяжении всей своей жизни, правда, в большинстве случаев, как это показывает опыт, в основном в первой половине жизненного цикла. Первоначально, в детские годы, человека интересует вопрос - откуда он взялся. Затем, с подросткового периода и далее до среднего возраста, главными становятся вопросы - почему нельзя то, чего так хочется, и как получить то, чего хочется, невзирая на все невозможные и все нельзя, и желательно чем быстрее, тем лучше. Как следствие, в этом процессе многих также посещает вопрос - а за что мне выпали все эти лишения. Апогеем же всех вопросов, для большинства, становится вопрос - как бы не попасть в ад за все содеянное в погоне за всеми своими «хочется» и/или где взять по дешевке билет в рай, и желательно земной. Вопрос же - а почему собственно вообще чего-либо хочется, как показывает опыт, посещает не многих, ибо наличие ответа на этот вопрос никоим образом не способствует скорейшему получению желаемого. Еще меньше тех, кого начинает беспокоить совсем уж кромешно темный вопрос - а зачем собственно вообще участвовать в этом всеобщем, по сути, бесцельном забеге, при учете того, что финиш у всех одинаков.

Очевидно, что основная часть содержания общественного информационного пространства с ответами на всевозможные вопросы формируется исключительно относительно популярности самих вопросов, будучи ими же и обусловленной. Не достигнув половой зрелости, ребенок уже точно знает, откуда он появился, и что для этого требуется т.к. желающих просветить его в этом вопросе, как правило, на порядки больше необходимого. Параллельно с этим, не меньшее количество желающих находится и для того, что бы сообщить молодому организму - почему нельзя то, чего так хочется, что он «должен» еще не родившись, а за одно и навести хаос в ответах на вопрос - почему одним можно то, что не позволено другим. И не успев достигнуть совершеннолетия, человек попадает на бескрайние информационные просторы с бесчисленным количеством вариантов ответа на вопрос - каким образом что-либо заполучить и, порой, так чтоб за это ничего не было. Где, собственно, среди миллиардов таких же, как и он, благополучно теряется, ибо указателями в этом пространстве служат всего два знака – «должен» и «нельзя». Участь же тех, кого интересуют не популярные вопросы – искать иголку в стоге сена, все на тех же бескрайних полях информационного хаоса.

Для самопознания и самоопределения в окружающей среде человеку доступны всего лишь два способа, практический (оценка реального опыта) и информационно познавательный (использование информационного пространства). Соответственно, все его вопросы можно разнести на два вида адресации. Первый вид – практический (обращение к реальному опыту), т.е. имеющий в качестве обоснования ответа реальный опыт. Второй вид – познавательный, абстрактный (обращение к информационному пространству), т.е. имеющий относительное отношение к реальности, ибо ответы обусловлены оценкой другими людьми их опыта соразмерно их интеллекту, а также среде обитания и последовательности мышления, т.е. де-факто, в своей безмерной массе, заведомо субъективными данными. Как следствие, оценка того или иного явления с позиции этих двух видов может разительно отличаться вплоть до полного противоречия. Люди, в свою очередь, различаются между собой соразмерно их уровню внимания к подобным противоречиям и придаваемой степени значения последним.

Поскольку изначально, с рождения, в отсутствии опыта, у человека вырабатывается привычка доверительного отношения к общественному информационному пространству, нет ничего удивительного в том, что впоследствии, у большинства, таковая превращается в образ жизни. Ведь первое чему учат ребенка, как раз и является обучение (дрессировка) безусловному доверию к тому, что есть кто-то, кто лучше знает, что для него хорошо, что плохо, и т.п. Безразличие людей к отрыву их информационного пространства от реального опыта, выливающееся в глобальное умалительное отношение к последовательности в оценке

окружающего, в целом для человечества, является доминирующим явлением. Абстрактные, собирательные от огромного количества людей иллюзии, принимаются за аксиому, а противоречащий им реальный опыт, за исключение. Отсюда и повальное доверие к наиболее простейшим, и размытым в содержании, вариантам ответов на вопрос - кто я такой и что есть окружающий меня мир.

За отсутствием массового спроса на последовательные ответы, в общественном информационном пространстве считается нормой, когда ответ на вопрос – кто я такой, подменен ответом на вопрос – кто меня и весь мир создал, ответ на вопрос - почему я хочу, ответом на вопрос - как надо хотеть, ответ на вопрос - зачем мне это, ответом - чего надо хотеть. И таким образом, формируя общее информационное поле, общество поступает практически со всеми вопросами, касающимися мировоззрения, игнорируя суть и опыт, выделяет в аксиому наиболее массово одобряемый ответ, даже если таковой в корне противоречит реальному опыту. [Отсутствие противоречий в абстрактных умозаключениях относительно реального опыта и есть то, что логично следует называть здравым смыслом, а не то, что принято, ибо как можно считать здравым смыслом «систему общепринятых представлений о реальности» где во главу ставятся частное ожидаемое.]

Почему же большинство людей так легко относятся к подобным подменам, в вопросах имеющих далеко не последнее значение? Почему предпочтение отдают иллюзиям, порою ценой миллионов жизней, лишь бы не принять здравый смысл? В большинстве случаев, потому, что ответ, не дающий возможности чего-либо заполучить для своего «хочу» им попросту не нужен, и они готовы отдать за это все, что у них есть, включая собственную жизнь. И этому есть очевидное, в своих выводах, объяснение.

§ «Хочу» и «почему»

Если непредвзято, беря за основу только реальный опыт, оценить поведение человека, то вне всяких сомнений станет очевидным то, что сущностью всей жизнедеятельности человека является его ненасытное - «хочу», а фундаментом всего, что представляется его разумом в виде окружающего мира, если и может что-то являться, так это основополагающий вопрос - «почему». Жизнь человека, по сути, зиждется на двух основных мотивациях. В физиологическом плане корнем всех мотивов является - «хочу», в мыслительных операциях корнем является - «почему». Как показывает опыт, первое без второго вполне жизнеспособно, безумие не уничтожает основные физиологические потребности, но второе без первого - исключено априори, ибо способность мышления находится в прямой зависимости от физиологического состояния организма. По сему, корень «хочу», в сущности, является первичным, а корень «почему» вторичным, т.к. именно человеческое «хочу» дает жизнь всем его «почему». И если результат действий мотивированных «почему» вступает в противоречие с желаемым, в большинстве случаев, он не будет воспринят в должной степени объективно. Этим и объясняется то, почему здравый смысл принимается во внимание только тогда, когда он соответствует ожиданиям, в противном же случае его попросту игнорируют. С позиции хочу, возникающим у людей находящимся в тех или иных жизненных условиях, вполне уместны следующие примеры, отражающие некоторые обобщенные, и при этом крайне характерные для большинства людей, варианты.

1. Если я в нужде то: Зачем мне знать кто я такой, да и вообще, для меня подобные вопросы и серии «за гранью реальности», ибо я тупо хочу жрать, моя жизнь в переполненном бараке невыносима, я ненавижу весь этот мир с выпавшими на мою долю страданиями и всех вас, умников, задающих философские вопросы, с вашей показушной интеллигенцией и популизмом всей вашей политики. Какое мне дело до какого-то там здравого смысла, когда весь мой реальный опыт это прижизненный ад, где каждый день мучений не отличен от всех предыдущих. Мне нет никакого дела до причин противоречий, каких бы то там ни было общественных постулатов и аксиом реальному опыту, ибо я, как ни кто другой знаю, что есть ощутить на собственной шкуре то, чем на деле оказывается ваша справедливость,

честность, бескорыстность, милосердие и социальная поддержка. И тем более мне совершенно не понятно то, что вы имеете в виду под правами человека, ибо единственное, что я ощущаю на себе, так это основополагающее «право сильнейшего». Мне нет никакого дела до философии того, почему я хочу вообще и почему я хочу именно этого. А все потому, что ответ на вопрос - почему я из кожи вон лезу, дабы мои дети не сдохли завтра от голода или болезней, и почему моей единственной мечтой является созерцание того, как вы все сгинете, для меня очевидней очевидного. У меня есть только одно «почему» - почему это происходит именно со мной и в чем моя вина?

2. Если я обыватель то: Зачем мне знать, кто я такой, если это не требуется для получения желаемого. Какое мне дело, до какого-то там ни было здравого смысла, если для меня вполне очевидно, что мне приятно, а что нет. И как я могу усомниться в существовании справедливости, честности, бескорыстности, милосердия и т.п. когда я по необходимости с успехом набиваю себе этим цену. Мне нет никакого дела, что весь, называющий себя цивилизованным, мир не вылезает из кровавых войн, ведь воюют они не у меня во дворе, а где-то там, далеко. Это их дело, зачем мне влезать в чужие конфликты. Моя же страна - самая справедливая, и если и воюет, то только со злодеями. Зачем мне знать, почему я хочу, если от этого я хотеть не перестану. Зачем мне философия того, почему я хочу именно это и именно сейчас, если это не ускорит получение желаемого. Да и к тому же, у меня уже есть часть моих хочу, квартирка в мегаполисе, пара машин, коттедж в пригороде, номер в отеле на престижном курорте. Я вкусно кушаю, изыскано выпиваю. И мне все равно, что девять десятых населения земли влечет жалкое существование, ибо это все равно, что беспокоится о том, было ли курице больно, перед тем как она попала в гриль. Если создатель наказал кого-то за прежние грехи, то почему это должно меня беспокоить, раз наказал – значит это справедливо. Мне нет никакого дела до того, каким образом добыто то, за что я заплатил, ведь я заплатил деньги и этого вполне достаточно. А скоро я куплю себе еще одну квартиру, еще одну машину, и возможно заведу себе еще пару любовниц, посему, меня больше интересует ответ на вопрос - чтоб такого купить, чтоб стать еще ярче и важнее. И «почему» у меня только одно – почему кому-то фартит чаще, чем мне?

3. Если я из «сильных» мира сего: Что за нелепый вопрос - кто я такой? Это я указываю, кто есть кто, как должен жить, о чем думать и чего желать. Ибо я один знаю, кому и как жить правильно, и все будут жить именно так. Есть, конечно, и смутьяны, но я избавлю мир от этой заразы. Никаких противоречий нет и быть не может, я указываю, что есть здравый смысл, а где его нет. Я верно и однозначно указал, что справедливо, что честно, что бескорыстно, и кто самый милосердный. И что за вопросы о сущности желаний, - для всех остальных я указываю, что есть сущность и чего желать, для меня же таковых существовать не может, ибо в своих стремлениях я и есть проявление высшей сущности, лучшего творения создателя.

И всех их вполне можно понять, ибо поведение обуславливают исключительно среда и условия обитания, а не что бы то там ни было еще. Сытому голодного не понять, и наоборот. Но все же есть и те, для кого рамки среды обитания не являются преградой в их «почему». Есть те, кто в своих «почему», не взирая ни на какие аксиомы, способен достичь пределов возможностей разума обусловленных лишь физиологией. Есть те, кто хочет знать, почему люди воспевают то, чего никогда не было, чего никто не видел, никто не пробовал, не испытывал на себе, или почему уравнивают до повседневности то, что в своих редких явлениях на опыте можно рассматривать только в веках. Почему люди верят в то, во что им хочется верить, во что им удобнее верить, во что им указано верить, а не в то, что оградило бы их от множества несчастий. Почему люди выбирают и стремятся к тому, что в конечном итоге оборачивается для них тяжелейшими страданиями. А главное, как показывает опыт, почему больше всего о чем не хотят знать люди, так это то, кто же они такие на самом деле, и, задавая вопрос - кто я, меньше всего, что хотят услышать, так это правду. Почему доходит до того, что люди готовы пролить реки крови, лишь бы не услышать правды о самих себе. Этому и будут посвящены нижеследующие рассуждения.

Глава I

Поиск себя в окружающем мире

§ Правильные вопросы

Где было мое «Я» в течение тысячелетий до рождения и где будет после смерти. «Я» появилось из «ничего» и уйдет в «ничто»? Если оно было ничто, как же оно появилось? Что я такое? Кем я являюсь? Кто я такой? Что «Я» такое? Почему именно здесь и сейчас? И где это здесь, и как наступило это сейчас? Хорошо ли там где меня нет? Что отличает меня от мне подобных? Почему я чувствую отличия своего «Я» от других? Другие «Я» также себя ощущают, или как-то иначе? Почему я противопоставляю мое «Я» окружающему меня миру? Откуда берутся гении, злодеи и, иногда, святые? Зачем все это и кому это потребовалось?

Очевидно, я никогда не узнаю где это здесь, и как наступило это сейчас, мой способ мышления физиологически не предполагает возможности абстрагирования от пространства и времени. Но осознание того, кто я такой, что «Я» такое, в чем моя уникальность и, возможно, даже сущность - видится вполне возможным. Ибо, ни что другое не предоставлено мне более непосредственно, нежели, чем я сам.

Правда, при первых же попытках посмотреть в себя, я убеждаюсь в том, что и в этом случае все не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд. В моих возможностях смотреть только в мир, я не в силах посмотреть в себя. При обращении к себе я вижу только собственную память себя и чувственные ощущения моей физиологии. У меня нет возможности осознать то, чем я являюсь сам для себя. Состояние самого в себе мне не доступно, ибо последнее если и может существовать, то заведомо вне времени и пространства. «Познающее» во мне, не может предстать пред собой в качестве познаваемого. Да и вообще, что это, или, зачем оно мне – это «познающее», тот еще вопрос.

И так, при недоступности кратчайшего пути, у меня нет иной возможности приблизиться к ответам, кроме как прибегнуть к сравнению себя с тем, что мой мозг представляет мне в качестве окружающего меня мира. Определив свое место в этом мире, возможно, мне станет доступной для понимания и собственная сущность. Во всяком случае, пусть последняя и не может быть мной полностью осознана, только одно понимание того, что она может собой представлять – уже много стоит.

§ Пространство, фрагментарность восприятия

Что есть мир, представляемый моим мозгом во времени и пространстве? Что известно мне о размере, объеме, протяженности? При ближайшем рассмотрении, как это не показалось бы странным - ровным счетом ничего. Я оцениваю размер относительно собственного тела, а время – продолжительности существования формы последнего. То, что я подразумеваю под «большим по размеру» - планета, солнечная система, галактика ... последней, для восприятия моего разума, и ограничивается. Ибо заканчиваются средства, позволяющие моему разуму продвинуться дальше. То, что я подразумеваю под «меньшим по размеру» - молекула, атом, ядро, элементарные частицы, точно также последними и ограничивается. И в первом случае, и во втором, мне известно, что пространство не может быть ограничено, ни миллиардами видимых мною галактик, ни элементарными частицами, иначе, существовало бы некое «ничто» (окончание). Существой это некое «ничто», то и появится что-либо в таковом, не могло бы. Отсюда, последовательно утверждение, что при заведомо бесконечном пространстве, мой разум не может мне позволить не добавить к этому ошибочное «во всех направлениях», ибо последние и есть основа того, за счет чего мой мозг формирует мне мое представление окружающей среды. Фактически, отстранившись от привычного способа представления «в направлениях», вполне справедливо предполагать, что каждая пылинка,

видимая мною в солнечном луче, это по сути своей миллиарды (допустим) галактик в то, что я называю уменьшением размера. И так для каждой частицы всего того, что я вижу. Сама планета и окружающая ее атмосфера – бесчисленное количество частиц, которые в свою очередь бесконечны в своих составляющих. При этом, хоть сколько-нибудь значимо продвинутся в любое из направлений или отрешиться от таковых я не в силах. И дело не только в средствах, а прежде всего в возможностях моего разума. Само то, что я называю миром, с бесчисленными галактиками, применительно к способу моего восприятия, вполне может являться лишь незначительной составляющей чего-либо еще. Ведь что отделяет физически «объект, как одну из форм материи» и то, что я представляю в своем разуме «объектом»? Очевидно, что это бесчисленное количество бесконечных частиц (можно даже сказать – галактик, миров, в общем как угодно, соразмерно фантазии) переходящих друг от друга, являющихся при этом и частью друг друга. Множество частиц составляющих одну форму материи (объект), переходящее во множество частиц составляющих другую форму материи (допустим атмосферу), и так далее (оболочка глаза, зрачок, сетчатка, нервы, мозг, клетки мозга и т.д.). При этом каждая составляющая, частица, в свою очередь лишь мнимое очертание границы некой формы уже своих составляющих, и так в бесконечность. Следуя этой мысли, я так или иначе прихожу к тому, что, будучи сам лишь совокупностью бескрайних составляющих, вижу лишь размытые границы перехода от одних форм состояния материи к другим. Да и то, мне видимы только те переходы, которые необходимы мне для сохранения собственной формы, т.е. я, вижу только то, что позволяет видеть мой глаз в определенном спектре, и чувствую лишь то, что позволяет мне моя физиология. Сами границы, делающие возможным существование для меня законченных форм, лишь продукт деятельности моего мозга - феномен, ведь объективно их существовать не может. Все то, что я представляю себе как мир – не более чем иллюзорный фрагмент переходов одних состояний материи в другие, проще говоря – лишь несуществующий реально фрагмент, ибо фрагментарность немислима в бесконечности. Фрагментарность того, что я воспринимаю как мир, неопровержимо доказывает мне то, что объективно, в том виде как я себе это представляю, он существовать не может. [Стоит изменить любой из спектров моего восприятия, как многие границы просто перестают существовать, но появляются новые. Равно как не существует же для меня мира, в том виде как его воспринимают животные, и тем более насекомые. Даже мир слепорожденного человека не тот, что существует в мозге зрячего.]

Представляющийся мне мир лишь виртуальная проекция. Проведя аналогию, это родственно тому, что мой мозг это некий проектор, мое сознание – экран, память – губка за экраном (впитывающая в себя часть того, что просвечивается сквозь экран). Мое настоящее, мой мир, мой разум - это функция соотношения того, что в текущий момент есть на экране, с тем, что есть в памяти. Эта иллюзорная (ибо виртуальная) конструкция и есть тот самый феномен мозговой деятельности, называемый мною сознанием себя в мире. Все мое ощущение действительности и движения мира зиждется на сравнении отраженного на экране с запечатленным в памяти, основываясь лишь на том, что текущее теперь иначе чем прежде. Проектор ничего не знает о смысле того, что отображается на экране, и самому экрану собственно тоже нет до этого никакого дела, пока нет того с чем сравнивать (без памяти). Для них вообще «смысла» не существует, хотя существование последнего всецело зависит от исправности работы, как первого, так и второго. Даже памяти нет никакого дела до смысла того, что в ней хранится, также как нет дела ящикам архива до смысла того, что запечатлено на хранящихся в них фотоснимках. Искать «себя» в конкретных клетках (участках) мозга, это все равно, что предполагать существование для фотоаппарата смысла в том, что он фотографирует. Ни мой мозг, ни мои органы чувств, не знают о моем мире ровным счетом ничего, он для них попросту не существует. Мой мир для моей физиологии не ценнее чем кино для глухонемого. Моя действительность, с наличием времени и пространства, имеет смысл, да и вообще существует, только для наблюдателя, сущность которого заключается в процессе сравнения проекций. Окружающий меня мир наделяется смыслом (становится

очередной проекцией) только при сравнении того, что я вижу и чувствую с тем, что содержится в памяти, т.е. мое настоящее, сознание, это сопоставление того, что транслирует проектор с ранее запечатленными проекциями в памяти. Процесс мышления же, не более чем создание проекций из того, что накопила память, т.е. формирование проекции из проекций. Любое абстрактное представление это комбинированная, из ранее накопленных проекций, виртуальная проекция, не имеющая однозначного проявления в представляемом мире, но сохраненная в памяти в качестве понятия (собирательная проекция). Чем сложнее абстрактное понятие, тем оно более иллюзорно. [К примеру, существование понятий: затянутое грузными тучами небо, дождь, пронизывающий холодный ветер, - является следствием сохранения в памяти однозначных проекций, имеющих непосредственное внешнее проявление, воспринимаемое всеми особями моего вида примерно одинаково. Но только путем создания из них собирательной проекции, может появиться понятие «плохая погода», которое, в свою очередь воспринимается разными особями уже не столь однозначно, особенно если добавить к этому то, что для некоторых, учитывая климат региона их проживания, подобное соотношение природных явлений может иметь и вовсе противоположный смысл. В каждом из существующих языков существует множество непередаваемых на другие языки понятий. Не трудно представить, какое отношение к реальности могут иметь понятия, имеющие в своей основе десятки, сотни, тысячи, миллионы уровней собирательных проекций. Если же после этого, еще и сопоставить это с тем, что оценка окружающего мира и наделение его смыслом осуществляется современным человеком в большей степени с учетом множества собирательных понятий, то не трудно представить себе и степень иллюзорности того, что многими людьми воспринимается за реальную действительность.]

Все достижения науки, это всего лишь свод наблюдений человечества за процессом перехода одного состояния материи в другое при определенных условиях. Фактически, если я и могу что-либо изучать – так это только условия, да и то, применительно к тому, что доступна моему созерцанию лишь их незначительная часть. Я знаю из опыта, что будет, если соединятся кислород и водород при определенных условиях. Но я никогда не узнаю сущности того, почему это произойдет именно так и не иначе, ибо сами условия несут в себе лишь условный умопостигаемый мною характер, а то, что есть, по сути своей, состояние материи в виде кислорода, или водорода, - мне вообще не ведомо. Мне отчасти известны составляющие кислорода и водорода, я даже могу выделить и то и другое из воды, но у меня до сих пор нет опыта по созданию условий, позволяющих использовать воду как энергоноситель, в бытовом смысле моей жизнедеятельности. [Вообще, абстрагировавшись от собственной жизнедеятельности, все, что только и существует в природе по сути является энергоносителем.] Из тех условий, которые человечество смогло создать ни одно не удовлетворяет поставленной задаче, т.к. энергия затрат, необходимая для извлечения водорода из воды, пока, несоизмеримо выше энергии от получившегося количества водорода. Пройдет время, и только опытным путем, методом перебора условий, человечество, возможно и придет к способу наименьших затрат для выделения водорода из воды. Городские улицы заполнятся автомобилями на водородных двигателях, но загадок при этом меньше не станет. Куда уж там до понимания сути строения органических тел и, прежде всего, – собственного тела человека, как наиболее сложного для изучения. Мне известны лишь частности из опыта, к основе я даже не приблизился, ибо истинная сущность строения мне не известна, да и по необходимости – вполне не постижима. Вся гениальная инженерия в буквальном смысле не более чем наблюдение и опыты методом перебора, иногда доходящие до безумных по своей жестокости способов. [Достаточно вспомнить опыты над людьми во времена «третьего рейха», вызвавшие собой целую волну исследовательских проектов во всех частях света, ни один из которых не предполагал гуманности даже в теории. Не говоря уже об опытах над животными, практикуемыми во все времена без каких-либо ограничений.]

По большому счету, вся современная наука практически ничего не знает о реальной природе происходящего в том, что называется человеком миром. Принимая во внимание одно, наука, в силу уже отсутствия здравомыслия многих ученых и подверженность таковых влиянию денег и политики, игнорирует другое, порой даже более значимое или актуальное, доходя до полнейшего абсурда. [Вроде того, когда не разобравшись толком с гравитацией признали антигравитацию лженаукой.]

Несколько столетий назад наука толком не имела представления даже о существовании элементарных частиц, сейчас же, ученые приближаются к обнаружению частицы, которая, по их мнению, содержит в себе признаки всех химических элементов. Если это так – можно только фантазировать на тему того, что же должно представлять собой то, что содержит в себе все элементы сразу, т.е., по сути – весь мыслимый мною мир. [Оригинальный подарок сделали ученые теизму, назвав субатомную частицу, соответствующую параметрам бозона Хиггса – частицей бога. Остается только догадываться как на кафедрах, «верующей» аудитории, будут преподносить частицу, наделяющую массой весь представляемый человечеством мир. Неужто в качестве создателя.]

Из вышесказанного вполне последователен вывод, что, по сути – форма, и тем более размер, не имеют значения, ибо не существуют, они лишь иллюзия - продукт моего восприятия окружающей среды. Очевидно, что с позиции реального мира – размер, как таковой, не только немислим, но и абсурден. Невозможность осознания того, что, по сути своей, нет никакой разницы между планетой и пылинкой, и является тем препятствием, которое будет удерживать меня строго на том уровне разума, который предопределен мне природой. Большинство людей, предпочитающее иллюзию их действительности, находит это единственно возможным существованием, и лишь немногие готовы потратить значительные силы на осознание того, что их, равно как и всех других, реально не существует. Сознание людей, имеющих, по их мнению, весьма конкретные представления об окружающей среде и чувственные ощущения от собственного тела, никогда не позволит им осознать себя лишь виртуальной проекцией со смыслом, только для нее же и существующим.

§ Действительность

Идя дальше, для меня становится вполне очевидным и то, что, в сущности, нет никакого различия между органическими и неорганическими телами, ибо это лишь формы. Что представляет собой мое тело? Это форма характерная для определенного состояния материи и ничего более. «Процесс бытия» - по сути, это всего лишь процесс перехода одних состояний материи в другие. В неорганическом мире следствием перехода одного состояния материи в другое является изменение формы, в органическом мире, сама форма является следствием процесса перехода одних состояний материй в другие, но и для первого и для второго сутью является одно и то же – переход одного состояния материи в другое. Отчасти, этот процесс можно назвать поглощением одного состояния материи другим. Любое органическое тело, в какой-то мере, не более чем форма состояния материй, существование которой заключается во взаимодействии одних состояний определенных материй (составляющих, веществ), с другими, и по окончании процесса необходимого для формирования следующего образца соразмерно изменившимся условиям, начинается процесс ее распада. Все то, что я могу себе представить, вернее, все то, что представляет мне мой мозг в виде окружающего мира, и есть бесконечный процесс поглощения одних состояний материи другими. С разницей в том, что мой разум, наделенный лишь определенными способами восприятия, наблюдая за подобными процессами, разделяет последние по признаку «скоротечности» т.е. времени. Процесс формирования и распада галактик (форм состояния материи) для моего восприятия немислим, при этом процесс формирования и распада форм себе подобных кажется мне вполне воспринимаемым. Я могу только фантазировать о продолжительности процессов формирования галактик, но так живо представить себе подобный процесс, как мне это доступно на примере периода

существования животных форм на моей планете, я не в силах. [Тысячелетия потребовались для того, что бы заставить мой автомобиль двигаться за счет сжигания нефтепродуктов, но мной это мало осознаваемо. Равно как и находясь на берегу моря мне не доступно осознание того, что я в своем летоисчислении ничто по сравнению с любой из частичек галечного пляжа.] Любая форма состояния материи это всего лишь следствие процесса перехода из одного состояния в другое, и этот процесс непрерывен и бесконечен. Камень, это лишь очередная форма состояния материи. Мое тело, лишь форма состояния материй, которые, в зависимости от условий процессов распада формы вызванных сменой состояния некоторых составляющих, сами перетекут в иные формы. После (к примеру) кремации тела, на выходе я получаю воду (пар), различные состояния материи в газообразном виде, огромное количество минералов и прочих составляющих золу. Сама материя, при кремации тела, никуда не исчезнет, не испарится в небытие, изменятся лишь формы состояния различных материй составляющих ранее в совокупности форму моего тела. В каждой капле дождя находится бесчисленное количество составляющих, которые прежде были составляющими животных тел, растений и т.п. ранее утраченных форм. Обратив внимание на сущность и взаимообусловленность глобальных процессов происходящих на планете, становится очевидным то, что сама планета, по сути, занимается тем, что как бы поедает и воссоздает сама себя.

Существование материи - это ее действие в смене своих форм, причина и действие, и поэтому совокупность эта называется действительностью. Только действуя, материя наполняет пространство и время, в котором она познается моим разумом лишь потому, что она теперь иначе, чем прежде. Без пространства и времени материя не представима, ибо форма предполагает пространство, а действие определимо только во времени. Процесс этот не только бесконечен, но и заведомо бесцелен, он просто есть.

Отсюда очевидно, что основой всего материального является бесконечный процесс поглощения одних форм состояния материи другими. И это очень важный для моего изыскания вывод т.к. он полностью исключает возможность существования созидания без уничтожения, и уничтожение без созидания. Он полностью обесценивает морально-этический признак в определениях «созидание» и «уничтожение», ибо, по сути, это есть одно и то же. Создание формы – процесс созидания, но средства этого процесса – уничтожение. Равно как и дальнейшая утрата формы в целях образования следующей, процесс уничтожения в стремлении созидания. Если исключить из этой последовательности фрагментарность восприятия моим мозгом происходящего, то созидание и уничтожение уравниваются до бесконечного процесса, который просто есть. Созидание есть уничтожение, и наоборот. [Я поглощением рожден, чтоб кушать для того, чтоб в апогее пищей стать.] Существование меня, в смысле того кем я себя ощущаю, не несет в себе никакой цели. Цель - это призрак, рожденный моим разумом. Моя сущность, не больше и не меньше – лишь форма состояния материй. Моя единственная задача, назначение (если это вообще можно так назвать) – поглощать в угоду сохранения формы.

§ Формы, баланс, эволюция, воля к жизни

Все органическое и неорганическое мною мыслимое, является в сути своей бесконечным процессом смены одних состояний материи другими. Изменяемо только состояние (а равно – форма), сам процесс, в своем стремлении, бесконечен и как следствие бесцелен. Существование некоего окончания, достижения некой конечной цели, также немислимо, как и существование «ничто». Если и существует основа всех процессов, то зиждется таковая исключительно на стремлении материи в смене своих состояний. Как минимум, я могу утверждать, что если что-то существует, это не могло появиться из «ничего», равно как и уничтожение в «ничто», так же немислимо. Сила, энергия, стремление материи к смене своих форм, есть бесконечно существующее. Я наблюдаю эту силу повсюду, начиная от термоядерной реакции и сил природы до всемирного тяготения, но, конечно, не

ограничиваясь ни первым, ни последним. Я сам есть всего лишь очередное следствие ее действия. Я и есть ее действие. Я чувствую эту силу всем своим существом, каждой клеткой своего организма, и как все мне подобные, давая ей различные названия, «природа», «сила природы», «жизненная сила», «энергетика», «воля к жизни» и т.п. Что же является основой этой силы (энергией) стремления - доподлинно не ведомо, что и никогда не станет возможным, ибо познание сущности этой энергии будет означать познание ей самой – саму себя, ведь сам процесс познания есть действие этой силы, стремления. Познающее должно будет предстать само пред собой в качестве познаваемого. Учитывая, что я сам являюсь всего лишь результатом действия этой силы, выражающегося в совокупности форм определенных состояний материи, рассчитывать на возможность полного самопознания мне, как и мне подобным, по всей видимости, не стоит. Как только познающее предстанет пред собой в качестве познаваемого, оно перестанет нести в себе сущность познания, оно станет самим в себе, самим для себя, вне времени, вне пространства, т.е. вернется в свою первоначальную сущность – т.е. в то самое вечное, бесцельное стремление, энергию, волю. Что же, по сути, может представлять собой органическое тело как результат стремления материи к смене своих состояний? Как уже обозначалось, органическое тело это форма процесса смены состояния материи. Устойчивость формы (а для меня это не что иное, как продолжительность существования меня как особи определенного вида) всецело зависит от взаимообусловленности и некоего баланса процессов ее формирующих. Стоит хоть одному процессу приостановиться или стать преобладающим, вследствие изменения каких-либо условий, как неминуемо изменится форма. И, если это будет возможным - будет меняться постоянно, приходя к более-менее устойчивому состоянию сохранения формы, только при достижении баланса среди процессов ее формирующих. Следуя этому, можно предположить, что все меня окружающее органическое, это не что иное как, устоявшиеся в некотором роде, на определенно продолжительное время - формы процессов смены состояний материи. Формы эти были достигнуты путем огромного количества попыток достижения определенного баланса. [Эволюции.] Ведь что по сути своей есть форма того, что я воспринимаю как (к примеру) – растение. Это бесчисленное количество попыток природы сохранить определенную форму в определенных условиях (мой разум добавит к этому еще и ошибочное - на максимально продолжительное время, хотя на самом деле, всего лишь на необходимое), формируя баланс процессов в определенной внешней среде, т.е. в условиях других состояний материи. Огромное количество попыток предприняла природа до тех пор, пока не появилось первое растение, и еще больше попыток было предпринято для того, что бы открылся первый глаз. И все это только следствие нахождения материи в определенных условиях. Проще говоря, в условиях состояния материи в виде планеты, ее составляющих и окружения. Стоит хоть в чем-то измениться внешней среде, к примеру – измениться температуре на отдельно взятой планете, и тут же неминуемо изменение форм состояния материй на ее поверхности. [Логично предположить тоже и для галактики. Изменись что-либо на солнце, как неминуемы изменения для всех составляющих галактику.] Вот почему до меня не дошли многочисленные виды растений и животных, но при этом появились новые, соразмерно изменяющимся условиям как внешней, так и внутренней среды. Именно на этом зиждется утверждение, что природа не делает ничего бесполезного и, тем более, лишнего. Форма не может существовать в отсутствии сбалансированности с другими формами. Любая форма это неотделимая часть устоявшегося баланса, а в моем случае, условиях окружающей меня среды обитания. Ни лишнее, ни бесполезное в данном случае даже немислимо. Любая часть или функция органического тела является частью сформировавшегося баланса, нарушение которого ведет к неминуемому изменению формы или ее утрате. Это, кстати, подтверждается и отсутствием «бессмертных», в моем понимании, органических тел. Любое органическое тело неслучайно снабжается функцией размножения / деления, продолжения рода, сохранения вида, сохранения формы свойственной определенному виду. Ибо функция размножения несет в себе основополагающую, для существования определенной формы, возможность подстраиваться

под изменяющиеся условия внешней среды. Для природы нет никакого дела до конкретного образца формы (индивида), природа любого органического тела – сохранение формы как таковой, т.е. вида, в соответствии с определенными условиями среды присутствия. И только мой ограниченный разум измеряет время жизни – временем существования единичной особи, хотя более правильным, отчасти, следовало бы ориентироваться на время существования вида, в моем случае - человечества. Но и последнее, на самом деле, не является правильным, в чем мне легко убедиться начни я развивать эту тему последовательно. Вне зависимости от органической или неорганической основы тел, я могу смело утверждать, что любое тело, т.е. состояние материи, это не что иное, и не более чем, объективация жизненной силы, природы (название не принципиально) в определенном состоянии материи, в обусловленных другими состояниями материй условиях.

§ Продолжительность жизни

Из вышесказанного еще вытекает и то, что время существования особи определенного вида (продолжительность жизни) тождественно времени, необходимому виду для изменений под меняющиеся условия среды обитания. Или же наоборот, скоротечность изменений условий окружающей среды обуславливает время существования особи вида. Для того, что бы вид обрел какую-либо новую особенность под изменившиеся условия среды обитания, или же избавился от существующей, но утратившей необходимость, требуются многочисленные поколения. Особи, постепенно приобретая новые качества (обусловленные изменениями среды обитания), путем многочисленных перерождений, поколений, должны донести до вида в целом новое качество, необходимое для выживания (сохранения баланса) в изменившихся условиях окружающей среды. У каждого вида существует определенное количество поколений необходимых для изменений особенностей вида в целом. [Сколько поколений для изменений требуется человеческому виду, доподлинно последнему не известно, при этом, человечество, путем наблюдений за видами со значительно меньшей продолжительностью существования особей, не только выявило подобное значение у целого ряда видов, так еще и озаботилось селекцией. Что, правда, в большинстве случаев не показывает никакого иного результата кроме как отрицательного. Чем большие изменения у вида вызывает человек селекцией, временным изменением условий внешней среды и/или внутреннего строения, тем плачевнее результат, и порой, для самого же человека. Человек пытается влиять на вид, что, по сути, абсурдно, ибо последний существует исключительно соразмерно условиям среды обитания в целом, а не только тому, что известно человеку. Многие ошибки человеку не видны не из-за того, что их нет, а всего лишь потому, что процесс еще не достиг своей кульминации. Изменяя одно, человек ориентируется на изменения только того, что ему известно, что он способен увидеть в краткосрочной перспективе, совершенно не заботясь о том, к каким последствиям может привести селекция в конечном итоге. Генная модификация тому прекраснейший пример. Получив первые, явно предварительные результаты, тем более соответствующие ожиданиям, человек наивно полагает, что это конечные результаты и что в веках генная модификация не даст о себе знать и с других сторон. Остается только предполагать, будет ли человек будущего научен полученной шишкой или же, как и прежде, спишет все на высшие и неведомые силы.] Если искусственным путем значительно изменить продолжительность жизни особей определенного вида, вид прекратит свое существование; как минимум по причине нарушения баланса численности, либо, при очередном изменении условий среды обитания. Даже если вид и сохранит себя, то это будет уже в новом качестве, это будет уже иной вид. Тоже касается и изменений условий среды обитания. Резкие изменения приводят к вымиранию огромного количества видов. Первыми жертвами становятся более сложные формы жизни (как наиболее зависящие от внешних условий), и соразмерно изменившимся условиям, гибнут все виды, вплоть до тех, чьи особенности настолько примитивны, что допускают существование в сложившихся условиях. На опыте подобные ситуации

достаточно многочисленны, и человечество не раз было свидетелем того, когда в определенных условиях в живых оставались лишь простейшие бактерии, либо, в изменившихся условиях, популяции некоторых видов увеличивались до уровня утраты возможности существования. Существование человечества, равно как и всего органического на планете, всецело обусловлено определенными условиями среды обитания. Если продолжительность жизни особей человеческого вида и изменится (значительно), то только соразмерно изменениям в скоротечности изменений условий среды обитания. Искусственное кратное изменение продолжительности жизни неминуемо приведет к гибели вида. [Еще неизвестно чем закончится кратное увеличение популяции людей, наблюдаемое за последние столетия. Как показывает опыт оказавшихся в подобных условиях, другие виды животных как правило ожидал незавидный удел.]

Очевидно, что продолжительность существования меня как особи вида не больше и не меньше чем это необходимо для выживания вида в определенных условиях его среды обитания. Даже если и допустить, что процессы изменений условий среды обитания на планете и замедлятся, что в свою очередь и будет являться причиной увеличения продолжительности существования особей моего (и не только) вида, то человек этого не ощутит, ибо его представления о времени, т.е. времяисчисление, также претерпит соответствующие изменения. Пока существует стремление к жизни, последняя всегда будет казаться короткой, и только невыносимые страдания могут сделать жизнь настолько длинной, что единственным стремлением станет только желание смерти. Если допустить, что продолжительность жизни человека увеличится до тысячи лет, то для его чувственных ощущений это не сыграет абсолютно никакой роли, жизнь по-прежнему будет казаться человеку короткой. По сути, это тождественно с тем, что если выразить существующую продолжительность жизни человека не в годах, а в секундах, т.е. с тем, когда кроме увеличения числа для его чувственных ощущений, это ровным счетом ничего не даст. Если же человечество искусственно начнет в значительной степени влиять на продолжительность жизни особей в краткосрочной перспективе, это, безусловно, закончится для вида весьма плачевно. [Занятные результаты показывают наблюдения за людьми, которые в силу каких-либо расстройств нервной системы (или гипноза) уверовали в многократное увеличение продолжительности собственной жизни. Поведение подобных людей и состояние их психики не оставляют для оптимизма ни единого шанса.]

§ Мышление, характер, сущность всех стремлений

Переходя к сравнению себя с окружающими, первым, что бросается мне в глаза, так это то, что мое тело и его составляющие, по сути, те же, что и у всех мне подобных. Физиология идентична, отличия не только формальны, так еще и в большинстве своем сами не уникальны, просто многочисленны. Ни физические, ни национальные, ни расовые различия людей, не несут в себе признаков значимых отличий, делающих возможным отделение определенных особей от вида в целом. Более того, большинство составляющих мою физиологию идентично составляющим физиологию других видов живых организмов. При ближайшем рассмотрении мой вид вообще не сильно отличается от других видов органического, и, тем более, животного мира. Да, животные разных видов, конечно, внешне могут и разительно отличаться, но молекулярное строение клеток, а за ним кровь, скелет, ткани и т.п. явно имеют схожую природу. Даже при условии того, что в физиологии вида что-то более развито, а что-то может вовсе отсутствовать, сущность органического строения у всех одинакова и отличия заключаются лишь в обусловленности строения организма средой обитания. Не больше и не меньше. По сути своего строения я живой организм, идентичный в своей сущности всем остальным существующим на планете. [Кстати, многие ткани моего организма очень схожи (вплоть до уровня трансплантатов) с органикой нежвачных парнокопытных (проще говоря - свиней), а также с физиологией высших приматов, обладающих, ко всему прочему, практически полностью идентичным по строению

мозгом.] В числе составляющих мою физиологию нет ничего, что не присутствовало бы в том или ином виде у какого-либо другого вида живых организмов. Никакой уникальности «меня» с точки зрения органики явно не усматривается, и искать здесь ответ на вопрос, почему я чувствую себя центром вселенной, по всей видимости, не целесообразно. А если придать сравнению мое физиологическое строение в целом, я далеко не самое сильное и, тем более, выносливое животное.

Единственная функция, которая хоть сколько-нибудь разительно отличает мой вид от других видов животных – развитая способность мышления, а если быть точнее, возможность оперирования абстрактными представлениями, при условии схожего с другими видами строения мозга. Тогда, быть может, меня от мне подобных отличает что-то в природе мышления? Так ведь нет. Способность мышления зиждется исключительно на органических функциях моего организма, будучи обусловленной мозговой деятельностью. Я мыслю и реагирую на среду обитания посредством тех же физиологических составляющих (органов), что и все особи моего вида, а значит и реакция на раздражители в целом, по сути своей, у меня не может являться особенной и тем более уникальной. Да, реакция может отличаться в своих частных проявлениях, но по своей сущности таковая заключается строго в рамках моей органической природы; я не в силах сделать ничего иного, кроме того, что регламентировано мне моим органическим строением. Сами по себе реакции есть не более чем следствие работы моей органики, характерной для моего вида. [Еще ни одна обезьяна не заговорила, как бы она не была похожа на человека, и ни один волк не перевоспитался в собаку.] Более того, и полностью отказаться от чего-либо предопределенного мне моей природой я тоже не в силах; хотя бы потому, что самими такими силами не наделен. Все что я могу «делать», и могу заставить себя «не делать» допустимо только в соответствии с моим органическим строением. Даже уровень интеллекта и природный характер, обусловлены исключительно органическим строением, т.е. генетически, и тоже явно не «мои уникальные», и тем более мне не подконтрольные, всего лишь унаследованные. Бесспорно, опыт показывает мне индивидуальность поведенческих характеров для каждой особи моего вида. Но это лишь видимость. В основе поведенческого характера каждой особи лежит исключительно характер вида. Все видимые многочисленные различия существуют только для моего сознания, ибо различие их не в сущности, а только в морально-этической оценке, т.е. степени моей иллюзорности. Видимое моим разумом различие характеров происходит всего лишь из-за огромного количества взаимных комбинаций интеллекта, унаследованного от одного родителя (матери), и предрасположенности к тем или иным стремлениям (характером), унаследованной от второго родителя (отца). И интеллект, и предрасположенность к фокусировке стремлений, будут строго в рамках предопределенных обще видовыми свойствами. Никакая комбинация не способна будет создать такого соотношения, которое сделало бы особь отличную от своего вида. [Проще говоря, если смешивать лимонную кислоту с сахарным сиропом в разных пропорциях, в результате будет получаться одна и та же смесь, являющаяся, по своей сути, лимонадом. Вкусовые же ощущения от каждого варианта, не более чем субъективное оценочное мнение, в каких пропорциях не смешивай, сущность результата не изменится. Крайние диспропорции будут наименее употребимы в качестве лимонада, сбалансированные - будут наиболее соответствовать задаче. Соотношение сильного интеллекта и крайне амёбного характера (отсутствие предрасположенности к какой-либо фокусировке стремлений) - даст в результате тоже, мало жизнеспособное существо, что и обратная диспропорция. Сбалансированные комбинации с незначительными различиями являются наиболее жизнеспособными и пригодными для продолжения рода. Огромная популяция и множество комбинаций соотношения составляющих характер каждой из особей, как следствие относительно различно реагирующих на те, или иные, состояния среды обитания, создают видимость разительных отличий особей одного вида друг от друга в отдельно взятых состояниях среды обитания. Это и создает иллюзию существования индивидуальностей сильно отличающихся друг от друга. Если в одном месте собрать всех, примерно одинаково «умных», то

фактически, различий станет меньше, а практически – они все равно найдут среди себя «глупца». Иллюзия существования выходящей за пределы обще видовых свойств индивидуальности, неминуемо рушится, если отвязать оценку от определенного состояния среды обитания.] По сему, природа моего поведения не может быть особенной, т.к. всецело обусловлена физиологией, собственно как не может быть отличным и все остальное, в том, что я собой представляю. Я могу что-либо «делать» / «не делать» только в рамках регламентированных мне моей физиологией. Много в моей природе обуславливает в действиях моего организма и вовсе единственный вариант - «обязательно делать», и у меня нет ни единого шанса не делать этого без угрозы гибели. Фактически, мой организм существует вследствие деления идентичных организмов и для строго predetermined стремлений природы. Вполне очевидно, что у меня не может быть никаких шансов на «иной путь».

Природа явно не воспроизводит ничего лишнего, и тем более бесполезного. Если что-то появилось, значит, была причина. Если что-то существует, значит, это в свою очередь причина для следующего действия и т.д. Что собственно и подтверждается на опыте. А опыт мне показывает, что все органическое в природе существует ради единственного стремления, на что ориентирована физиология всех без исключения живых существ – сохранение вида, т.е. определенной формы состояния материи. Единственное предназначение особи вида, это стремление в его сохранении, условно говоря, целеустремленность на продолжение рода. Ни один организм не в силах делать ничего, что не лежало бы в рамках указанного стремления. Ни у одного организма нет ни одной функции предназначенной для чего-либо иного кроме как в угоду стремления сохранения вида. Даже если ближайшая причина каких-либо действий животного на первый взгляд не лежит в рамках целей продолжения рода, то стоит пройти буквально несколько ступеней по цепочки предшествующих причин, как можно убедиться в едином мотивационном начале всех поведенческих реакций абсолютно всех живых организмов – сохранение вида. Сама сущность материального мира, заключающаяся в поглощении одних форм материи другими, не допускает ничего иного. И мой вид, учитывая полную схожесть в органическом строении с другими видами, заведомо не может являться исключением. Я точно такое же животное, как и иные на планете. И без тени сомнений - животное я хищное, ибо заведомо, по природе своей, плотоядное. Природное назначение существования меня как особи определенного вида животных не отличается от остального органического мира и ориентировано исключительно на сохранение вида в моем единственном предназначении заключающегося в задаче продолжения рода. Размножение – моя единственная задача и сущность всех моих стремлений. В буквальном смысле я органическая субстанция воспроизводитель, «инкубатор» будущих поколений. И это единственное мое назначение как особи вида, однозначно регламентированное мне природой.

Природа человека, выражающаяся в его стремлении к жизни, как очаг, горит, требуя удовлетворения, «слепо хочет», с рождения и до смерти. Если бы человек был в силах с легкостью и непринужденностью абстрагироваться в своем мышлении от своей физиологии (что, конечно, видится невероятным), то смог бы даже самостоятельно периодически что-либо хотеть вне своего предназначения. [Правда не понятно, как бы человек смог бы чего-либо захотеть вне стремлений своей природы, если все, что он знает о мире, только ей и обусловлено, причем исключительно соразмерно тому, что только и необходимо для выполнения основной задачи.] Но физиология строго направляет стремления к одному и тому же - стремлению к продолжению жизни в новых поколениях. Осмелюсь утверждать, что сила горения очага стремления к жизни прямо пропорциональна репродуктивному возрасту, утихая по мере утраты репродуктивных функций. Доказательством этого может послужить присутствующие в молодости особи чрезмерные рвения, сменяющиеся с годами относительным спокойствием, размеренностью, и к старости практически полному замещению пассивностью. Чем дольше у особи сохраняются репродуктивные функции, тем

дольше длится период активной жизнедеятельности. [Не вводя в себя в заблуждение, уравнивающее репродуктивность с половой (сексуальной) активностью.]

Жизненная сила постоянно ищет своего удовлетворения, используя predeterminedенные мотивы - стремление к продолжению рода в угоду сохранения вида. Последние, в свою очередь, проявляются в виде поведенческих реакций человека на раздражители от среды обитания и выражаются каждой особью в соответствии с ее комбинацией унаследованных от родителей свойств, т.е. соотношения интеллекта и предрасположенности к каким-либо проявлениям стремлений (характером). Сама природа, окружающий мир, дает мне многочисленные примеры того, что множество частных лишь средства, а не суть predeterminedенного стремления. Человек как река, цель которой, доставить воду от родника до океана. Струйка воды, рожденная родником, превратившаяся в ручей, затем в реку, и в конце своего пути, пройдя все преграды и изгибы, характерные для ландшафта, впадает в океан – человечество. predeterminedенный мотив, цель, – пополнить океан (сохранение вида); напор воды – воля к жизни; изгибы реки в соответствии с ландшафтом – жизнь особи в своей среде обитания (соответствие поведения конкретной особи своей среде обитания); чистота воды, ее составляющие – интеллект и поведенческий характер (которые конечно зависят и от унаследованных физиологических особенностей, и от окружающей среды); океан – человечество, где смешиваются воды всех рек. При этом сущность всех рек одна – вода.

В поисках своего «Я»

§ Душа, реинкарнация

Так что же у меня уникального, позволяющего мне чувствовать себя венцом творения и центром вселенной, если в целом я не отличен от других? Душа? О да! Наслышан. Ну, допустим, есть некая субстанция (или что там еще), и пусть называется душой. И пусть даже она может быть внетелесной. Но. Помещенная в сосуд – в тело, у таковой нет ни единого шанса на неподчинение обще видовому характеру моего организма, ибо физиология одинакова у всех представителей вида; потребности, реакция на внешние раздражители, соответствие среде обитания, опыту - все обусловлено идентичной для всех представителей моего вида физиологией. Никакая душа не сможет ничего противопоставить физиологической потребности пропитания и обще видовому стремлению продолжения рода. Ибо даже опыт, не в силах ни обеспечить мне возможность сколько-нибудь значимого контроля и/или влияния над физиологией, ни, тем более, что-либо изменить в природе мотиваций, влияющих на мое поведение. [Если только представить, во что мог бы превратиться мир, если бы человек обладал бы способностью изменения физиологии мозга путем воздействия на таковую внешней информацией.] Угнетение в организме его естественных потребностей приводит в лучшем случае к инвалидности особи, в худшем – к ее гибели. Нехватка пищи или отсутствие в таковой каких-либо необходимых компонентов, чрезмерное утомление без отдыха, и даже отсутствие физических нагрузок, все это неминуемо сказывается на физиологии. Физиология даже дразнить себя не позволяет. [Длительное половое возбуждение без эякуляции, обернется для начала неврозом и болезненными ощущениями, но в конечном итоге приведет к болезням половой системы и необратимым органическим изменениям. Даже невинное увлечение жвачкой может привести к весьма пагубным последствиям, т.к. мозг, рано или поздно почувствовавший исчерпанность вкуса оплатит всего лишь желанием новой порции, но вот желудок, уставший от бесцельного выделения соков, оплатит уже гастритом, а при игнорировании предупреждения, накажет и язвой.] Только путем физического воздействия можно хоть сколько-нибудь значимо повлиять на физиологию и посредством органических изменений вызвать изменения в мотивациях. Значительную часть ярко выраженных психических отклонений человек научился диагностировать путем наблюдений за физическими изменениями коры головного мозга. При этом есть целый ряд наблюдений, не вызывающих

особых сомнений в своих выводах, показывающих полную идентичность строения мозга у людей, не подвергшихся каким-либо заболеваниям, и даже с разительно отличающимися характерами и/или уровнями интеллекта. Все обнаруженные особенности в мозговой деятельности у людей с различным уровнем интеллекта, касаются лишь пропорциональности присутствия некоторых белков, но не их отсутствия или присутствия как таковых. Как следствие, нет никаких оснований предполагать, что люди, будучи практически полностью идентичными по строению могут разительно отличаться в своих стремлениях. Ни что внешнее, внетелесное, эфирное, или же материальное (не важно), не в силах чего-либо превознести в организм особи, и, следовательно, повлиять на его стремления, без кардинальных изменений в его органическом строении.

Нет никаких сомнений в том, что я во всех смыслах не более чем представитель своего вида, особь, отдельная объективация природной идеи определенного вида животных. Все, что я собой представляю, характерно исключительно для вида, и не в коей степени для «некого» меня. Реинкарнация? Абсурд! Помести это некое «Я душу» в другое тело, в иной среде обитания, и не будет меня того, кто «Я» есть, но будет тот, кем «Я» бы стал. Другой? Или все тот же? По сути, не изменилось бы ничего; все те же обусловленные физиологией потребности, и, как следствие, те же мотивы. В каком бы теле не находилось это, допускаемое внетелесное (душа), оно не может ничего превознести, и тем более не в силах не подчиниться тому, что регламентировано органикой (физиологией, генетикой), т.е., даже если некое внетелесное и существует, для меня, для «Я» конкретной особи, это не несет равным счетом никакого значения. [Интересно, смогла бы душа «святого», существуй она в действительности, не допустить появление в мире очередного негодяя, помести создатель такую в тело со слабым интеллектом, но с крайне агрессивным характером. Смогло ли бы это внетелесное, совладать с весьма однозначным в своих физиологических стремлениях телу, тот еще вопрос.]

§ Сущность «Я»

«Я» это «Душа»? Нет. Это невысказано. «Я» до тех пор конкретное «Я» пока оно себя помнит в определенных условиях обитания с конкретным опытом. Ощущение «Я» это самое незначительное из того, что я представляю собой, ибо всецело зиждется на памяти о конкретном опыте в определенной среде обитания. Сущность «Я» - это всего лишь память о прошлом опыте отдельной особи. Любые изменения памяти влекут изменения «Я» при неизменности обще видового характера и, тем более, обще видовых особенностей. Состояние сна, состояние сильного аффекта, воздействие психотропных средств, гипноз, болезни и т.п., могут с легкостью изменить это самое «Я», мнимую внетелесную душу, до неузнаваемости. Не редки случаи заболевания, характеризующегося существованием сразу нескольких «Я» в мозговой деятельности одной особи. Более того, «Я» с сорокалетним опытом, не то, что «Я» жившее в теле юноши. А всплески воспоминаний об ощущениях «Я» в детстве (особенно раннем, сквозь детскую амнезию), вообще сродни чужим сновидениям. [К слову, детская амнезия, весьма однозначно доказывает зависимость «Я» от физиологии.] Отсюда, кстати, следует некое тождество беспомыслия и физического убийства, в части результата по отношению к «Я». Беспомыслие, в ряде случаев, вызывается даже самим организмом в качестве защитной меры при сильных аффектах. Практически это родственно убийству организмом своего «Я». Что недвусмысленно намекает на не особую ценность каждого текущего «Я» для природы организма, ибо «Я» воссоздаваемо. Достаточно уничтожить память о конкретном опыте - и состояние аффекта (моральных мучений) прекратится, но сама особь вполне сможет продолжать свою жизнедеятельность и даже воспроизвести потомство. Сами мучения вызваны всего лишь невозможностью адекватной реакции на выводы, возникшие в оценке наступивших обстоятельств соразмерно прошлому опыту. Вся сущность работы «Я» зиждется на сравнении внешнего с накопленным опытом (памятью). Все мною познаваемое – познается исключительно в сравнении и

ассоциировании. Все мною оцениваемое – оценивается исключительно сравнительно. Как уже упоминалось, даже время я могу оценивать только соразмерно представляемого мною периоду существования себя как временной формы материи, а пространство, только относительно представляемых размеров собственного тела. Чем большее значение, при оценке особью окружающей среды, придается абстрактным (собираательным) понятиям, не имеющим отражения в реальности даже в своих далеких составляющих, тем выше вероятность неадекватного поведения, дезорганизации, аффектов и т.п. [Мать, съевшая суп из своего ребенка и узнавшая об ингредиентах блюда только после трапезы, скорее всего, доведет себя до состояния аффекта, но вряд ли даже взгрустнет через минуту после потери памяти; и вегетарианец неминуемо станет плотоядным, и монах утратит свои обеты, стоит избавить их память от иллюзий определенного опыта. Равно как и невозможно сделать из человека, на опыте испытавшего, что представляет собой существование в экстремальных условиях (война, тюрьма, голод), наивную и сентиментальную добряшку с розовыми очками. Этим же объясняется и то, что практически никто из обывательской среды не в силах осознать того, что же на самом деле происходит за пределами их мнимого благополучия в размеренной городской жизни, и какую цену за это заплатили миллиарды их сородичей, родившихся не в столь «удачном» месте, не у столь «зажиточных» родителей, и не в столь «удачное» время.]

Вообще, есть основания полагать, что иллюзия веры в некую внетелесную душу, перемещающуюся из тела в тело, зиждется исключительно на том, что разум человека достаточно развит для понимания того, что «из ничего - ничего не может появиться, равно как и уйти в ничто – невозможно», и что по большому счету, образно говоря, человек чувствует, что «бессмертен» в рамках своего вида. Явно ошибочное олицетворение этого вечного существования в рамках вида с ощущением «Я» и рождает иллюзию о возможности существования внетелесной души. Наивному «Я», уверовавшему в существование реинкарнации, можно дать каплю пессимизма, заключающуюся в том, что, сколько не перерождаться, а ничего нового не увидишь, все остается по сути неизменным. Все то же тело, стремления, страдания, и всегда один и тот же финиш.

Если исходить из того, что сущность природы (жизненная сила) едина, а индивиды это лишь частные объективации (множественности ведь не существует, это лишь форма восприятия во времени и пространстве), то возможно справедливым будет следующая упрощенная и грубоватая аллегория, основанное на примере «глаза»:

Как мое сознание и мироощущения можно изменить путем влияния на восприятие глазом, так и определение моей индивидуальности можно аллегорически объяснить совокупностью функций конкретного тела со своими животными свойствами. Если, условно, ребенку надеть с рождения очки, искажающие его мировосприятие, его личность сложится определенно иначе, нежели, чем, если бы он родился слепорожденным или без очков. Тоже касается практически любых возможных изменений строения физического тела или его функциональных особенностей. Это же можно объяснить и кардинальными изменениями личности и ее мироощущений во время действия сильных психотропных/наркотических средств (кстати, при определенно сильном воздействии многие люди практически ничего не могут вспомнить о времени проведенном под действием таких веществ). Любые сильные нарушения личности, вызванные психическими заболеваниями, вызываются в первую очередь нарушениями функций памяти, т.е. способности соотношения воспринимаемого в данный момент с опытом прошлого. Ощущение себя, в данном случае, аллегорически, это восприятие природой мира по средствам отдельной особи с ее физиологическими свойствами. [Что-то вроде того, что жизненная сила (природа), это глаз, а очки для глаза – тело со своими «уникальными» свойствами. Каковы очки, таков и мир.]

Упрощая пример, можно привести еще одну условную аналогию, где тело («уникальная» совокупность животных функций и свойств, совокупность физических и интеллектуальных особенностей, т.е. как уникальные стекла в очках) является чем-то вроде глаза (фокуса) для

жизненной силы. Человек видит мир соразмерно уникальной совокупности животных свойств организма конкретной особи. Изменения животных свойств – равносильно изменению целого мира в восприятии отдельной объективации жизненной силы (т.е. тела особи). После закрытия этого глаза он вновь если и откроется, то только в условиях идентичных животных свойств, что в принципе представляется невероятным. [Что это за свойства, по всей видимости, расскажут геновые инженеры, когда таки расшифруют ДНК, во что верится с большим трудом.] Отсюда можно смело утверждать, что реинкарнация, в том смысле, который в нее обычно вкладывается, как таковая невозможна, ибо для повторения индивидуальности потребуется повторить не только совокупность животных свойств, но и условия обитания. Если же вкладывать в реинкарнацию не память об опыте отдельно взятой особи в определенных условиях окружающей среды, то таковая теряет вообще всяческий смысл, ибо реинкарнация сущности не «была и наступила», не «есть и наступит в будущем», а нечто, что просто есть «всегда», не наступает, не переходит, просто есть.

Кроме того, даже если и допустить в теории возможность сохранения памяти об опыте одной особи передающейся другой особи, то большей жестокости природы к человеку и допустить нельзя. Это была бы «сверх жестокость». Обращаясь к ранее приведенному примеру с проектором, где мозг выступает в качестве проецирующего на экран (сознание) картинку, воспринимаемой в сравнении с тем, что находится в губке за экраном (памятью), в качестве окружающего мира (действительности), легко представить, что творилось бы в разуме особи, вноси некое внетелесное (душа) в память что-то свое, не имеющее отношения к ранее проецируемому на экран (накопленному опыту), но принимаемое сознанием в качестве реального. В этом случае, настоящее, начало бы формироваться путем сравнения проецируемой картинке не только с тем, что хранится в памяти, будучи ранее полученным отображением собственного проектора со всеми его свойствами и укладываемым в взаимосвязанную последовательность (связанный опыт), но и с тем, что было отображено совершенно сторонним проектором, с иными свойствами, т.е. с заведомо не вписывающимся в собственный опыт. Наблюдатель, в этом случае, будет подобен зрителю кинотеатра, в котором транслируется несколько фильмов на один экран одновременно.

§ Я - в чистом виде, индивидуация

Если я хочу представить себе то, чем/кем же я являюсь в «чистом виде» и чего стоит это самое «Я», мне достаточно представить то, что я буду делать, исключи я из памяти все, что в ней есть, и в особенности большинство собирательных понятий. О да! Вот где моя истинная сущность даст о себе знать. И никакая внетелесная душа не поможет удержать вырвавшегося на свободу хищника. Не взойдет и солнце следующего дня, как я захочу жрать, и чем больше я буду голоден, тем меньше я буду церемониться с выбором средств, для добывания пропитания. Недолго придется ожидать и того, как я узнаю об обще видовых свойствах себя как человека, практически все, тем более, будучи не обремененным прежним опытом, включающим в себя всевозможные табу, зиждущихся на собирательных понятиях. Я, в полном соответствии со своей природой, буду убивать ради еды, испражняться там, где меня застигнет эта потребность, соответствующе, далеко не моногамно, реагировать на особей другого пола, и далее в таком же духе все остальное, в строгом соответствии со своей природой и предопределенным ею назначением. Вот он, какой я, без памяти. Ибо физиологические потребности и особенности любого организма всецело соответствуют задачам продолжения рода (добыванию пищи, возвращению потомства и т.п.). Человек же, в отличие от других видов хищников, в качестве средств добывания пищи и защиты потомства, наделен ни когтями и зубами, а способностью функции мышления к оперированию абстрактными представлениями. А ведь только памятью и оперированием абстрактными представлениями обусловлена возможность ощущения «Я», т.е. индивидуации, что в свою очередь обусловлено строением мозга, как необходимое для выживания и продолжения рода. «Я» - фактически, есть лишь малая часть того самого

инструмента – развитости способности мышления, который определен человеку его природой для выживания. Более того, это самое «Я» воссоздаваемо при гибели. После полной амнезии, гибели одного «Я», сразу начинается жизнь следующего «Я» т.к. начинается накопление нового опыта.

Что отличает меня древнего от меня настоящего с памятью и меня настоящего без памяти. Лишь то, с чем я сравниваю каждое текущее событие, т.е. с опытом. Сущность же, организм с его физиологическим строением неизменен. Обучаемость – лишь способ расширения опыта, т.е. того, с позиции чего я буду формировать и оценивать настоящее. В этом и заключается индивидуация, дающая жизнь каждому новому «Я» (наблюдателю), с началом сравнения текущего момента с накапливаемым опытом конкретной особи в определенных условиях среды обитания. Пока нет памяти о каком-либо опыте, нет и индивидуации, нет «Я». Ведь нет и наблюдателя, восприятие которого базируется на сравнении внешнего с внутренним, ранее приобретенным опытом.

§ Я – человечество, «Я» - эгоизм

С какой бы позиции не подойти, в любом случае, последовательным будет утверждение, что я и вид человеческий это одно и то же. В свою очередь «Я» - это не более чем ширма, в виде памяти о прошлом опыте единичной особи в определенной среде обитания. Все, что заключено во мне, находится во всех остальных особях моего вида и на оборот. И не важно, существует душа, или что-то подобное, или нет. Функция моего организма, формирующая для меня мое «Я» не превозносит ничего извне, память изначально пуста и мое настоящее «Я» базируется только на пополняемом опыте (памяти, информации). И никакая информация не превозносится некой внетелесной субстанцией, иначе у меня были бы воспоминания не связанные с моим опытом, и при полном беспомыслии, кроме «жрать», «испражняться» и «размножаться» у меня была бы целая громада неких понятий, абсолютно не с чем не связанных. Но, как показывает опыт, это не так. [Даже если и допустить, что некое внетелесное превознесло бы информацию о некоем прошлом опыте, то, особь, оценивая текущий момент с позиции двух противоречащих друг другу прошлых опытов скорее всего впала бы в безумие, т.к. в детские годы уже имела бы опыт, заведомо несопоставимый с получаемым.] Мы, люди, действуем все как один, и каждый как все, ибо наша природа едина. Иллюзия отличий создается лишь тем, что отличны условия среды обитания в каждый конкретный момент времени для каждой из особей, с вытекающей, кажущейся отличной, реакцией. Каждая из особей, помещенная в одни и те же условия среды обитания с соответствующим накопленным опытом, отреагирует так, как отреагировали бы и все остальные, ибо только это и предусматривает физиология. [Однозначно - своевольно не взлетит.] Множественность возникает лишь при наличии индивидуации, т.е. существует только для моего разума в результате моего фрагментарного восприятия окружающей среды в пространстве и времени основанного на процессе сравнения. Все, что мною только может быть познано - познается в сравнении. Как бы трудно это не было бы для моего сознания, но стоит признать – что по своей сущности «я и есть человечество, я есть любой из них, а любой из них это я». И только мой разум, обусловленный физиологией моего организма, заключает мое сознание в зависимость от памяти об опыте отдельной особи, наделяя меня ощущением «Я», «Эго», «Я - индивидуумом, ощущением меня отдельного, уникального и неповторимого относительно внешнего мира», т.е. стопроцентным «Эгоизмом». Пока все мое восприятие окружающей среды базируется на сравнении внешней проекции, т.е. того, что представляет мне мой мозг в качестве окружающего меня мира, с тем, что находится в памяти, я всего лишь наблюдатель. Я сравниваю то, что вижу и чувствую с тем, что содержит моя память, т.е. индивидуальным опытом, и именно в этом процессе заключается ощущение особи собственной уникальности, ибо чужое (внешнее) сравнивается со своим (внутренним) содержанием. Вот и ответ на вопрос «Кто я такой?» - «я» и есть человечество, а ощущение «Я» - стопроцентный «Эгоизм», лишь вторичная функция мозговой

деятельности, заключающаяся в субъективном соотношении созерцаемого с прошлым опытом формирующего для меня мое настоящее. Мое сознание, сформированное на основе индивидуации, эгоизма, делающего меня наблюдателем, по сути своей не более чем виртуальная ширма, пелена, иллюзия. И именно эта пелена отделяет меня от созерцания мира, в том виде как он есть на самом деле. В отсутствии эго я смог бы видеть мир таким, как его видят другие животные, т.е. в буквальном виде, без примеси придания значения видимому мыслимым. Да и сам по себе, эгоизм, природой создан явно не в услужение особей, а все ради того единственного стремления сохранения и продолжения рода. Чем больше в особи доминирует индивидуация, тем в более значимой степени «Я» особи отделяет себя от внешнего мира и окружающих. Чем сильнее вера «Я» в собственную неповторимость, уникальность, превосходство, чем больше «Я» ставит собственные интересы выше стремлений окружающих (считая себя лучшей, стремясь быть сильнейшей), тем больше она способствует популяции в целом. Что поразительно наглядно показывает мне опыт, особенно в наиболее ярком отражении последнего в виде сущности мужской части человечества, стремления которой можно охарактеризовать одним единственным выражением – «выживает сильнейший». Эгоизм, это тот механизм, который заставляет особь стремиться быть сильнейшей для воспроизводства максимально жизнеспособного потомства вне зависимости ни от каких бы то ни было частных обстоятельств и тем более результатов мыслительных операций. Своего рода инструментарий, способствующий естественному отбору. Говоря «Я» – я подразумеваю свое эго, стопроцентный эгоизм, существующий не для чего иного, кроме как для служения виду. «Я», заставляет меня действовать исключительно эгоистично, не оставляя мне ни единого шанса сделать что-либо за пределами служения меня своей природе.

§ «Я хочу» каждого от имени всех

Сказанное любой особью человеческого вида «я хочу!» можно соотнести со всем человечеством, ибо хотеть чего-либо, или не хотеть, человек может только в соответствии своей природе, физиологии, характерной для вида в целом. Можно даже предположить, что есть лишь два варианта, как я могу хотеть, или не хотеть:

1. Хотеть/не хотеть в соответствии физиологии, т.е. своей природе.
2. Хотеть/не хотеть потому, что мое «Я» научили это хотеть/не хотеть.

Что, собственно, при ближайшем рассмотрении, оказывается в корне не верным. Потому, что бы научить меня - опять же требуется этого захотеть, и захотеть в соответствии со своей природой, а равно и в соответствии с природой вида. И потом, что значит «не хотеть»? Правильнее сказать «хотеть - чтоб чего-то не было».

Очевидно, единственное, что может сказать человек – «я хочу!», и сказать он это может фактически от имени всего человечества. Стремление, выражающееся в желании, чего бы то ни было, будучи полностью обусловленным физиологией вида, у всех особей одинаково. Разница лишь в изменениях окружающей среды, воспринимаемых каждой из особей в отдельности и оценкой последней этого изменения относительно ранее полученного опыта. Вообще, можно сказать и так, что само проявление одной из возможных (для особи конкретного вида) составляющих стремления желания - это реакция организма на изменения окружающей его среды. В одной и той же ситуации, особи человеческого вида поступают относительно по-разному, не потому, что они разные, а потому, что дадут частично отличную друг от друга оценку ситуации, ибо будут оценивать настоящее относительно своего прошлого опыта. Но в любом случае, особи будут находиться в одинаковом положении, и реакция будет в строгом соответствии с возможностями, предопределенными физиологией вида; т.е. любая из особей будет способна к решению, доступному любой другой особи, но выберет только то решение, которое будет наиболее соответствовать ее оценке сложившихся условий окружающей среды относительно ее опыта. И ни одна особь не в силах будет принять решения, лежащего за пределами возможностей,

предопределенных природой для всех особей вида вместе взятых. Если бы человечество смогло постичь структуру мозговой деятельности и процессов ее формирующих, то реакция на любую ситуацию была бы полностью прогнозируема для любой особи. Предположение о существовании для человека свободы воли, подобно утверждению, что при условии подчинения вселенной своим вечным законам, таковая наделила некую мелкую птаху возможностью действовать так, как ей заблагорассудится.

Отсюда и схожесть «желаний» (характеров проявления стремлений), как в массовом, так и в малочисленном виде, которые можно наблюдать у разных групп особей в зависимости от их мест обитания, климатических условий, складывающихся обстоятельств и т.п. В одном случае у группы особей, допустим, наиболее характерной может являться агрессивная составляющая, у других, в иных местах/условиях обитания, может доминировать миролюбивость, пассивность, медлительность и т.п. [На этом, в большей степени, и зиждется видимое различие в поведенческих реакциях характерных для тех или иных групп особей объединенных по какому-либо признаку. Начиная от расовой и национальной принадлежности, заканчивая социально-общественными признаками (идеологии, социальное положение, образование и т.п.).] Но, абсолютно всех будет объединять одно – способность к возможным проявлениям у всех одинакова, и уже в зависимости от среды обитания, соответствующая таковой реакция и проявляется.

Сказать «я не хочу что-либо делать» равносильно тому, что сказать «я хочу, чтоб этого не было, ибо это желание является следствием моей оценки состояния окружающей меня среды в настоящем - соразмерно моему прошлому опыту, т.е. в результате соотношения, средствами моей способности мышления, созерцаемого в данный момент с памятью». Стоит убрать из соотношения хоть одно, даже незначительное составляющее, как фокус желания изменится, но не по произволу, а в соответствии с физиологией, иначе и быть не может. Допускать обратное все равно, что пытаться вообразить себе ситуацию как в одной и той же ситуации особи разных видов смогут одинаково оценить состояние окружающей среды и как следствие одинаково отреагировать. [Да, бегущие от лесной вырубке животные вроде и одинаково оценили ситуацию, и решение сходно, но если разобраться, то сходно, лишь внешне проявление. Бегут то все по-разному, и в разные стороны. А кто-то вообще никуда не бежит, не видя опасности в доносящихся звуках. Каждое животное, в соответствии со своей природой, кто продолжает спать, кто бежит, кто летит, кто закапывается, кто на север, кто на юг, а кто-то еще, по пути массовой эвакуации, закуской стать не хочет (бежит от бегущих), ведь есть и те, кто не прочь и закусить, невзирая на ситуацию. Общее только то, что многие бегут, но далеко не все бегут от человека, и тем более далеко не все вообще обратили на вырубку внимание.] Фокус желания каждой особи, в каждом конкретном случае, зависит исключительно от ее оценки окружающей действительности, т.е. соразмерно наступившим условиям среды обитания, но в строгом соответствии с ее природой. Ничего другого, сверхчеловеческого, не характерного для человека, ни одна особь человеческого вида захотеть не в силах. Все, что происходило с человечеством во все времена его существования происходило от «я хочу» каждого, но от имени всех. Говоря «я» – я подразумеваю человечество, ибо ничто меня от него не отличает. Слыша, что кто-то чего-то хочет – следует подразумевать и то, что и я хотел бы то же самое, находишь я в тех же условиях и с тем же опытом. Причем, я, человечество, как и любой другой организм, как и любое органическое соединение, не могу иметь никаких морально-этических признаков в оценке своих стремлений, ибо сами эти признаки превозносятся исключительно с оценочной позиции «Я», «Эгоизма», т.е. с позиции вторичной функции мозговой деятельности, иллюзией.

Тоже касается и эстетических признаков, ибо все человеческие «нравятся» или «не нравятся» обусловлены всего лишь реакцией его физиологии относительно соответствия внешних признаков окружающей среды внутренним стремлениям. Эгоизм, в эстетической оценке, служит лишь художником, да и то, выбирающим не краски, а лишь их оттенки, соразмерно стремлениям физиологии. Красивый вид пищи обусловлен необходимостью пропитания, и отвратительный вид экскрементов лишь реакция организма на то, что не

пригодно для употребления. Ощущения красоты представителей противоположного пола обусловлены лишь оценкой степени здоровья и готовности к продолжению рода потенциального партнера, в свою очередь неприятные эстетические впечатления от созерцания уродства, всего лишь защитная функция природы от воспроизводства нежизнеспособного потомства. И так со всем, что имеет для человека эстетическое значение. Путаница в определениях возникает лишь тогда, когда особь не способна отделить в оценочном мышлении, что превознесено эстетическим чувством, а что окрашено морально-этическими иллюзиями эгоизма.

Любые реакции/стремления органики так же естественны, как и само ее существование. Все, что когда-либо сделал человек и что сделает в будущем – абсолютно естественно, как для каждой из особей, так и относительно вида в целом. По любому сделанному человеком (не важно каким и в какие времена) можно сказать, что «я сделал это тогда, при удобном случае сделаю это сейчас, и ни премину воспользоваться этим в будущем, лишь ситуация позволит мне это сделать». Трепетание о том, что от желаний некоторых особей мороз по коже идет, а желания других сплошь да благие, всего лишь одна из возможных оценочных, субъективных, реакций на окружающую среду иллюзорного «Я», т.е. трепетание эгоизма. Чем больше в памяти человека собирательных понятий, оторванных от действительности реально возможного опыта и наделенных особью преимущественным значением, тем больше трепетаний испытывает эгоизм подобной особи при оценке окружающей среды.

Недалеки в развитии людям, не придающим вообще никакого значения происходящему, во все времена жилось куда легче, чем всем остальным. Выражение «меньше знаешь – крепче спишь» обладает куда более глубоким смыслом, нежели в него принято вкладывать. В процессе воспитания, некогда пустая память, заполняется опытом, который формируется не только фрагментами восприятия окружающей среды, но и абстрактными понятиями, собирательными образами. Чем больше информационное пространство, окружающее человека в процессе становления (воспитания), чем большее влияние оно имеет, тем большая часть опыта начинает заключаться в собирательных понятиях. Этим и объясняется то огромное различие в восприятии окружающей среды, и, следовательно, в реакциях на таковую, разными особями. К примеру: обыватель оценивает окружающую среду с позиции опыта, содержание которого практически полностью пронизано огромным количеством собирательных понятий, и именно по этой причине он амобен и мало приспособлен для выживания в агрессивной среде. В своих ожиданиях, обыватель, ожидает соответствия окружающей среды своему опыту, состоящему в большей части из того, что реально возможному соответствовать заведомо не может т.к. иллюзорно априори. Пока обыватель находится в своей среде обитания, в некоем иллюзорно неагрессивном мире, созданным определенным обществом, он относительно жизнеспособен, но стоит пасть ширме иллюзорной реальности, как обыватель попадает в среду обитания, к выживанию в которой он попросту не приспособлен. Люди же, получившие в качестве опыта только то, что давала им окружающая среда, с минимальным влиянием информационного пространства, наиболее жизнеспособны в агрессивной среде. Ибо ожидаемое ими от мира, внешнее, относительно своего внутреннего (опыта), наиболее приближено к реально возможному опыту. Последнее неопровержимо доказывается опытом, показывающим, что никаким обучением нельзя донести до особи, находящейся в искусственно тепличных условиях, то, что же на самом деле представляет собой мир. И невозможность этого обуславливается тем, что вносимая информация воспринимается особью лишь как очередные абстрактные понятия. В свою очередь особь, попавшую из агрессивной среды в тепличные условия, практически невозможно убедить в том, что искусственная среда реальна. Ожидания (соответствия внешнего внутреннему) являются основой в определяющих поведение человека мотивах. И именно в них находят свои истоки всевозможные психические заболевания и депрессивные состояния.

§ Эгоизм как защита

Для моего эгоизма – я центр вселенной, для вселенной – «Я» ничто, иллюзия, набор воспоминаний в хаосе абстрактных понятий, не имеющих никакой ценности. Даже для выживания отдельно взятой особи конкретное ее «Я» имеет далеко не основополагающее значение, поэтому-то и воссоздается как при утрате памяти, так и при каждом новом восстановлении сознания. [Каждый раз после сна, обморока, комы и т.п.] По своей сущности - я человечество, для которого мое «Я» не несет абсолютно никакого значения в своем содержании. С позиции вида, производные моего «Я» это ничтожество, проходящие иллюзии. [И кстати, как показывает опыт, в большинстве случаев весьма «подпорченный товарец» для самого же моего «Я».] Природе нет абсолютно никакого дела до отдельной особи, ее сущность в способствовании сохранению вида. И мое «Я», мой эгоизм - как раз и существует для того, чтоб особь животного, обладающего развитой способностью мышления, никогда не смогла осознать собственное ничтожество, чем поставить вид под угрозу вымирания. [Когда наиболее трепещет эгоизм? Когда особь начинает ощущать себя ничтожеством, когда теряет смысл в жизни, осознав предопределенность своего жалкого существования и достаточно близкого конца.] Чем сильнее мой эгоизм, тем больше я хочу, а хотеть я могу только в соответствии со своей физиологией, нацеленной на единственную устремленность – продолжение рода в угоду сохранения вида. «Я», «Эгоизм», - это своего рода защитная функция, ибо наделенный способностью мышления организм может зайти слишком далеко в своих умозаключениях, не ограничивая эгоизм последовательность в мышлении индивидуацией и свойственными ей иллюзиями. Фактически, справедливым будет утверждение, что «холодный разум» первый враг для вида, и эгоизм, в свою очередь, как раз и призван защищать наделенный возможностью «холодного разума» организм от чрезмерного увлечения таковым. И именно по этой причине, даже минимальное проявление «холодного разума», в виде здравого смысла, недоступно для большей части населения планеты.

§ Оппонируя эгоизму

Для эгоизма, наделяющего людей ощущением себя центром вселенной, венцом творения природы, лучшим творением создателя, и характеризующего, со своей субъективной позиции, выдуманными им морально-этическими признаками, практически все существующее в природе, я, говорящий «я» подразумеваю человечество с позиции холодного разума – наивысшее зло, наивысшая угроза существованию установленного им порядка. Потому, что, говоря «я», подразумеваю «разум без иллюзий эго», я буду утверждать, оппонируя эгоизму:

- что ценность если и существует, то не во мне каждом (всего лишь в очередной особи, в биоматериале), и даже не в моем виде, а в природе, создавшей в определенных условиях столь многообразный органический мир;
- что я представляю заведомо хищную популяцию, где «право сильнейшего» априори неизбежно и сущность моя в потреблении для размножения, а что-либо сделанное одной особью, характерно также и для любого другого представителя вида;
- что я, ни на что не взирая, слепо буду воспроизводить потомство, даже в случае обречения последнего на жалкое существование или неминуемую гибель;
- что я ненасытен в своих желаниях и безудержен в создании себе иллюзий;
- что в оценке себя, окружающей среды и происходящего, я обращаюсь к чему угодно, но своей самой ценной функции – способности последовательного мышления – я определяю последнее место, и даже когда моя интеллектуальная слепота и глупость доводят меня до крайне депрессивных состояний, и даже безумия, вместо использования мышления я обращаюсь за ответом к своей наивысшей иллюзии – к «Я»;

- что все, придуманное мною морально-этического характера, не более чем иллюзия, созданная эгоизмом для эгоизма в угоду закрытия глаз разуму на истинное положение вещей в природе, и даже на возможность понимания сути собственного предназначения;
 - что я настолько глуп, что позволяю себе характеризовать явления в природе не по сути происходящего, а с позиции собственных иллюзий в виде морально-этических характеристик, убеждая себя даже в том, что особи одного и того же вида, особенно собственного, могут разительно отличаться, я навывдумывал себе хороших, плохих, гениев, злодеев и святых;
 - что мое «Я», будучи следствием индивидуации при оценке окружающей среды, придает настолько чрезмерное значение ценности собственного иллюзорного «Я», что большая часть моих поступков мотивированна именно утверждением этого некоего «Я», тщеславие стало фундаментом моих мотиваций;
 - я веками прославляю гениев и святых, не меньшим вниманием я достаиваю и злодеев, но никогда не награждаю даже памятью тех, кто дал шанс холодному разуму;
 - что каждое мое «Я», каждый эгоизм, сам по себе не более чем ошейник, сдерживающий мою функцию способности последовательного мышления, направляющий меня слепо следовать исключительно в соответствии со своей природой, т.е. стремлению продолжения рода в угоду сохранения вида, и все это не взирая ни на затраченные средства, ни на принесенных в жертву;
 - что я навывдумывал себе иллюзий о некоем высшем своем предназначении, я возомнил себя в своих мечтах покорителем миров, бессмысленно умаляя свое истинное назначение и единый источник мотивации, заключающийся всего лишь в продолжение своего рода;
 - что я до последнего буду верить в то, что один эгоизм (иллюзия) может «договориться» с другим эгоизмом (иллюзией), и подобный договор может иметь силу;
 - что страх смерти моего «Я», порой доходит до полного безумия всего лишь из-за иллюзорной уверенности в реальности существования и ценности «Я».
- Говоря «я», я подразумеваю - «человечество». Говоря «Я», я подразумеваю - «эгоизм, иллюзия человечества». «Я» для моего «я – человечества», лишь инструмент выживания вида. Для холодного разума «Я» - паразитирующий вирус-иллюзия. «Я» для моего «Я» - двуличное существо, использующее им же созданные морально-этические ценности в качестве разменной монеты. Любые взаимоотношения между «Я», по сути своей, не ценнее чем обмен одних фальшивых денег на другие. [Здравый смысл, порой смог бы несколько умирять иллюзорность в сложившемся порядке, но даже он не в чести.]

§ Эгоизм и сострадание, примитивность эгоизма

Недооценить силу «Я», эгоизма, его неустрашимость для меня, его власть надо мной, крайне трудно. Он отделяет меня от возможности понимания не только окружающей среды обитания, искажая ее, но и собственной сущности. «Я» существует для того, чтоб я не мог понять, что я такое по своей сути, ибо его основополагающая функция, вытекающая из индивидуации, эгоизма, выражается в наделении меня постоянным чувством собственной переоценки, заражая меня тем самым неизлечимым вирусом тщеславия. По сути, эгоизм и немислим без тщеславия, являющегося всего лишь одним из его многочисленных проявлений. Пока особь индивидуализирует себя от окружающего, эгоистична, у нее нет ни единого шанса избежать проявления собственного тщеславия, разница лишь в степени влияния последнего в каждом конкретном случае. Ни одна особь, оценивающая окружающую среду и реагирующая на изменения в таковой, при условии индивидуации себя от окружающего, не в силах действовать никак иначе, нежели чем эгоистично, а значит и тщеславно. Пока особь в своем сознании подчинена своему «Я», она может действовать исключительно в своих интересах, другое и немисливо. Только в отсутствии «Я» возможно олицетворение особью себя с иным живым существом, являющимися в своей сущности им

самим же. Только в этом случае особь может сказать «я это ты, а ты это я», и только в этом случае особь может действовать в интересах другого живого существа вполне искренне. Ощущение «Я», индивидуализируя меня от внешнего мира, наделяет меня уверенностью, что я центр вселенной, что мир крутится вокруг меня, что ценность меня безусловна и незыблема. Примитивно, не правда ли? – Искренне утвердительно на это может ответить только последовательный разум, готовый к последовательному созерцанию себя в зеркале. В противном случае, «Я» будет до последнего убеждать меня в том, что мои действия, в чем бы таковые не заключались, в его присутствии могут быть не эгоистичными по его произволу. Отделяя меня от меня других, эгоизм наделяет меня верой в то, что прошлое это они, а настоящее это Я, Я это не какие-то там они, Я другой, особенный, новый, особо ценный. И я это с удовольствием принимаю. Ведь какое мне дело, увлеченному беготней за частными удовольствиями, до каких-то там последовательных выводов мышления, и мало того, не несущих для меня никаких удовольствий, так еще и напоминающих мне о собственном ничтожестве. Зачем мне тратить свою жизненную силу на то, чтоб осознать собственную никчемность, когда куда приятнее ощущать себя царем зверей, набивая себе исключительную ценность самим же созданными морально-этическими признаками. Я самый справедливый, а они все злодеи, я ни в чем не виновен, а даже если и виновен, то это не я, это они меня вынудили, это не моих рук дело, так мне повелело высшее существо, это воля богов, вот это добро, а вот это зло. Ничего плохого в том, что я заливаю кровью полмира, это я не со зла, это во имя их же блага, ибо не правильно они живут, я лучше знаю, как им жить. А некоторым вообще жить не положено, они же вредители, злодеи. Отсюда становится очевидным, что если и возможно проявление особью истинного сострадания, то исключительно в отсутствии «Я», в противном случае под декларируемым состраданием особь всего лишь начинает камуфлировать очередное утверждение собственного «Я» самим перед собою, а в большинстве случаев, и перед окружающими. Этим и объясняется то, почему истинное сострадание если и имеет место быть, то единично в годах, ибо большинству особей состояние вне «Я» заведомо не доступно на уровне их физиологии. Существование истинного сострадания в повседневной жизни такая же иллюзия «Я» как и вера в жизнь «Я» после смерти в некоем раю, да еще и при наличии возможности общения как с ранее умершими, так и ныне живущими. Истинное сострадание имеет такое же отношение к осмысленному состраданию, как химиотерапия и фармакотерапия к колдовству и заговору. [Как правило, перед проявлением истинного сострадания, предшествует аффект (к примеру, от созерцания картины бедствия) вводящий нервную систему человека в некое оцепенение (пусть и длящееся порой доли секунды), затрагивающее в т.ч. и функцию «Я» ибо таковая и есть ее порождение. Именно в этот промежуток времени, особь (освобожденная от эго) вполне способна прочувствовать то, что она и любой иной живой организм, по сути, есть одно и то же. И восстанавливающаяся после снижения действия аффекта нервная система, в некоторых случаях, восстанавливает функцию простейших реакций несколько раньше, чем полностью разворачивается в сознании ощущение «Я», и именно это дает мотивацию к действию, начинающемуся значительно раньше полного восстановления мыслительной деятельности мозга, а равно и «Я». В пример можно привести множество случаев, когда особь, неожиданно став свидетелем некоего бедствия, сначала замирает в оцепенении, от охватившего ее ужаса происходящего, и затем абсолютно машинально, не взирая ни на какие опасности, кидается в происходящее, пытаясь предотвратить трагедию. (Либо, наоборот, бросается в бегство, демонстрируя порой значительно большие физические возможности, нежели, чем это было характерно для обычного состояния.) В деталях это выглядит так, что по мере снижения действия аффекта, особь, сначала получила доступ к простейшим реакциям нервной системы, в данном случае отвечающим за самосохранение (предотвращение бедствия для самого себя, но в состоянии, когда особь олицетворяла себя с тем, чем она в своей сущности и является, т.е. с другим живым существом), и только потом к участкам, отвечающим за мыслительную оценку безопасности/необходимости тех или иных действий. Именно по

этому, в большинстве своем, побывавшие в таких ситуациях особи и оставшиеся в живых, после произошедшего события, не могут толком объяснить своих действий. (Фактически, истинное сострадание, это сострадание живого организма самому себе при отсутствии иллюзорной индивидуации.) Что еще показательно, так это то, что проявления истинного сострадания встречаются у совершенно разных особей по складу их «Я», т.е. практически в равной степени истинное сострадание свойственно как обычным людям, так и военным, врачам, и т.п., т.е. вне зависимости от фокуса самореализации, и тем более без привязки к уровню злобности и/или агрессивности. Правда, стоит отметить, что обывателям (самому амебному слою населения) в большей степени свойственно проявление именно осмысленного сострадания, не свойственного, к примеру, военным. Истинное же сострадание, среди обывательской среды, практически не встречается, равно как не свойственно оно и для молодых особей (детей/подростков). Кстати говоря, проявления осмысленного сострадания, обычно мотивированные религиозностью, сентиментальностью и т.п., при заведомо эгоистичной основе в своей сути (прокладку себе дороги в рай за «высокие» поступки дотянуть до истинного сострадания ну никак нельзя), хотя бы в этом оправдывают некоторые глобальные иллюзии «Я» в виде религий, а также некоторые, позиционируемые в качестве благих, морально-этические иллюзии.]

При всей своей неоспоримой силе влияния на мое сознание и наличие целого арсенала защиты от последовательного мышления, эгоизм полностью безоружен перед моей физиологией, причем до такой степени, что у него нет ни единого средства защиты от опасности разрушения его тем, на чем зиждется его существование. Моя физиология с легкостью его уничтожает, вводя меня либо в беспамятство, либо в безумие, когда аффект, инициированный в «Я», начинает угрожать жизнедеятельности моего организма, и, будучи уничтоженным, «Я», эгоизм, не заставляя себя долго ждать, разворачивается на лоне чистой памяти, как при рождении очередной особи. [Что примечательно, мой организм не имеет возможности уничтожения самим собой каких-либо своих частей с полной регенерацией таковых в будущем. Но вот «Я» оно уничтожает и регенерирует с легкостью. Что недвусмысленно указывает на то, что «Я» это лишь проекция, не имеющая в своей основе органических составляющих.]

Не менее показательна примитивность эгоизма и в случае, когда разум особи доходит до сущности своего «Я» и его основополагающих функций. Стоит подобному произойти как жизнь, в оценочных ощущениях особи, упрощается в восприятии последней, вплоть до уровня практически полного исключения депрессивных состояний вызванных социальными взаимоотношениями с окружающими. Разум особи, отдающей себе отчет в собственных оценках и реакциях, осознающей истинную мотивацию поступков окружающих, становится менее подвержен влиянию целого ряда иллюзий, характерных для большинства «Я». [Встречая человека, который по своему отношению к окружающим и в своих реакциях на их поступки кажется чрезмерно спокойным, бесчувственным, безразличным или хладнокровным, не стоит делать скоропостижных выводов предполагающих его отороженность и/или наличие каких-либо психических нарушений. Возможно, он всего лишь в чуть большей степени знаком с собственным «Я» и «Я» окружающих. Что исключает его удивление большинству поступков людей, и уж тем более не вводит его в заблуждение о реальной основе набитой другими «Я» самим себе ценности.]

§ Человечество без масок

Возвращаясь к сущности эгоизма, не лишним будет упомянуть и то, что каким же поучительным бывает абстрагированное от собственного «Я» наблюдение за детьми, юношами и стариками, у кого эгоизм, либо еще, либо уже, не прикрыт притворством или всевозможными табу, разворачиваясь во всей красе. Правда и здесь «Я» заботится о себе, скрывая от моего взора этот период жизни эгоизма в неприкрытом виде. И делает оно это путем отвлекающей ширмы, наделяющей меня иллюзией, придающей чрезмерное влияние

на мой разум эстетической оценки моего «Я» внешнего вида соответствующих особей, т.е. оно создает для меня миловидность вида детей, и жалкость вида стариков.

Дети - вот кто способен показать мне мое истинное существо, лицо человечества. Эгоизм ребенка, еще не ограниченный/выдрессированный опытом, не обученный притворству, не знает преград и расцветает в полной красе, в чистейшем виде, демонстрируя всю сущность человека и его «Я». Он хочет все, что видит, требует, требует, требует. В ребенке, подростке, юноше, я вижу практически все составляющие человеческого эгоизма в неприкрытом притворством виде. И пока ребенок не наделен искусством притворства (еще не воспитан прикрывать наготу своего эгоизма), пока он не выдрессирован на сдерживание некоторых своих стремлений - природа снабдила его идеальной маской - в виде представляющегося мне существа с внешне кажущейся невинностью, миловидностью, нежностью. Но под маской, в чистом, первородном виде, разворачивается все то, что влечет за собой индивидуация, подогреваемая слепым и ненасытным «хочу». Здесь и ненасытность, и жадность, и жестокость, беспринципность, злорадство, мстительность, тщеславие. Беспринципность и эгоистичность подростков по отношению друг другу и к окружающему миру порой доходит до безумных по своей жестокости поступков. Подростки, будучи не обремененными в должной мере ошейниками эгоизма, в угоду своим нескончаемым стремлениям, способны с легкостью лишить жизни любое живое существо, а в некоторых случаях, в силу невозможности удовлетворения некоторых собственных желаний, подростки с легкостью лишают жизни и самих себя. [Ребенок, люлюкая котенка с легкостью свернет ему шею, и дальнейшее его разочарование будет заключаться не в том, что он лишил кого-то жизни, а в том, что игрушка больше не шевелится. Ни один ребенок не знает о ценности жизни ровным счетом ничего (и этот показатель многого стоит, особенно, применительно к тому, когда дело доходит до рассмотрения основы придания ценности жизни у взрослых). Заприметив у другого ребенка понравившуюся ему игрушку, юный эгоизм, первое к чему прибегнет – так это к разбою, т.е. попытается просто отнять, а при сопротивлении с легкостью применит физическое насилие. Уровень дрессировки на придание ценности чужой жизни прямо пропорционален возрасту, длительности воспитания эгоизма, что неопровержимо доказывает опыт. Показывая, что даже сентиментальность больше свойственна людям среднего возраста, нежели, чем детям. Показушная же сентиментальность стариков, таковую не является, ибо под ее маской скрывается лишь оплакивание эгоизмом прошедших дней.] Набивая ценность собственному эго перед самим собой и окружающими, первым к чему прибегает эгоизм подростков так это к злорадству и садизму. Подростки способны годами издеваться над своими более слабыми сверстниками и издевательства эти, порой, поражают своей неоправданной жестокостью, доходящей до полного безумия в виде соревнований в изощренности причинения физических и моральных страданий. Именно в среде подростков садизм имеет настолько массовое проявление, что на этом фоне меркнет даже явление бытового насилия среди взрослых, особенно, если учесть при этом показательность эгоизма подростков в отношении к животным. Ни одно животное на планете не способно к проявлению такой жестокости и садизма, как это проявляется в живодерстве подростков особей человеческого вида.

Эгоизм в ребенке представляется, как только что распустившийся цветок. Только цветок этот, при всей своей обманчивой красоте, нежности и невинности, принадлежит плотоядному растению. Воспитание же ребенка, это обучение его мастерству притворства, препятствующего проявлению чистого эгоизма - что не более чем запугивание эгоизма эгоизмом. Более того, далеко не все проявления эгоизма человек научился ограничивать самообманом (воспитанием), часть из них ограничивается исключительно дрессировкой. [Этим, кстати, и объясняется то, почему многие взрослые не могут объяснить происхождение многих «нельзя» в своем поведении, ибо они в этом отношении не воспитаны, а выдрессированы.]

§ Злорадство, мастерство принесения страданий

Отдельно стоит выделить злорадство. Именно оно, проявляющееся в лучших своих комбинациях - кровожадностью, живодерством и садизмом даже в случаях безумия особи, дает мне неопровержимое доказательство природного происхождения безмерной жестокости человека, что и проявляется в практически всех областях его жизнедеятельности. Из всех известных человечеству животных только он - человек - обладает злорадством, ибо только он обладает эгоизмом. Чувственные удовольствия от страдания иного живого существа - вот это эгоизм называет «высшим существом» и «лучшим творением создателя». Да уж, действительно, «существо» - не животное. Спросить бы у «Я» человечества, что интересно представляет собой «создатель», если он создал творение - по своему подобию. [Может не стоит призывать его к очередному пришествию, ведь зная результат предыдущего, на собственном примере, остается только догадываться, чем же может обернуться следующее.] Злорадство - один из самых ярких показателей слабости и вторичности «Я» человеческого существа. Значительная часть проявлений злорадства человечеством вообще именуется искусством, и даже высшим искусством. Стоит только вдуматься, что «Я» человечества считает за такое искусство, объективно рассмотреть причинно-следственную часть, как ужас охватит любой, даже недалекий разум. Но эгоизм человечества сделал все, чтобы подобные мысли как можно реже посещали разум слабого человечка. [С упоением смотрит «Я» человечка на картины кровавых событий прошлого и настоящего, восхищаясь красками, полетом мысли и порыву художника, возведшего отображение кровожадности эго человека до высшего искусства. Правда, стоит такому восторженному любителю искусств, горе-искусствоведу, стать самому участником подобных событий, визжит громче свиньи, на потеху таких же как и он, любителей искусства, к чьим богам он взывает о милости, оборачивающейся лишь упоением наблюдателей от созерцания очередного творения художника.]

Большинство зрелищ - основано на крови, на удовольствии зрителя от участи персонажей. Самые популярные шоу, это когда зритель убежден в отсутствии постановки, т.е. убежден в реальности происходящего. «Я» требует крови. Все развитие человечества, нарекаемое, в том числе и прогрессом, сопровождается совершенствованием шоу. И как в прежние времена, когда толпе не хватало удовольствий от гладиаторских боев, толпа при случае готова была растерзать кого-либо собственными руками, так и сегодня, толпе недостаточно постановочных шоу, только дай волю, а уж жертву долго искать не придется. Толпе всегда подавай больше. Толпа требует адреналин и кровь. Человеческое «Я» ненасытно. Абсолютно все, чем окружает себя человек с целью потехи - несет в себе злорадство, в том или ином проявлении. И тем больше упоение толпы от шоу, и тем выше его популярность, чем ярче его садистская составляющая (как в физическом, так и в моральном плане). Даже шоу ориентированные на детей, и те пронизаны злорадством, дабы ребенок получал удовлетворение от «участи злодея», при этом значительная часть подобных шоу имеют в основе своего сюжета исключительно участь персонажа позиционируемого злодеем. [То, что каждая детская сказка всегда заканчивается тем, что кто-либо обязательно будет наказан, то, что ребенок должен понять, что за любым «неверным деянием» следует наказание, это одно, но утонченное описание чьей-либо участи, акцентирование внимание именно на нее, это уже совсем иное.] Достаточно посмотреть на самые востребованные потехи, как станет очевидным, что самые популярные медиа продукты – экшен, триллеры, ужасы, садистское порно и т.п. [Слезливым мелодрамам, в основе которых лежит лишь моральный садизм, и не снислись сборы, получаемые за экшен продукты.] Самые популярные телепередачи - криминальная хроника, скандалы, катастрофы. Все это настолько очевидно для «Я» человечества, что лукавство прикрытия, уже само превратилось в искусство. «Я» приуменьшилось в умалении истинной основы, выводя на первый план красивое ложное, с грубой лихостью не обращать внимания на причины, оставляя созерцанию лишь следствие.

И это «Я» называет цивилизацией? Мир, существование которого не мыслится без злорадства и садизма, назвали цивилизованным.

Злорадство является неотъемлемым средством самообороны «Я» от самого себя. Представляя собой иллюзию, возникающую из индивидуации, злорадство помогает недалекому «Я» слабого существа, преодолеть осознание собственной никчемности, сгладить ощущения собственных страданий заменив их иллюзией «а вот кому-то еще хуже». [Мало какое «Я» с удовольствием будет выслушивать песни о чужом успехе или радости, зато с неприкрытым умилением будет вкушать плачи о чужих несчастьях и страданиях. Первым за что берется обезумевшая толпа черни, так это за погромы того, что было возведено другими, и первое, чем оборачивается анархия – грабеж и уничтожение тех у кого есть то, чего нет у большинства других.]

Мастерство принесения невыносимых страданий возведено человечеством до уровня высшего искусства. История любого общества изобилует примерами крайне разнообразных способов пыток и видов казни. По всему миру разбросаны тысячи музеев орудий причинения боли и способов лишения жизни. Абсолютно все государства имеют в числе силовых структур целые подразделения специально подготовленных для пыток людей, не говоря уж о палачах. А существование правоохранительных органов без силовых методов воздействия вообще представляется немыслимым. [Да и невозможным по сути.] Если только вдуматься в то, что практически ни один народ не может позволить себе похвастаться тем, что не изобрел ни одного орудия пыток и ни одного вида казни, то ужас может охватить любую мыслящую голову, при осознании того, что же представляет собой человечество на самом деле. Человеческому «Я» мало казнить человека путем быстрого умерщвления, его эгоизм требует лицемерия чужих мучений, невыносимых страданий. [Одно время в Европе казнили посредством гильотины только знатных людей ибо считалось, что только они заслуживают быстрой смерти без длительных мучений.]

В чем нельзя человеку отказать в изобретательности, так это в способах мучения и уничтожения друг друга. Ни в чем другом человек не проявил себя так ярко как в садизме. Некоторые виды казни предполагают не только лицемерие толпой самого процесса, но и непосредственное участие каждого в причинении жертве страданий. [По сей день в некоторых государствах применяется казнь, заключающаяся в закидывании толпой наказываемого камнями, чтобы каждый смог почувствовать себя палачом, дабы каждое эго получило удовлетворение. Даже обычная поножовщина и то, в значительной части случаев не ограничивается одним ударом.] Бытовой же садизм, вообще принимается как нечто само собой разумеющееся и нормальное для жизнедеятельности человека. [Одно только «бьет – значит любит» чего стоит.] С детских лет человеческое эго приучается находить себе успокоение в злорадстве, что выливается в невозможность совместного пребывания людей друг с другом, в чем бы таковое ни заключалось, без проявления садизма, недвусмысленно демонстрируя человеку, кто же он такой на самом деле. [Практически все социальные взаимоотношения предполагают присутствие междоусобной борьбы эгоизмов, выражающейся как в простейших проявлениях злорадства (интригах, сплетнях, клевете), так и доходящих до насилия и откровенного садизма (военная служба, места лишения/ограничения свободы, образовательные/исправительные учреждения).]

Любому наивному «Я», воспевающему человечество, перед произнесением песен во славу, следовало бы сначала ознакомиться с весьма внушительной энциклопедией орудий пыток и казни (переворачивая каждую страницу которой, помня о том, что каждая строчка основывается на многовековом опыте, что каждое изобретение было опробовано далеко не единожды), после чего задаться вопросом, а достойно ли песен то, что извергло из себя подобное. [Особенно впечатляюще выглядят новшества предыдущего столетия, в виде оружия массового поражения (кстати, в большинстве своем конечно испытанного, и порой неоднократно), а также жутчайшего изобретения в виде концентрационных лагерей, печи и газовые камеры которых поглотили десятки миллионов человеческих жизней. Интересно,

какие идеи на этот счет придут в голову человека в новом столетии, если все, что только можно сделать друг с другом, уже перепробовано. Топили, резали, пронзали, душили, жгли, разрывали на части, травили, голодом замаривали, заражали, взрывали, и даже расщепляли .. ну что еще?]

§ «Долбануло чтоб по безмозглой башке»

Не менее популярными лекарствами, от осознания «Я» своих нескончаемых страданий и собственной никчемности, чем злорадство, являются наркотические средства, равно как и многочисленные способы ввода сознания в состояние экстаза.

Не беря во внимание происхождение термина «наркотик», стоит взять за его значение обобщенное название – психоактивное вещество. В зависимости от степени воздействия, человечество подразделяет подобные вещества (утрировано) на «наркотики» (с сильным воздействием) и на продукты потребления (с мало выраженным воздействием на нервную систему). Первые, в отличие от вторых - вроде не являются чем-то необходимым для выживания вида. Но это на первый взгляд. Еще древние представители человеческого рода либо «употребляли» для вызова духов, либо «прыгали вокруг костра» вводя себя в экстаз. И в древности, и в настоящее время (не беря во внимание, что по сути-то ничего не изменилось) основной мотивацией является одно и то же – «долбануло чтоб по безмозглой башке» (грубо, но справедливо). А причина всего одна - природа человеческого «Я», выходящая на уровень мотивации в двух крайностях: скука и страдания от осознания невыносимости существования. И по сей день, порядок вещей не изменился, одни «танцуют вокруг костра» (чтоб долбануло), вторые «употребляют» (цель та же). [Есть правда и третьи, кто в качестве лекарства для абстрагирования от страданий использует адреналин, что порой, не только приносит нешуточные беспокойства окружающим, так еще и оборачивается для таковых достаточно кровавыми последствиями. Но последнее является предметом отдельных рассуждений и в данном контексте опускается.] Желание удаления жажды отрешения от невыносимости страданий (или скуки) исходит из природной сущности человеческого «Я», и психоактивное вещество – максимально доступный способ кратковременного утоления подобной жажды. Во все времена поставка психоактивных веществ являлась индустрией власти и инструментом власти. Власть и только власть (как только для ее существования открывалась возможность или необходимость) в максимально возможном для конкретной ситуации, монопольном виде, указывала, что можно употреблять, а что нельзя, под какие танцы можно кружиться до бреда, а под какие запрещено. [Под понятие «танцы» подводятся конечно не только ритуальные обряды, но и иные идеологические увлечения человека.] Отказ власти от подобного инструмента, применительно к «Я» человечества, даже немыслим. Если инструментом и не является вещество, так на его место тут же приходит танец, и наоборот. [К примеру: на Ближнем Востоке и в северной Африке нет оборота алкоголя, зато есть танцы. В Европе и северной Америке танцев нет, зато производство алкоголя возведено на уровень искусства, а востребованность многих психоактивных веществ породила индустрии производства планетарного масштаба. Что интересно, огромную часть сырья поставляют как раз те страны, где доминируют танцы, что, в принципе, и не удивительно.]

Психоактивное вещество не есть изначальное зло, это всего лишь инструмент, неправильное применение которого может погубить организм особи или дать ложную мотивацию к действиям. И за примерами далеко ходить не нужно: Что есть зло - морфий? (утрировано) или зло - марихуана? Особенно последнее. Мало того, что марихуана всего лишь галлюциноген, так еще и при воздействии на нервную систему не предполагающий агрессивность поведения употребляющего. При правильном (умеренном) применении обоих - всего лишь вещества для достижения определенного состояния нервной системы в угоду достижения того или иного результата. При не правильном применении, и тем более при чрезмерном - яд. Переборщить с первым крайне легко, т.к. действие морфинов крайне

сильное, но это и является его неоспоримым преимуществом, особенно в медикаментозном применении. В случае с марихуаной – получаем обратное. В качестве обезболивающего марихуана не подходит в любых дозах, зато является приемлемым средством в качестве галлюциногена (фактически - антидепрессанта). Можно еще поспорить, что безопаснее для человека – полностью запрещенная к распространению в большинстве стран марихуана или общедоступный алкоголь. Большинство бытовых убийств, не говоря уж о повсеместно проявляющемся бытовом насилии - следствие употребления именно алкоголя. Воздействие алкоголя на нервную систему человека (про воздействие на ЖКТ речи не идет) в значительной степени выше (и пагубнее) по сравнению с теми же простейшими галлюциногенами. Причин, почему значительная часть человечества отдает предпочтение алкоголю (разрешая его повсеместный оборот) и запрещая к обороту более легкие психоактивные вещества достаточно много, но основа их – меркантильность интересов правящих элит. Причем, декларируемый запрет сильнодействующих веществ, при вечно здравствующей индустрии производства и распространения таковых, есть не что иное, как тот же самый меркантильный инструмент, просто в ином виде. Правящие элиты во все времена были вовлечены в торговлю, как оружием, так и психоактивными веществами. И так будет всегда, пока единственным штурманом разума человечества будет служить «Я» с его бесконечными страданиями.

Что занимательнее всего, властидержащие не имеют никакой возможности привести общество к полному отказу от психоактивных веществ, уничтожив соответствующую индустрию (во всяком случае, в части не качающейся необходимого для медикаментозного применения). Если такое дело в чистом виде и выгорит, то ознаменовано оно будет уничтожением такой власти и передачи рычагов управления тем, кто поставит все на круги своя. [Алкоголь, производство которого возведено до уровня искусства – прямое и неопровержимое тому доказательство. Достаточно вспомнить об антиалкогольных компаниях прошлого и их грандиозном провале.] Для уничтожения «наркоиндустрии», властидержащим потребуется предложить толпе альтернативу, а альтернатива только одна – танцы (массовый же адреналин – это война). Доминирование танцев, в свою очередь не менее пагубное явление, и мало того, что имеющее свои тяжелые последствия, так еще и более трудоемкое для внедрения в массы. [Этим, кстати, отчасти и объясняется медленный переход человечества от всевозможных верований в употребление, и особо это показательно при сравнении Европы с тандемом Ближнего Востока и Северной Африки.] Любое предприятие по исключению одного без предоставления в альтернативу другого обречено на провал, ибо сама мотивация к утолению жажды (употреблению/танцам/адреналину) исходит из сущности человеческого «Я». Любая декларируемая борьба с психоактивными веществами – популизм априори. Индустрию можно только регулировать. Чем собственно во все времена и занимались правящие элиты, правда, с переменным успехом, в зависимости от конкретного государства (общества) и ситуации. Соотношение танцев и веществ, как неизменные в своей сути весы. В какое то время больше одного, но меньше другого, затем ситуация меняется, но суть остается прежней вне зависимости от времени.

§ Ублажения «Я», путь к умиротворенности

Эгоизм наделяет меня памятью о собственной бесценности в моем жалком опыте, отвлекая тем самым все дальше и дальше от последовательной оценки мышлением окружающей действительности. Он направляет все мои стремления на ублажения «Я», заставляя утверждать «Я» все больше и больше, превращая мою жизнь в агонию тщеславия и вечную беготню за иллюзорными удовольствиями. Он не оставляет меня ни на миг, и особенно тогда, когда мне выпадает победа над нуждой, он тут же награждает меня скукой, в борьбу с которой я пускаюсь с еще большей слепотой и легкостью, да так, что порой теряю себя в вечном стремлении за убегающими от меня иллюзорными удовольствиями. Я не успеваю добежать до одного удовольствия, как «Я» тут же его обесценивает и дает мне новую цель.

Состоянием абсолютного удовлетворения всех стремлений (желаний), если и может что-то являться, то разве что смерть. Ибо сами стремления, желания, и есть проявление того, что дает жизнь моему организму. И раз уж «счастье» при существовании «Я» также немислимо, как и жизнь после смерти, то есть ли у меня шанс, хотя бы на умиротворенность?

Если счастье немислимо пока существует ограниченность в удовлетворении стремлений частностями, то, как следствие, умиротворенность, если и возможна, то только при условии неограниченности удовлетворения стремлений частностями. Очевидно, что умиротворенность возможна только в том случае, если она не проецируется на что-либо определенное материальное, ибо последнее ограничено, т.е. источник умиротворенности может исходить только изнутри в мир, будучи отвязанным от фокуса на определенные частности. В свою очередь, внутренним источником, относительно независимым, если и может являться, то только мышление. Все остальное, что доступно человеку, так или иначе, обуславливается постоянной зависимостью от чувственных ощущений при взаимодействии с окружающей средой. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы осознавать то, к чему может привести чрезмерное увлечение удовлетворением от чувственных ощущений. Злоупотребление удовольствием от вкусовых ощущений, чрезмерной сексуальной активности, всплесков адреналина, действия психоактивных веществ, и даже физической активности/пассивности, заканчивается всегда, как правило, одним и тем же, страданиями от травм, болезней и, в конечном итоге, оборачивается преждевременной смертью. [Изобрети человек таблетку для оргазма и употреби ее, не пройдет и часа, как удовлетворять уже будет некого.]

Как следствие, одной из первых ступеней к умиротворенности, доступных человеку, может являться познание себя в окружающей среде. Ибо познание основы и сути происходящего, познание собственной природы и своего места в окружающем мире, активное мышление, увеличивает оперируемость представлениями, рождает новые, расширяет фокусировку стремлений. Что в свою очередь, понижает влияние, а то и доминирование, каких-то отдельных ярко выраженных стремлений, имеющих фокусировку на частности. Отсюда, меньшая предрасположенность к попаданию в плен отдельно взятых желаний, ориентированных на частности, и как следствие, уменьшение чувствительности к соответствующим внешним раздражителям. Удовлетворения от частностей становится меньше, ибо то, что считалось прежде за «счастье», теряет уровень своей ценности в сознании конкретной особи, но и беспокойства от частных горестей пропорционально становится также меньше. Познание себя и мира, по сути, не имеющее границ, переориентирует фокус стремлений к удовлетворенности от примитивных, привычных, приевшихся, ограниченных частностей, на заведомо безграничный мир. Набор примитивных удовольствий ограничен и рано или поздно, будучи исчерпанным в частностях, вызывает бесконечные страдания от скуки. Мир познания - не имеет ограничений, ибо он в сути своей лежит в бесконечности. [Следует отметить, что творчество также относится к миру познания, ибо значительная часть творчества касается познания своих возможностей в безграничном мире.]

Правда и здесь, в ряде случаев, без эгоизма не обходится, т.к. первое, за что берется последовательное самопознание, так это за своего главного врага – за эгоизм в его основополагающей сущности, заключающейся в индивидуации всего окружающего, являющегося разуму как окрашенная эгоизмом действительность. Стоит разуму уступить в своей последовательности эгоизму, как все познание обернется познанием эгоизмом им же окрашенного мира, отправив ищущего на бескрайние поля информационного хауса «Я» человечества.

§ Прошлое без окраски эго, догматы исторического опыта

При первых попытках начать ослабление власти эгоизма над разумом, на его защиту тут же встает окрашенная им память, продолжающая убеждать в том, что прошлое и настоящее это

разные вещи, и я, в настоящем, совсем не тот, что они в прошлом. Все прошлое, осталось в прошлом, я новый. А так ли это? Что скажет мне само прошлое без эгоистической окраски? А прошлое говорит мне так: Когда я говорю о прошлых мнимых заслугах человечества в способствовании прогрессу, я говорю и о том, что старалось оно в угоду желаниям одних и никогда это не обходилось без ущемления интересов других. А если быть точнее, то угода одних всегда была только и возможна за счет других, человечество никогда не пренебрегало употреблением себе подобных. Когда я говорю о неких злодеяниях или достижениях человечества в прошлом, я не ввожу себя в заблуждение, олицетворяя их с отдельными особями (индивидуумами), я не умаляю заслуг множеств, поддержавших и послуживших той силой, посредством которой, стремления отдельных особей воплотились в жизнь. Заслуги, приписываемые отдельным особям, состоят лишь в том, что таковые являются индивидуализированным олицетворением желаний большинства, идолами, аккумуляторами в себе стремления общества, лишь только по этой причине «подхватывающего идеи». [Множество мыслителей прошлого, в стремлении предотвращения катастроф в будущем, в надежде того, что вторят желанию, избавления от страданий, большинства, не раз предлагали человечеству взглянуть на себя в прямое зеркало, дабы люди смогли понять причину вечно бушующего кровавого месива, олицетворяющего то, во что они превратили собственные взаимоотношения, но почему-то они не нашли поддержки. Зато во все времена находили поддержку те, кто аккумуляровал в себе стремления желания удовлетворения эго, не взирая ни на средства, ни на уплачиваемую цену.]

И что же отличает прошлое от настоящего по сути происходящего? Ровным счетом – ничего. Изменения частных не меняет суть человечества, его природы. На заре мнимой цивилизации люди изготавливали себе простейшие инструменты из камней и растений, добывали огонь трением, воевали с копьями за охотничьи территории и добычу, использовали поверженного неприятеля в качестве рабской силы, приносили его в жертву богам. Сегодня, люди построили заводы, расширили набор энергоносителей, изобрели множество способов уничтожения себе подобных, хотя делят, как и прежде, добычу и территории, по-прежнему используя поверженного неприятеля в качестве рабской силы, принося его в жертву, пришедшему на смену богам, прогрессу. Счастливей от прогресса, с его иглой потребления, в заслугу чего превозносится увеличение численности популяции, люди не стали. Это не счастливая и легкая жизнь увеличивает популяцию, это я один, научился выращивать себе рабов в виде себя другого, ибо врагов, соразмерно возросшим потребностям, стало требоваться захватывать столько, что я оказался не в силах обеспечить их контроль. Выращивание и содержание рабов оказалось наименее затратным и более безопасным вариантом обеспечения меня одного, дармовой силой от себя другого. Особенно, в привязке к тому, что большинству из рабов их статус, со временем, стал неведом, они создали себе иллюзию его идеальности и даже построили внутреннюю иерархию, создав для которой отдельные науки по восхождению в таковой. [«Либо не сообщай рабам о существовании свободы, либо прекращай их разводить» - что выбрало «Я» человечества? – Систему образования!]

Я заведомо хищное животное и по сути своей потребляю то, что допускает моя природа. Любые выдуманные мною морально-этические понятия теряют свое значение, как только дело доходит до моих потребностей. Человечество, как и прежде, соответствует самому себе во всех отношениях, и только иллюзорное «Я» пытается убедить меня в обратном. «Я» стоит на страже установленного им порядка, отделяя меня от самого себя. Нет никакого прошлого, есть только одно настоящее, вечное настоящее в рамках существования вида; и не «был, есть и буду я», а просто «я». Когда мне нужно узнать, что же было действительно в прошлом, мне достаточно посмотреть в буквальном смысле на настоящее, и тогда для меня не возникнет загадок, ни относительно прошлого, ни тем более будущего. [Тяжело ли было «Нострадамусу» предугадать кровавые катастрофы будущего? Или он просто подошел к зеркалу?]

Историю делает «Я», оно же трактуют ее для потомков. Чем меньше подробностей сообщается о некоем историческом факте, тем легче оперировать его причинами, что, как само собой разумеющееся, идеально для создания ложных исторических предпосылок для настоящего в меркантильных интересах «Я». Последнее - единственно возможное «правильное» использование истории для человечества, потому, что раскрытие подробностей облегчает путь к первопричинам, что в свою очередь повлечет увеличение и так доминирующих пессимистических настроений у большинства особей. Если только представить, что недалекому в своем развитии «Я» будет донесен истинный ход событий, реальное положение вещей и его неизменность во времени, что во все времена его рабское и жалкое существование неизменно, то реакцию предугадать не сложно - мир погрузится в еще более многочисленные войны, но затем все вернется к прежнему порядку, ибо природа человеческого разума неизменна. «Я» никогда не сможет принять собственную неизменность во времени, отвергая иллюзорную эволюцию. Оценка любой особью себя самой осуществляется только с эволюционной позиции. Каждая особь, с позиции своего «Я», считает себя в настоящем эволюционировавшей относительно себя в более ранних возрастных периодах (как будто бы в прошлом это был другой человек). Для «Я» нет иных вариантов оценки себя, кроме как с позиции изменчивости во времени, иначе оно не сможет сохранять иллюзию собственного улучшения, развития, превосходства. [Мало кто из людей в силах сопоставить настоящее, к примеру, даже с не столь отдаленным средневековьем, не говоря уж о более ранних периодах истории человечества. До смерти будут стоять на своем, утверждая что «они» в средневековье, не те, что сейчас. Хотя, только у совсем наивного «Я» возникнут сомнения в том, что очистил природа его память, он не вернется в собственное детство.]

Любое изложение исторических событий при участии «Я», так или иначе, объективным быть не может априори. Само по себе выражение «исторический факт» из уст «Я» - ничтожно, ибо в большинстве случаев таковым, по сути, не является. Для «Я» правильнее сказать «факт исторического изложения» (на некоторых предпосылках о возможно реальных событиях). Стоит попытаться разложить историю любого государства (даже самую не отдаленную во времени, с массой данных и даже живыми свидетелями) с не предвзятой последовательностью на «причины и следствия», как тут же начнут появляться «пробелы», кем-то искусственно закамуфлированные. [Последние находки человечества в виде руин городов возведенных более девяти тысяч лет назад недвусмысленно требуют несколько скорректировать официально принятую историю цивилизации, но, как и во все времена, принимается только то, что удобно. Десятилетия прошли с тех времен, как начала трещать по швам практически вся выстроенная за последние столетия история человечества, но воз и поныне там. Чего уж говорить о том, что по сей день имеет место спор, как отсчитывать нашу эру, от Рождества Христова или все же по григорианскому календарю.]

Даже собственная история «Я» для него самого же, индивидуума, (т.е. его приобретенный опыт) и то, в подавляющем большинстве случаев, ложна, ибо сама оценка собственного опыта производится индивидуумом под влиянием огромного количества собирательных иллюзий из иллюзий в его же «Я». Эгоизм, в оценке своего прошлого, опирается на чрезмерно окрашенные чувственно или морально-этическими признаками события, и практически полностью упускает их суть. И только не многие, обладающие возможностью на миг абстрагироваться от «Я», могут пролить луч света на жалкую часть истинного опыта и/или истории.

§ Иллюзорность, лже-основность, единственное слово правды

Если обратить внимание, то «Я» человечества старается не употреблять слово «иллюзорность» в его истинном значении. Люди вообще стараются поменьше касаться этого термина. [Не любит «Я» упоминаний о своей сущности.] Ни одна система образования (воспитания) не предполагала, и по сей день не предполагает, раскрытие для каждого нового

«Я» сути того, как формируется в голове каждой бестолочи то, что она называет миром. Оно и понятно почему, ибо пришлось бы «Я» назвать себя своим именем. Хотя, есть все основания полагать, что даже древний человек имел представления о сущности воспринимаемого им за окружающий мир. Существование же подобных знаний на уровне последних двух тысяч лет неопровержимо доказывает опыт. Но и по сей день, ни одна система образования даже близко не подходит к сущности «Я» человека.

Подавляющее большинство особей человеческого вида понятия не имеют, что по сути своей есть та картинка в их сознании, которую они воспринимают за окружающий мир. И уж тем более им не ведомо, что есть их «Я». Вместо иллюзорности, «Я» человека нашло себе отличные разменные монеты в виде «правды» и «лжи», при этом, себя назвав «душою». Весь мир стал делиться на правду и ложь для вечной души. [Картина маслом – сказочник рассказывает сказку в содержании которой другой сказочник пишет быль о правде и лжи.] Если абстрагироваться от того, что само по себе представление мира в мозге особи лишь иллюзорная проекция – «Я» человечества, с его же позиции, при кратном увеличении численности популяции и доминировании принципа стадности, формируя из века в век свое информационное пространство собирательными понятиями, практически полностью оторванными от реально возможного опыта, фактически полностью выродило себя в свое же собственное изобретение – в ложь. Любое современное общество, олицетворяющее множество отдельных «Я» выстраивающих социальные взаимоотношения на основе положений общего информационного пространства, в отличие от разрозненных древних обществ, не имеющих общего информационного поля, имеет predeterminedную лжеосновность. Ложь, будучи некогда преднамеренно искаженной информацией, подложным мотивом, воспринятая за чистую монету, по прошествии нескольких поколений превращается в общепринятое правило, а по прошествии веков – в постулат, т.е. в правду. С течением веков, одна ложь, смешиваясь с другой, рождает третью и так далее. В конечном итоге, не трудно показать, что большая часть того, что вообразило себе «Я» человечества – ложь. Отсюда становится очевидным и то, чего же на самом деле стоит нарекаемое правдой. Не существуй правды, ее необходимо было бы создать. Ложь достигла такого доминирования, что даже частичный отказ ото лжи привел бы к гибели цивилизации, ибо на лжи теперь зиждется мировой порядок.

«Я» может до бесконечности придавать то одной, то другой лжи негативную морально-этическую окраску, но при этом все равно продолжать жить в состоянии «по уши во лжи», чем лишь усугубляя собственную иллюзорность. Ибо называя что-либо ложью с позиции существования правды, «Я» не различает, чем же на самом деле является принимаемое им за эту правду, оказывающуюся, в большинстве случаев, точно такой же ложью, но в веках ставшей правдой. [Как сказал один человек, умывший кровью пол мира - «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят».] Предeterminedная лживость основы социальных взаимоотношений настолько впиталась в «Я» общества, что на каком-то этапе, изобретенная «ложь во спасение», полностью утратила свою негативную окраску, исходящую ото лжи, уравнившись по значению с правдой. Человечеству нужна ложь, существование «Я» немыслимо без нее. Лжи как таковой не может не быть, ибо сущность «Я» и есть иллюзия. Любое общество, это когда большинство верит в то, что им самим же и преподнесено, тысячная часть догадываются, что что-то не так, и только единицы имеют представление об отличной реальности происходящего. Что явно не делает жизнь последних легче или счастливее. При этом, большинству просто жизненно необходимо верить в то, во что им хочется верить, более того, они готовы за это драться насмерть. Дав большинству, обществу, жесткую реальность - на выходе можно получить панику и хаос. Ложь не бывает социальной, политической, коммерческой или бытовой. Ложь безлика. В каких-то моментах жизнедеятельности человека ее больше, в каких-то моментах лишь незначительно меньше. Большая часть политики, бизнеса, да и вообще всей жизнедеятельности человека построена на лжи, и не столь важно в каком качестве и проявлении. [Если правила игры не позволяют выиграть, мы меняем правила игры – вот девиз всей политики и уж тем более бизнеса.]

Сами межличностные взаимоотношения ложны по своей сути, ибо суть их заключается в отношениях одного «Я» (иллюзии) с другим «Я» (точно такой же иллюзией).

Если и допустить, что существует «слово правды», то таковым, если и может являться, то только единственное сказанное человеком - «я хочу». Это действительно правда.

§ Путь человечества

Возможен ли иной путь человечества? А меняется ли человечество? Определенно - нет.

Никакие знания и технологии не делают ровным счетом ничего для изменения человеческой сущности. Меня становится больше – я даже освоил для жизни северные широты. Но и в этом случае, природа, сохранив мою сущность неизменной, коснулась лишь некоторых физиологических особенностей, да и то, касающихся лишь упразднения развитости одного и придания чуть больших акцентов в развитии другого, соразмерно необходимому для выживания в определенных условиях среды обитания. Северные народы вынуждены были развивать технологии, дабы приспособиться к более суровой среде обитания, приучив себя использовать функцию обращения к мышлению чуть в большей степени (если быть еще точнее, то речь конечно о развитии памяти и частоте обращения к функции мышления). В свою очередь, выделение энергии направленной на использование функции мышления отразилось ее уменьшением в некоторых, условно, животных качествах, а именно на уровне развитости мышечной системы. Это хорошо прослеживается, если сравнить уровень физического развития, к примеру, народов Африки и северной Европы, при этом у Африканских аборигенов наблюдается целый ряд качеств уже не столь свойственных европейцам. Население Европы, в среднем, стало более слабым в физическом плане, но при этом, в целом более интеллигентным, относительно своих южных соседей. В физиологическом плане отличия северных и южных народов легко прослеживаются и на изменениях в репродуктивных функциях. Именно поэтому создается впечатление, что, к примеру, южные мужчины более любвеобильные, но при этом менее интеллигентные, не жили, чем северяне. На самом деле южане всего лишь избавлены средой обитания от расходования жизненной силы в иных целях, кроме как на продолжение рода, да и к тому же, у южных народов, заболевания репродуктивных органов встречаются значительно реже, ибо причин возникновения таковых у южан на порядки меньше. В свою очередь, у северных народов, наряду со значительно более высоким интеллектуальным уровнем у населения в целом, многочисленные нарушения репродуктивных функций редкостью не являются, да и вообще, демографическая ситуация у народов населяющих северные территории на порядки хуже. [Что, собственно и не удивительно.] Виной тому является не только перераспределение энергии, но и иные социальные взаимоотношения, иное отношение людей к будущему своего потомства, загрязненность экологии, а также преобладание в пище ингредиентов не пригодных для питания человеческого организма.

Но по сути своей человек не изменился. Более развитое использование мышления, характерное для населения северных территорий, не есть новый орган или новое свойство, это всего лишь перераспределение энергии вкладываемой в те или иные существующие органы. Развитость обращения к способности мышления не есть изменение способа мышления. Любое придание развитому обращению к функции мышления (разуму) каких-либо новых качеств заведомо абсурдно. Ибо неизменным остается способ восприятия изменений окружающей среды. Мышление осуществляется исключительно на восприятии окружающей среды в пространстве и времени. Появление нового качества в мышлении априори должно лежать не в разуме (частоте и силе обращения к способности мышления), а в способе восприятия. Новый способ мышления, к примеру, позволяющий человеку расширить свое восприятие пространства, будет исходить не из разума, а из нового качества восприятия внешней среды его физиологии, требующей такую возможность в целях сохранения вида. Предположение о возможности того, что разум человека способен инициировать новое качество в мышлении, равносильно надежде на то, что легкие человека

вдруг начнут извлекать кислород не только из воздушной смеси, но и из жидкостей. Посему, человечество, по сути своей, произвольно неизменно. Все изменения носят исключительно эволюционный характер приспособления конкретного вида к выживанию в определенной среде обитания. Пока не изменится среда обитания, природа не начнет формировать новые качества, требующиеся для выживания вида в изменившихся условиях. Существующий «мир человечества» - единственно возможный для такового и он не изменен по признаку времени своего существования в определенных условиях среды обитания. Да и сам вид, претерпевающий незначительные изменения во внешнем явлении, не изменяет своей сути.

Каждый вид животных был самим собой во все времена своего существования, такова его идея. Научившаяся говорить обезьяна становится (условно) человеком, т.е. эволюционирует и начинает формировать иной вид. Причем, обезьяна, обзаведется речью не вследствие учения или дрессировки, а вследствие появления в мозговой деятельности новой функции, позволяющей формировать абстрактные представления. Среди животных встречаются явно более развитые особи (замечу: с позиции человека, но не с позиции соплеменников, соплеменники воспринимают отличающуюся особь «белой вороной»), но не одна такая особь, отличающаяся от сородичей, не превзошла возможности характерные для вида, и не передала отличия следующему поколению. Да, среди людей тоже периодически встречаются особи, с разительно отличающимися от средних, физиологическими возможностями. Равно как встречаются и особи, с явно превосходящими, относительно большинства соплеменников, возможностями в обращении к способности мышления. Но даже селекция не способна была бы «вывести» человека с новыми качествами способности мышления, ибо для этого потребовались бы серьезные изменения в органическом строении. Селекция, всего лишь, позволила бы повысить средний уровень развития способности обращения к мышлению у нового подвида, и не более того. Человек по прежнему жил бы «в трехмерном пространстве и времени». Периодическое появление особей, с отличающейся способностью использования мышления, ничего для вида в целом не меняет. Уникальные особи не могут передать своих способностей, ни по наследству, ни на уровне передачи опыта. И именно по этому «иная жизнь невозможна».

Эгоизм на то и существует, что проще преподнести сознанию какие-либо иллюзии на счет «светлого» будущего, чем получить неадекватную реакцию от особи человеческого рода, не имеющей возможности познать пессимизм своего существования. И именно так эгоизм стоит на страже вида, что полностью соответствует природе, в стремлении его сохранения.

Стареет ли человечество? Нет. Ибо само понятие старения лежит исключительно в познавательной способности человека, т.е. во времени. Сама суть - человечество - не лежит во времени, в буквальном смысле, это лишь промежуточное состояние перехода одной материи в другую. И не более того. Все, что вообразил себе человек, в особенности о влиянии знаний (образования) на собственную эволюцию, не более чем очередная иллюзия, рожденная, собственно, заведомо иллюзорным «Я».

Болевой порок разума

§ Образовательные системы и самостоятельное мышление

Основная суть общепринятых систем образования эгоизма эгоизмом заключается исключительно в навязывании индивидууму, его «Я», стремления следованию определенным канонам, соразмерно установленному в каждой конкретной системе строгому порядку. Т.е. эгоизм устанавливает порядок в эгоизме. Именно неспособность обращения к функции мышления огромного количества особей и обуславливает необходимость существования подобных систем, и все это, естественно, в угоду создания относительного порядка, т.е. в целях выживания рода. Как следствие, ни одна общепринятая система образования не может предполагать в своей основе мотивацию индивидуума к развитию собственной структуры обращения к способности мышления; как минимум потому, что не

предполагает наличие последней у тех особей, на кого ориентирована система. Более того, сутью любой общепринятой системы образования/воспитания является навязывание особи отрицания к любому инакомыслию, отличающегося от установленного системой порядка для большинства. Фактически, любая общепринятая система, не предполагающая индивидуальный подход и даже его отрицающая, не что иное, как зомбирование эгоизмом эгоизма, дублирование содержания одного в содержание другого.

Но только собственные мысли настоящие и живые, потому, что только их особь понимает в самом деле и вполне. На уровне опыта, образованность является не более чем показателем объема освоенных «Я» составляющих иных «Я» (т.е. чужих мыслей), соответствующих их опыту, состоянию их памяти «себя» в определенной среде обитания. Как следствие, в большинстве случаев, это происходит в ущерб собственным умозаключениям. Ибо собственному разуму, функции обращения к способности мышления, которая всегда стремится создать связанное целое, систему, хотя бы и не строго законченную, ничто так не вредит, как слишком большой приток чужих мыслей. Смешение собственного опыта с чужим, в большинстве случаев, ничего, кроме предрассудков и заблуждений, воспроизвести не в силах. Возникшие у разных «Я», в разных умах, принадлежащие разным системам, носящие разный оттенок опыта, чужие мысли, никогда сами собой не сливаются в одно единое целое, знание, озарение, убеждение. Напротив, они создают в голове путаницу, сумятицу, и предрассудки, совершенно лишая, переполнивший себя ими ум, сколько-нибудь ясного понимания вещей, таким образом, его почти дезорганизуют. Как лекарство, превращающееся в яд, если доза слишком велика, так чрезмерная доза чужих мыслей дезорганизует разум.

Состояние это можно наблюдать на примере многих ученых «Я», именно оно причина того, что по здравому смыслу, последовательности умозаключений, суждения, и практическому такту они уступают многим, казалось бы, неученым. Именно тем, кто небольшое знание, извне доходившее до них путем опыта и последовательных рассуждений, всегда соединял в систему, подчиняя его собственному последовательному мышлению. Обыкновенные заучки, коллекционеры образований, и большинство из тех, кто получил и освоил чужие мысли, с целью возведения библиотеки в голове, говорят не то, что сами думают, а то, что думали другие, думают не так, как им это наиболее свойственно, а так, как их научили думать, желают не то, что сами бы пожелали, а то, что их научили желать, и делают не то, что могли бы сделать сами, а то, чему научили их другие. [Тщеславное и самонадеянное «Я» доходит порой до того, что называет способность возведения библиотеки в голове – интеллектом.] Человек, животное стадное, и как толпа следует за своим лидером, и каждая особь повинуется влиянию стада, так и каждое «Я» подвергается влиянию окружающей его среды. Тем более, что каждое «Я», первым, что получает в свой опыт (в свое воспитание), наставление о необходимости соответствия другим «Я», порой доводящее некоторые особи до полной дезорганизации разума, не позволяя последним даже приблизиться к пониманию того, что чужие мысли могут быть не ценнее чем объедки с чужого стола и обноски с чужого плеча. Чрезмерное поглощение чужих мыслей, постоянное копирование составляющих чужих «Я», вызывает у особи атрофию функции обращения к собственной способности мышления. «Я» особи человеческого рода, существующее с багажом памяти, переполненной чужими мыслями, подобно точному и емкому теоретическому знанию об акте совокупления без практики. Такое «Я» многое может рассказать об ощущениях, испытываемых особями в акте совокупления, оно может дать информационные емкие справочные сведения о каждом этапе акта, но, в сущности, это не есть отчетливое, связанное, основательное знание. Напротив, те, кто, не обладая абсолютно никакими теоретическими знаниями, испытал акт совокупления, воистину знакомы с предметом и в самом деле знают, о чем идет речь. Обыкновенный заучка, так же относится к самостоятельному мыслителю, как историк-исследователь к очевидцу, напоминая собою маленькое государство, денежное обращение которого состоит из валют других государств, ибо своей валюты оно не имеет.

Первую треть жизни, особь, обитающая в так называемых развитых странах, отдает воспитанию и образованию. Во второй трети жизни, особь задается вопросом о том, почему же при таком большом багаже знаний реальную пользу приносит лишь его малая часть и/или самое простейшее. И, наконец, третью часть жизни особь тратит на ожидание смерти, задаваясь единственным вопросом «а зачем собственно все это было?» находя утешение, в лучшем случае, в своем потомстве.

Так же мало, как и чужими мыслями, способность обращения к мышлению может быть заменена голым опытом. Грубый опыт, без понимания сути явлений, так же относится к мышлению, как процесс разжевывания пищи к перевариванию и ассимиляции. Когда опыт превозносится до уровня единственного источника объясняющего миропорядок, то это можно сравнить с тем, как если бы рот захотел хвалиться тем, что он один изготавливает ткани человеческого тела. Сила влияния «Я», «эгоизма», его подверженность внешнему влиянию других «Я», его примитивность, вызывает неспособность большинства особей человеческого вида к самостоятельному мышлению, и, порой оставляет их, в отсутствии образования, с грубым опытом наедине, что в свою очередь, приводит к жутким последствиям. Наглядным примером могут служить государства, десятилетиями, находящиеся в состоянии гражданских войн. Этим и обуславливается необходимость существования образования, с позиции чего, вполне разумно предположить, что predeterminedная участь части дезорганизованных зомбированием умов, потенциально способных к самостоятельному мышлению, ничто, по сравнению с последствиями отсутствия правил для грубого большинства, ведущими, как минимум, к анархии, со всеми вытекающими. Я, человек, в сущности, есть дикое хищное животное. Как только спадают оковы для «Я» (навязанного порядка), и вводится анархия, так тут же обнаруживается то, что я такое на самом деле. Зомбирование «Я» правилами поведения - не что иное, как намордник для усмирения армии ненасытных хищников. И на то он намордник, чтоб не каждый хищник мог его снять. [Смотри – но не смей трогать, трогай – но не смей пробовать, пробуй - но не смей глотать, проглотил - отвечай.]

§ Зомбирование

Общество, совокупность «Я» множества особей, вторит единственному стремлению природы – сохранению вида, что дает ему полное право на пренебрежение частными потребностями/интересами меньшинства, в угоду поддержания контроля над голодным большинством, что и обуславливает необходимость существования образовательных систем. Если обратить внимание, зомбирование предполагает четко определенный состав информации, имеющей в себе наиболее простейшую (приближенную) причинную основу, а то и без таковой, т.к. только в таком виде можно охватить контролем разум максимального количества особей. Особенно особей, с физиологией, предусматривающей лишь незначительное использование способности мышления, ибо таких большинство и они голодны. Разумнее, а главное проще, преподнести собирательное понятие морально-этического характера или постулат, к примеру, аксиому «блага», чем объяснить невозможность его существования, в том виде, в каком его хочет видеть грубый эгоизм. Ибо ничто, привнесенное информационно и не будучи осознанным, не в кое мере не сможет повлиять на желания, тем более обусловленные физиологией. Именно по этому, ни одна общепринятая образовательная система, ориентированная на большое количество особей, не может иметь общей связанной структуры, т.к. примитивность, а также безосновательность множества составляющих не предполагает самой возможности существования последовательных взаимосвязей. Стоит абстрагированному от «Я», от эгоизма, разуму углубиться по причинно-следственному пути, как могут не выдержать критики последовательного мышления даже самые, казалось бы, основательные науки, не говоря уж о собирательных понятиях (постулатах, догматах, устоях, идеологиях и т.п.). Подобное столкновение последовательного мышления с зомбогрузом, как правило, вызывает

болезненные ощущения разума, что и показывает опыт в виде единичных угрюмых искателей истины. Ведь единственно, что служит в качестве хоть сколько-нибудь последовательной системы обоснования у моего «Я» – математика, но ее действие узконаправленно, а ее фрагментарность не дает возможности осознать то, что не подвержено фрагментарности. Для всех остальных случаев существуют стражники, стоящие на охране моего «Я» – догмы и аксиомы. Именно они охраняют границы общепринятых систем образования. Аксиомы стоят на страже воспринимаемого внешнего, догматы же охраняют чувственное внутреннее. Именно их видит мой разум и в преддверии болезненных ощущений от обнаружения непоследовательности незыблемого, останавливается в своих «почему». Попробуй разум пойти по пути к первопричине, к примеру, тех же громких изобретений «Я», как «правда и ложь», «добро и зло», «жизнь и смерть», «справедливость и закон», как тут же стражники «Я» встанут на его пути. Но на подобное способны единицы, для всех остальных, в угоду поддержания относительного порядка, существуют образовательные системы. Так было и будет всегда, вне зависимости от изменений, в каких бы то ни было частностях. Во всяком случае, до тех пор, пока разум человека не претерпит существенных изменений.

Это как с использованием тысячелетиями рабского труда и работорговлей, являющегося столпом любого государства, и на чем собственно зиждется начало финансового процветания старого и нового света, со всеми своими финансовыми корпорациями. Вроде заявлено, что, начиная аж с девятнадцатого века, человечество отказалось и от того, и от другого. На деле же, не более чем упразднение некоторых форм и замещение определений, преподносимых под иной идейной основой, т.е. некая смена вывески. Достаточно задаться вопросом об обоснованности, последовательности, объективности и взвешенности законодательства (и в первую очередь налогового) практически любого из государств, а также сравнить реальное положение населения с тем, что заявлено в конституциях, как даже у недалекого ума не останется ни одной причины для оптимизма. Куда уж там до раскрытия принципов бюджетных трат, особенно если таковые нацелены на «оборонку» т.е. войну. [Другое дело, что подобные сравнения недалекому уму не доступны, чем собственно во все времена и пользовались властидержащие.]

Законодательство, по сути своей, является неким показателем уровня развитости, а равно последовательности в своих стремлениях, каждого из государств. Не меньшее может рассказать законодательство и о людях, являющихся основой конкретного государства. Ведь право, в основании которого лежит закон достаточного основания, по идее должно ему же и соответствовать. На деле же это совершенно не так. [К примеру, что можно сказать о людях, составляющих в массе своей государство, если они живут по законам которые, единственное что собой предполагают, противореча один другому, так это их нарушение.] Законодательство большинства стран настолько оторвано от закона достаточного основания, что язык не поворачивается назвать подобную писанину «правом». Оттого то, большинство служителей закона, а вместе с ними и армия юристов с адвокатами, о существовании закона достаточного основания даже не слышали. Он им не нужен, иначе рухнет, как карточный домик, то, что они называют правом. И вообще, трудно не заметить того, что чем более «развитым» себя позиционирует государство, чем больше оно этим кичится, тем больше оно ведет войн в том или ином виде, как известно, по сути являющихся не более чем разбоем. При этом, стоит наивному «Я» проявить открытую враждебность, покуситься на незыблемость основных устоев сложившегося общества, как такая особь навлечет на себя такую агрессию, при которой лучшим исходом окажется смерть. Попробуй некто донести до современного общества суть истинного положения большей части населения планеты, не отличающегося в своей сущности от положения каторжников и рабов прошлого, как тот будет, как минимум освистан и побит, хотя, скорее всего, изолирован, а то и незамедлительно уничтожен. Все происходит так, как и в прежние времена, когда рабы, под страхом усугубления своей участи в случае неудачи, сопротивлялись организации массового побега на свободу, а стражники уничтожали тех, кто к таковому подстрекал. Мало что

изменилось даже в частностях, а на принципиальном уровне и вовсе ничего. Разве является принципиальным отличием то, что рабы теперь, при сопротивлении к организации побега, кричат, что они не рабы? Ведь они по-прежнему, сопротивляются по той же причине, одни - боясь усугубления своей участи, а к страхам других лишь добавилась еще и страх потери того, что им дали, и того, во что они искренне уверовали. Стражники же, неизменно, как и прежде, охраняют границы существующего порядка, уничтожая любых провокаторов с должным усердием. [Стоит признать, что существующий порядок устоял в тысячелетиях не благодаря строгости стражников и малочисленности провокаторов, а благодаря тому, что ни в какие времена, рабам, свобода, как таковая, была в принципе не нужна, они попросту не знали, и не знают по сей день, что с ней делать и кто их будет кормить.]

При всех заявляемых благах цивилизации, прогрессе и декларируемой незыблемости прав человека, если охарактеризовать положение большинства особей человеческого вида, как в некоем прошлом, так и в настоящем, то кроме как незавидной судьбу таковых не назвать, ибо проводят они свою жизнь в положении каторжных рабочих, получающих за это лишь мгновения времени и минимально необходимое для выживания. Каждый их день в своих страданиях похож на все предыдущие и удел их предопределен. Судьба же тех немногих, кто проводит свою жизнь в мнимом достатке, не многим лучше, ибо вместо борьбы с нуждой, последние заняты кровавой битвой за власть (деньги), и не менее мучительной борьбой со страданиями, но вызванными уже не нуждой, а скукой. И первые, и вторые есть одно целое, представляющее собой популяцию, состоящую из многочисленных общин (государств) и влекущих свое жалкое существование в безмерном времени, в бескрайнем пространстве.

И кстати о государствах. Задача государства - защищать граждан друг от друга выступая защитником целого, по всей видимости, ни разу, за все время существования человечества, не приблизилась к практической реализации своего истинного предназначения. И, скорее всего, не приблизится, ибо истинный смысл государственности на практике низводится чуть ли не до противоположности, что в результате дает не более чем иллюзию, почище любой религии. Существующая государственность ориентирована исключительно на эксплуатационные (меркантильные) цели одной части населения по отношению к другой, по средствам ложной мотивации (и к патриотизму, и к борьбе с некими врагами). Чем многочисленнее состав государства - тем больше пирог, и как следствие, тем больше страданий несет на своих плечах население. [Китай и Индия прямое тому подтверждение. А если задаться вопросом более детально, то не трудно убедиться в том, что большая часть населения земли проживает практически впроголодь.] Воспеваемая «цивилизованность» некоторых карликовых государств не что иное, как ширма для оазисов сокрытия/сохранения в тихой гавани капиталов правящих элит «больших соседей». Но только такое положение вещей и возможно, стоит грубому эгоизму обратить свое внимание на капиталы, как они тут же будут разграблены, посему тем выше порядок, чем больше иллюзия государственности имеет доминирование в сознании населения.

§ Последовательное мировоззрение, болевой порок разума

Слабое место образовательных систем – отсутствие последовательности, увязывающей все в единую систему мировоззрения, не упирающегося в какие бы то ни было продукты от «Я», т.е. в предрассудки, не выдерживающие никакой последовательной критики, догматы, аксиомы и т.п. Стоит разуму обратиться к способности мышления, абстрагировавшись от «Я», последовательно, как он не встретит ни одной аксиомы, из охраняющих иллюзорность «Я». Что собственно и позволит ему получить последовательные ответы на свои «почему», остановившись только около пределов возможностей функции мышления.

Построение последовательного мировоззрения, вкупе с преодолением иллюзии «Я», удел особей с редкой комбинацией интеллекта и характера проявления жизненной силы, обладающих крайне развитой способностью обращения к функции мышления. Без тени сомнения, относительно популяции вида, такие особи являются инвалидными, ибо имеют

значительные отклонения в своей физиологии, допускающие не характерный для вида уровень обращения к функции мышления. Как следствие:

- удел особей с атрофированной способностью обращения к мышлению – полная неспособность осознания существования чего-либо за пределами «Я»;
- удел особей с нормальной, характерной для вида в целом, комбинацией интеллекта и характера – игнорирование подобных мировоззрений по причине практической бесполезности таковых для «Я»;
- удел особей с комбинацией интеллекта и характера допускающей обращение к способности мышления хотя бы с частичным абстрагированием от «Я» - поиск последовательного мировоззрения уже кем-то сформулированного.

И поиск, для последних, будет осложнен тем, что сведение всего в единую систему последовательного мировоззрения, его формулировка и изложение не могут быть мотивированны извлечением каких-либо благ, ибо последние сами являются продуктом иллюзорного «Я» и исследователь в таком случае был бы мотивирован не следованию истине, а соответствии исследования «ожиданиям заказчика». Если заказчиком выступает «Я», то чего может стоить продукт, соответствующий его ожиданиям. Из всех мировоззрений созданных и сформулированных академическим путем, в конечном итоге, ни одно не может вызывать хоть сколь значимого доверия у последовательного разума, ибо на опыте все они проявляют свое происхождение, в виде наличия целого ряда непоследовательностей в угоду меркантильным интересам «Я». А чего еще ждать от систем и мировоззрений, созданных при академиях финансируемых какими-либо государственными структурами, т.е. в интересах власти. [Это как с развитием космических технологий, зиждущихся не на благих стремлениях науки, а исключительно за счет бюджета оборонки, т.е. в первую очередь в военных интересах.] Учитывая сложность последовательной структуры (как следствие о популярности речи быть не может) и наличие заведомого отсутствия у таковой академической поддержки (т.е. явных упоминаний о трудах и их сути), ищущему индивидууму можно сразу готовиться к долгим поискам по самым удаленным задворкам мирового наследия знаний.

Чем последовательнее мировоззрение, тем большее отвращение оно вызывает у «Я» особей с атрофированной способностью обращения к мышлению. Ибо недвусмысленно указывает такому «Я» на его собственное же ничтожество, осознание чего, в силу отсутствия возможности адекватной самооценки с помощью последовательного мышления, вызывает у грубого эгоизма реакцию полного отторжения, а в ряде случаев, и агрессивную враждебность. Это особенно заметно, когда подобное, выдрессированное иллюзиями «Я», сталкивается с полным несоответствием морально-этических постулатов с осознанием истинной природы своих мотивов, выражающихся служению единственной цели – сохранения и продолжения вида, и имеющих свой основной фокус исключительно в половом влечении. [Мало кому можно не то, что бы доказать, а даже говорить, без опасения агрессивной реакции, о единственной основе мотиваций человека заключающейся в стремлении продолжения рода, имеющей свой основной фокус в половом влечении.]

Не многим позитивнее оказывается отношение к последовательному мировоззрению и у так называемых «обычных» людей (с намеком на интеллигенцию). У «Я», наиболее характерных для человеческого вида особей, имеющих возможность нормального использования функции мышления (в рамках необходимого для выживания), последовательное мировоззрение, будучи заведомо пессимистическим, вызывает обострение и так присутствующих негативных оценок окружающей их действительности, со всей своей очевидной предопределенностью в последствиях. Что в свою очередь вызывает реакцию отторжения, выражающуюся в полном игнорировании пессимистических взглядов, в угоду поддержания иллюзии оптимизма, которая, правда, при чрезмерном влиянии на «Я» особи, приводит последнюю к еще большим страданиям, а порой и к гибели. [На опыте это сравнимо с тем, что с математикой знакомы многие, но, как показывает практика, считать умеют единицы.

То же касается и иллюзорности, каждый может любоваться в зеркало, но вынести осознание сущности отражения под силу не многим.]

Практическое воплощение последних рассуждений крайне ярко показательно на опыте и прослеживается на протяжении всей истории человечества. На протяжении тысячелетий, внесистемные философы, а также и естествоиспытатели, исследователи, ученые и т.п., подвергались не только гонениям, но и уничтожению, в зависимости от степени несоответствия ожиданиям большинства «Я» результатов их исследований. Самое малое, что грозило трудам внесистемного исследователя – полное забвение. Последние века в этом смысле не менее показательны, чем средневековые со своей святой инквизицией. [Миллионы верующих и их жрецы пользуются сегодня спутниковой навигацией и лекарствами, хотя всего лишь несколько столетий назад, они, руководствуясь все той же, и поныне не изменившейся в своих догматах верой, пытали до смерти, сжигали на кострах, четвертовали, неподконтрольных астрономов и химиков. Но со временем, блага для эго, продукты прогресса, пришлось по душе «Я», невзирая ни на какие бы то ни было религиозные догматы, но вот отношение к внесистемным мыслителям остается неизменным, ибо то, что не тешит «Я» ему заведомо враждебно. Да и что тут говорить, когда даже современная наука не может похвастаться какими-либо разительными отличиями от средневековой церкви, копируя религиозные институты как под копирку. Иерархия, почитаемые жрецы, догмы, священные тексты, ритуалы – все как в церкви, и, конечно же, всеобщий враг – еретики (внесистемные исследователи), с трудами которых надлежит бороться, а при случае уничтожать вместе с создателями.]

Единственное, за всю историю человечества, информационно емкое и законченно сформулированное Шопенгауэром последовательное мировоззрение, было придано забвению, ибо предоставило для «Я» человечества прямое зеркало, в котором отразилось его истинное лицо и его сущность. Судьба трудов последователей Шопенгауэра не многим лучше. Даже результаты исследований, имеющих в своей основе очевидно последовательные выводы, подтверждающиеся непосредственно каждодневным опытом, и то, либо подверглись забвению, либо, при невозможности последнего, подвергаются постоянным нападкам и насмешкам. Показательнее всего в этом смысле отношение «Я» к исследованиям Зигмунда Фрейда, обесценивающим целый ряд морально-этических иллюзий общества, не желающего осознать, что сущность первоосновы поведения каждой из особей вида, зиждется на единственном физиологическом стремлении – продолжение рода, а не в чем бы то ни было еще, выдуманном «Я», и уж тем более, не будучи обусловленной самим «Я» в облики некой души.

Философ – отражает свои умозаключения в порядке, строго соответствующем его способу оперирования представлениями и их взаимосвязями. Ошибочно считать, что видимый, в качестве результата работы философа, информационный хаос (с позиции наблюдателя) не имеет в своей основе строгого порядка. Любые умозаключения, даже полностью безумной особи, имеют в своей основе строгий порядок формирования, ибо обуславливаются физиологией, пусть и имеющей те или иные качества. Чем в большей степени отличны способы оперирования представлениями философа и наблюдателя, тем меньше вероятности того, что наблюдатель адекватно воспримет умозаключения философа. Но схожий в своей структуре оперирования представлениями разум, воспринимает умозаключения философа уже как нечто свое, близкое, что ранее «как будто чувствовалось», но не получало точной формулировки. Умозаключение, сформулированное философом и воспринятое схожим по структуре мышления разумом, воспринимается им как свое, как должное, как родное, как будто бы эта философия излагалась именно для него. Отсюда и справедливость утверждения: каждому разуму свой философ, каждому верующему своя религия, каждому солдату свой устав, а каждому рабу свои оковы. Имея данные о мировоззрении человека, можно многое узнать об уровне использования им своей функции обращения к мышлению. Неудивительно, что практически вся академическая (государственная) философия излагается по известным простейшим принципам суждения, будучи заведомо ориентированной для определенного

социума, а именно для большинства, не желающего воспринимать ничего другого за пределами ожидаемого. [Что ожидают, то и получают. Спрос рождает предложение. Предложенное в отсутствии спроса, порождает страх неизвестности, а в случае противоречия имеющемуся – агрессию. Бога, а равно и инопланетян, ожидают с неба, и выйди они из под земли, они сразу же окажутся дьяволом. Истинный моральный импульс и свободу воли ищут в душе, и при осознании ее отсутствия может рухнуть мир, в голове отдельно взятой бестолочи.]

Возможно, именно этим и объясняется, чуть ли не слепое, фанатичное, доверие огромного количества людей к трудам «философов от государства», а также к различным религиозным учениям. Казалось бы, как может здравомыслящий человек верить в то, что не только не существует, не может быть представлено и предлагается только лишь как мыслимое, без всякой последовательности в обосновании (а иногда и без обоснования), но и явно противоречит реальному опыту. И тот же самый опыт показывает, что об этом мало кто задумывается, ибо само обладание возможностью последовательного мышления является редкостью. По этой же причине, кажется непостижимой сама мысль, о возможности осознания большинством мира, со столь пессимистической точки зрения как это излагается Шопенгауэром. При определенно ограниченной структуре оперирования представлениями, разуму не требуется столь глубоко идти в своих «почему», потому, что чем дальше, тем болезненней ощущения от не свойственной степени мышления. И чем «болевого порок разума» выше, тем ближе, к примеру, Шопенгауэр, и чем он ниже, тем ближе религиозные учения. Соответственно, ни одна общепринятая система образования, а, равно как и любая принятая идеологическая основа общества, заведомо не может быть сформированной с ориентацией на высокий болевой порог разума.

Последовательность – самый главный враг морально-этических иллюзий грубого эгоизма. И вражда эта, порой, является причиной жутких по своей жестокости последствий для огромного количества особей человеческого вида. Показательнее всего это выражено в нескончаемых религиозных войнах и конфликтах на почве национальной нетерпимости. «Я» настолько знакомо с тем, какую силу могут иметь собственные же иллюзии, что без тени сомнений возводит боязнь религиозных и националистических противоречий до уровня животного страха. За примерами далеко ходить не надо, один из самых характерных для всей популяции в целом показательных примеров - жуткий страх религиозного гнева, выражающийся в страхе последствий критики относительно какой-либо религии, особенно имеющей агрессивные составляющие. В большинстве случаев религиозную цензуру, т.е. проявление этого вида страха, «Я» преподносит под видом толерантности, прикрывая тем самым истинную причину умалчивания реальных взглядов и/или мировоззрения. Отношение же к «неверующим», во все времена лежало исключительно на качелях «от негативного к агрессивному». [Истинно толерантным может быть только такой человек, который хотя бы внутренне, и пусть не сознательно, способен олицетворить себя со своим видом, что в принципе не представляется возможным для большинства особей популяции, ибо состояние, даже частичного абстрагирования от «Я», доступно единицам. Большинство же, использует толерантность в качестве одного из морально-этических признаков, т.е. не более чем в качестве разменной монеты. «Возлюби ближнего своего, как самого себя» – гласит заповедь ученья, отправившего миллионы своих адептов в кровавые миссионерские походы, залившие полмира кровью не покорившихся. Пока в сознании присутствует индивидуация – истинная толерантность априори не возможна. Что и находит свое неопровержимое подтверждение в нескончаемых конфликтах.]

То же находит свое подтверждение и в иных, идеалистически объединяющих массы людей, явлениях свойственных современному миру, и в частности, в исключительно искусственных системах, лишь только на первый взгляд отделяющих далекое прошлое от называемого сегодня цивилизацией. По мере увеличения популяции, сопровождаемого научно-техническим прогрессом, принесшего человечеству увеличившийся до немыслимых размеров информационный поток и коммуникационные связи мирового масштаба, ряды

религий начали разбавлять многочисленные искусственные системы, порожденные прогрессом и новыми социальными явлениями в обществе. Причем, в отличие от религий, системы, имеющие в большинстве своем несоизмеримо более примитивную основу, ибо появилось слишком много особей, для которых даже религии стали слишком сложными для восприятия. К тому же, искусственные системы, по аналогии с религиями, предполагающими некий рай, обратились в своей основе уже не к обещаемому в будущем раю, а к реальному, т.е. рай не стал обещаться, он стал попросту продаваться частями. Что для примитивного разума оказалось куда больше по сердцу, тем более, что большинство искусственных систем первым источником своих адептов обозначили наиболее незащищенные части общества, в виде подростковой и обывательской составляющих. Огромное количество особей, имеющих, как и во все времена, их предки, необходимость заполнения внутренней пустоты чем-либо отвлекающим от ощущения собственной никчемности и страданий (и в большей части – от скуки), имея огромный выбор, обеспеченный прогрессом, и практически полностью дезорганизованное информационным потоком сознание, обращаются к тому, что наиболее доступно. Здесь и всевозможные фанатские сообщества, произрастающие как плесень на лоне конвейера, называемого шоу бизнесом; и адепты виртуального мира, нашедшие себя в полном отрешении от реальности с помощью продуктов от разросшейся до глобальных масштабов электронной индустрии; и даже те, кто нашел себя в виртуальной социальной реализации, на базе глобальных телекоммуникационных сетей. Но, как и прежде, сущность «Я» при этом несколько не изменилось. Религиозные, расовые и националистические войны дополнились противостоянием фанатских движений, а чрезмерная религиозность, приводящая некоторых особей в состояние полнейшей дезорганизации сознания, дополнилась точно такой же дезорганизацией, но уже ставшей следствием выбора особью виртуального (или медийного) мира в альтернативу реальному. [Чем, по сути своей, отличаются нескончаемые конфликты на фоне агрессивных настроений фанатов (к примеру, футбольных) от бытующих испокон веков конфликтов всевозможных конфессий, а также от всех остальных идеалистически и/или националистически окрашенных конфликтов (особенно притом, что именно футбольным фанатам свойственны националистические, или того хуже, анархические взгляды)? Чем отличаются информационные войны нового тысячелетия от провокационных атак и подстрекательства прошлых, особенно в ракурсе того, что большинство современных информационных войн рано или поздно выливаются в реальные кровавые события либо прикрывают последние? Уж не тем ли, что революции подешевели и стали не только инструментом захвата власти и грабежа, но и просто средством борьбы со скукой, развлечением, на базе превосходного для таких целей продукта прогресса в виде глобального телекоммуникационного пространства?]

Никакая философия, никакая религия, и тем более общественно-политическая идеология, не несут в себе ничего того, что не соответствовало бы уровню способности особей к использованию функции мышления. Если некая религия, допустим, требует покорности - то добровольно и с радостью отдаст ее только раб. Все религии, по своей сути, различаются лишь в том, в какой степени иллюзорной они предполагают жизнь своих адептов. Современный научный взгляд на вселенную и законы природы, с позиции большинства религиозных учений, выглядит так, как будто бы весь ученый мир либо сплошь состоит из сумасшедших, либо людей злоупотребляющих галлюциногенами в процессе своей работы. С позиции же тех, кто заместил религию виртуальным миром, реальный мир вообще теряет, какое бы то ни было, значение. Иллюзорное «Я», погруженное в виртуальный мир, не оставляет последовательному мышлению ни единого шанса.

§ Непоследовательность общепринятых систем

Как уже было сказано ранее, особенность общепринятых систем (идеологических, образовательных, религиозных и т.п.) состоит в том, что значительную часть составляющих

жизнедеятельность человека невозможно увязать последовательными (обоснованными опытом) причинно-следственными взаимосвязями. Любая подобная система во многих составляющих указывает в качестве первопричины либо аксиому, либо заведомо ложную причину, и все это в угоду соответствия, как ожиданиям, так и преследуемым целям установления определенного «порядка» в уме послушника. Как правило, считается нормальным отсутствие у следствия причины, а у причины следствия, вплоть до полного абсурда. Следуя канонам общепринятого образования нельзя вывести целостность мироздания, отсюда и огромное количество догматов, заблуждений, иллюзий, доминирующих в умах «образованных», ибо лежащее в основе ими усвоенного, заведомо не предполагает последовательности. Всю мощь образовательных систем можно наблюдать хотя бы в том, что таковые не только допускают, но и полностью оправдывают, в счет соблюдения частных интересов «Я» (грубо алчных), право властидержащих элит на своевольное уничтожение и/или рабское эксплуатирование определенных частей подконтрольных им групп населения. Предлоги обоснования необходимости и справедливости, под которыми подается подобное право элит, не столь имеют значение в своей сути, главное заключается в том, что большая часть населения, множеств подконтрольных «Я», верит в эти обоснования, ибо приучено верить в подобное своим образованием. В глобальном для человечества смысле, подобное можно наблюдать на примере обоснования массовых убийств распространением неких идеологий [демократии? фашизма? коммунизма? национал-социализма? христианства? ислама? буддизма?], при котором огромное количество «Я» искренне верит в то, что миллионы уничтоженных особей иных народностей/обществ, в развязанных [США? Россией (СССР)? Германией? Великобританией? Францией? Японией? Китаем? ... Церковью?] войнах и кампаниях [колонизация? геноцид? завоевание/освобождение? военно-религиозные походы?], были принесены в жертву их мнимой безопасности [процветания? жажды потребления? прогресса? служения создателю?], совершенно не принимая во внимание алчную основу войн и кампаний, по сути являющихся либо разбоем, либо порабощением. Подобное можно наблюдать не только применительно к войнам. Порой, с не меньшей искренностью большая часть населения государства верит в оправданность уничтожения некоторых социальных слоев под предлогом наличия внутренней угрозы [святая инквизиция? борьба с диссидентами? борьба со шпионами и провокаторами?]. Тоже касается и частных случаев, когда большая часть населения государства веками уживается с процветающим казнокрадством властидержащих элит. На этом фоне, вера «Я» в созданные им же морально-этические признаки [типа «справедливости» законов, прав человека, милосердия, добра, зла и т.п.] выглядит не более чем детской наивностью. Древние, в некотором смысле были значительно искреннее в своих поступках. (Правда и численность популяции была несоизмеримо меньше, а также, разрозненные общества не объединяло единое информационное пространство.) Цели «захвата и порабощения» не только не камуфлировались, а откровенно провозглашались. Войны назывались своим именем – «захватническими». Разбой называли разбоем, грабеж – грабежом, рабство – порабощением, налоги – данью, социальную поддержку населения – одолжением верховного правителя, бесосновательное наказание – карой богов и т.д.

Человек, существо хоть и хищное, но в любом смысле слабое, что выражается практически во всех областях его жизнедеятельности. Он постоянно хочет, хочет, хочет, но при этом его никогда не покидает чувство страха и беспомощности, ибо он как никто другой чувствует собственную ничтожность всем своим существом. Вся его жизнь зиждется на стремлении реализации своих желаний, а когда это встречает затруднения и тем более вызывает страдания, человек с легкостью пускается как во «все тяжкие», так и в выдачу желаемого за действительное. Последнее оказывает огромное влияние и на выводы, исходящие из попыток человека приблизиться к разгадке сути мироздания. При этом, человеку не нужна «бесполезная» информация (знание), ему нужны выводы, которые он может использовать практически, опять же, в качестве средств, для реализации вполне определенных

стремлений. [В большей части – потребления.] Зачем конкретному «Я» человека обострять внимание на знании того, что его индивидуальность («Я») не имеет никакого значения и является всего лишь одной из функций временных форм материи, служащей для единственной цели - сохранению вида, приносящая человеку больше страданий, чем удовольствий. Более того, как объяснить человеку, что именно его «Я», его индивидуальность, является тем самым источником страданий, от которого «Я» всю свою жизнь безнадежно пытается убежать. Пожалуй, не каждый разум, не каждое «Я», такое сможет вынести. Значительно проще, а главное выгоднее, дать недалекому разуму (если конечно он не особо вникал в физику, химию и астрономию) учение о сотворении мира неким сверх существом, или субстанцией. При этом оставивших после себя не только сам мир, но и множество заветов, законов, правил, постулатов, следование которым и обеспечит человеку некое высшее благо, а следить за правильностью выполнения чего надлежит жрецам. Когда и где человек получит высшее благо уточнять совершенно не обязательно, главное наделить его верой в то, что получит. Ну а то, что при ближайшем рассмотрении ряд заветов преподнесен исключительно в угоду жрецам этого учения, мягко выносится на второй план, это не должно раздражать «Я» человека. В итоге, все остаются удовлетворенными, жрецы - полученным сегодня, человек – обещанным, хоть и в будущем, зато в значительно большем. [В храме как в театре, чем краше представление, тем больше прихожан и их пожертвований.] При таком положении вещей, в ущерб приносится только одно – истина, но кому она нужна, если не несет в себе практической пользы. Для «Я» человека легко и приятно представлять себя высшим и чистым существом, ожидающим рая, и даже отдаленно приближаться к предопределенной мерзости, иллюзорности, злобности и хищности характера своего «Я» он не намерен, о существовании чего бы то ни было подобного он даже слышать ничего не хочет и годов биться за это до смерти.

Взять, к примеру, любимое утверждение моего «Я», что я, человек, это высшее существо (царь зверей и все такое), и попробовать увязать это хотя бы с тем, что «Я», это единственное явление в природе, которое обладает злорадством, в высшей степени проявляющегося в «убийстве ради убийства». Что в очередной раз, неопровержимо доказывает мне, что «Я» это лишь иллюзия, ибо только иллюзия может искать удовлетворение в уничтожении без потребления. Вспомнив еще и о том, чем на деле оказываются моим же «Я» созданные морально-этические признаки в оценке мотивации собственного поведения, как например справедливость, свобода, ну, и, пожалуй, добродетель (иногда, Я захожу так далеко в своей иллюзорности, что даже приписываю этим признакам изначально природную мотивацию), я вижу совсем другую картину. Более соответствующую утверждению, что я, человек, в своих поступках, это самое мерзкое, злобное и лживое существо, обладающее еще и наглостью возомнить себя высшим. А мое «Я», для планеты и всего органического мира, не ценнее чем паразитирующее вирусное заболевание.

Сам человек, конечно, не может быть кем-то, кроме того, что он просто животное, не доброе, не злое, вообще никакое т.к. морально-этические признаки это лишь продукт иллюзорного «Я». Но вот с собственной же позиции «Я», если оценивать поступки (ведь судят по результату) соразмерно тому, что подразумевается под конкретными морально-этическими терминами, то получается, что порой, «Я» настолько умаляет значение собственных же понятий, что низводит последние до уровня разменной монеты. В таком случае первый девиз «Я» должен заключаться в утверждении «я – мразь, и бесценен в собственном мнении до такой степени, что позволяю себе преподносить свою кровожадность под видом блага, в угоду собственной алчности и ненасытности, при этом искренне веря в благость своих намерений для придания ситуации пушей праведности».

[Человек, как и другие животные, не наделен ни одним инструментом для познания существа более высокого уровня. Насекомые, даже не предполагают о существовании человека, более того, для сохранения вида им этого и не требуется. Человек, имеет представления о называемых им низшими существах исключительно в силу наличия у него способности мышления (формирования собирательных понятий и оперирования

абстрактными представлениями во времени и пространстве), которое, в свою очередь, имеет строго predetermined принцип функционирования, соразмерно необходимого человеку для сохранения вида (не больше и не меньше). Представляя то множество существ, о которых только известно человеку, находящихся «до его уровня», вполне разумно предположить, что человек не может являться конечным звеном. Остается только гадать, для какого же существа человек находится на том же уровне, что и муравей для последнего. И как потешается это существо над примитивностью человеческого «Я» возмнившим себя «высшим».]

Знакомство с собой

§ Исключительный эгоизм

Свойственное человеку явление «убийства ради убийства» настолько весомый аргумент в пользу априорной иллюзорности и ничтожности его «Я», что «Я» человечества, до сих пор не может противопоставить ему ни одно хоть сколько-нибудь значимое оправдание, хотя бы и в противовес. Ни сетования на происки дьявола, ни явления милосердия и великодушия, ничего не могут дать ни в оправдание, ни в противовес. Даже случаи самопожертвования, являющиеся следствием сострадания, и то не в силах затмить столь весомый аргумент. Как это уже обозначалось выше, в рассуждениях о явлениях истинного сострадания, «Я», воспринимающее окружающий мир исключительно с позиции осознания собственной индивидуальности, по сути своей не имеет ни малейшего шанса олицетворить себя с иным существом (следовать его интересам как своим собственным). Следовательно, поведение человека не может предполагать ничего иного, кроме того, что особь, всецело повинующаяся «Я», может действовать исключительно в собственных интересах, т.е. эгоистично. Конечно, можно противопоставить случаи самопожертвования, но при ближайшем рассмотрении, в качестве причины видны мотивы, а за ними и причины их возникновения, которые, так или иначе, все равно будут исходить из стремления следовать собственным стремлениям, желаниям, интересам и т.п. [Мать, плюющая смерти в лицо ради спасения своего потомства, следует не тому, что она олицетворила себя с дитятей и следует его интересам, а лишь в соответствии со своей природной мотивацией к продолжению рода, этим и ограничивается, у животных. У человека же добавляется сюда еще то, что мать, кроме природной мотивации, следует мотивам спасения состояния своего «Я», понимая, что не сможет сохранить рассудок, испытывая невероятные страдания от осознания гибели своего потомства. И далеко не каждая мать пожертвует собой ради чужого потомства, и тем более ради представителей другого вида. Отсюда и то, что о милосердии и сострадании человек любит только заявлять или играть этим, потешая сентиментальность и тщеславие собственного «Я». На деле же, истинное сострадание, и тем более выливающееся в самопожертвование, в подавляющем большинстве случаев подтверждения не находит.] Следуя от индивидуального эгоизма дальше по цепочке причинно-следственных связей, и дойдя до общепринятых морально-этических понятий, я, так или иначе, получаю целостную картину с последовательной структурой причинно-следственных взаимосвязей причин возникновения тех или иных иллюзий «Я». То же вкладываемое «Я» значение в понятие «справедливости», недвусмысленно показывает мне свою несостоятельность, ибо сама возможность существования справедливого для одного «Я», по сути своей, предполагает ущерб другого «Я» (что и подтверждает опыт). Пойдя дальше, я вижу, что и сам иллюзорный прогресс «Я» человечества зиждется на циничной эксплуатации слабого и голодного большинства, в угоду целям, позиционируемым в качестве общественных и необходимых. Но если разобрать последние, то в большинстве случаев, таковые окажутся не более чем ширмой меркантильных интересов «Я» малочисленных правящих групп, остальные же, лишь шипами ошейников для голодных эго, дабы последние не сожрали друг друга вместе со своим прогрессом. [Прямо таки общественный договор элит с населением, на основании которого,

элиты обязаны создавать в умах обывателей иллюзию порядка и безопасности, а те в свою очередь не должны обращать внимания на то, какими средствами это достигается и что в итоге оказывается в руках правящих элит. Эдакий обмен иллюзии на все то, что могли бы иметь без таковой. Хотя, стоит признать, что пусть обмен и своеобразный, но, по всей видимости, действительно взвешенный. Обладание чем-либо достаточно энергоемкий процесс и требует сил. Одни получают за свою недалекость иллюзорную надежду на светлое будущее и драку за «жрачку» (ибо только на это сил и хватает), вторые, получают эфемерное благо (причем в таком количестве, которое и потратить-то не в силах, т.к. последние растрочены на заполучение благ), расплачиваясь за свою ненасытность нескончаемой борьбой со скукой и вечно воюя за власть и деньги. (А когда-нибудь было иначе?)] Даже обычная жизнедеятельность человека и то предполагает ущемление интересов «Я» одних особей в угоду эфемерного блага других.

Если и допустить, что человечеству, в альтернативу существующему хаосу иллюзий в «Я» и в общепринятых им системах образования, стоило бы создать искусственное и пусть надуманное мировоззрение с системой взаимосвязей (обоснованных опытом), которая хотя бы в качестве красивой иллюзии давала целостность мира, то в любом случае, все, так или иначе, пришлось бы к необходимости установления последовательности. Неминуемо потребовалось бы обосновать существование одного другим и так до высшего уровня увязывающего все в единый порядок от частных к общему и наоборот. Где каждая часть предполагала бы любую другую и все остальные вместе взятые. Но при иллюзорной сущности человеческого «Я», заведомо эгоистической сущности, красивой картины все равно не получилось бы. А не красивую картину, более того, пессимистическую, грубому «Я», эгоизму, адекватно не воспринять. Отсюда и то, что имею, т.е. невозможность существования ничего иного кроме многочисленных непоследовательных, но подчас красивых, систем и мировоззрений для большинства, и жалкий удел единичных особей, имеющих возможность хоть на мгновение абстрагироваться от своего «Я». [Даже терминология «Я» вторит этому, называя последовательные взгляды на прошлое, настоящее и будущее – пессимизмом (неприятное для «Я»), а иллюзорно окрашенные наивностью надежды на светлое будущее – оптимизмом (приятное для «Я»). Причем для «Я» нет никакого дела до того, что почему-то пессимизм, как правило, включает в себя и прошлое, и настоящее, и будущее (условно, может даже не лежать во времени), а оптимизм ограничивается лишь будущим, редко когда настоящим, и никогда не касается прошлого. Оно и понятно почему, ибо даже полностью дезорганизованный иллюзиями «Я» разум, не осмелится увязать прошлые поступки человечества с причиной возникновения светлого будущего.]

§ Основа морали

Задавшись вопросом о том, что неужто все, созданные «Я» морально-этические признаки столь иллюзорны, что в них нет ничего кроме разновидности эгоистических стремлений, я легко могу прийти к утвердительному ответу, достаточно лишь непредвзято взглянуть на основу морали «Я», состоящую из следующих частей:

- 1) эгоизм, который хочет собственного блага (он безграничен);
- 2) злоба, которая хочет чужого горя (доходит до самой крайней жестокости);
- 3) сострадание, которое хочет чужого блага (доходит до благородства и великодушия).

Первые два составляющих неопровержимо правильны, ибо второе вытекает из первого. С толку сбивает только третье, дающее моему «Я» возможность натягивания истинны за уши ради придания правдоподобия иллюзии о существовании подлинно морального импульса. Ни злоба, ни сострадание не лежат в predetermined природой человеческого существа основе мотиваций. Эгоизм - единственная реальная из предложенных основ, ибо вытекает из индивидуации, т.е. эгоизм и есть сущность «Я», которое в свою очередь обусловлено физиологией, т.е. мозговой функцией. Злоба и сострадание лишь частные проявления «Я», и,

как и все остальные вторичные проявления, зиждутся на единственной природной мотивацией особи, базирующейся на основном интересе природы - сохранении вида. Именно стремление сохранения вида и дает индивидууму, «Я», в зависимости от степени его чувствительности, определенное проявление этой мотивации в ту или иную степень, т.е. в злобу и/или сострадание. [При чем речь идет именно об осмысленном сострадании т.к. только оно может иметь отношение к морали, а не об истинном, априори не имеющим к морали никакого отношения, ибо мораль это порождение «Я» и его мира, при существовании чего, истинное сострадание, как это уже обозначалось выше, немислимо.]

Чем чувствительнее и/или агрессивнее особь, тем злоба или сострадание в ее «Я» проявляются в большей степени, чем амбней, тем проявления этих мотивов менее выраженные. Особи женского пола более склонны к проявлению человеколюбия и/или злобы, а особи мужского рода к справедливости и/или жестокости. Человеческое существо с рождения не может быть наделено ни какой другой основой мотивации кроме как основанной на стремлении своей природы к сохранению вида. Природе абсолютно нет никакого дела до морали. Она даже не знает о существовании последней ибо «знать» - это не про нее, «хотеть» - вот в чем ее сущность.

Случаи же проявления истинного сострадания, порой переходящего в самопожертвование, основываются не на обычном (нормальном) состоянии организма, а возникают лишь при олицетворении особью себя с иным живым существом, что возможно лишь при отсутствии «Я», т.е. при явно не нормальном для человека состоянии его организма, а именно при том, когда никакой морали и существовать не может.

§ Справедливость

Как и вера в существование подлинно морального импульса, не менее абсурдна и вера «Я» в существование некой мировой человеческой справедливости, равно как и вера во всеобщее равенство. Как это уже затрагивалось в рассуждениях ранее, то, что является справедливым для одного «Я», в большинстве случаев является ущемлением стремлений/интересов другого «Я», а основная функция «Я», эгоизма, заключающаяся в индивидуации, делает существование, какого бы то ни было, равенства среди «Я», заведомо невозможным. Без «Я» справедливость немислива в силу взаимообусловленности всех процессов в природе и если уж примерять это на некую справедливость, то получится, что природа и есть справедливость, ибо едина. Существование же несправедливости обусловлено исключительно иллюзорностью «Я», ибо за несправедливость оно считает несоответствие следствия определенной причины собственным иллюзорным ожиданиям. История человечества практически во всех областях жизнедеятельности дает этому явное подтверждение, обосновывая опытом иллюзорность существования единой справедливости и равенства для «Я», показывая, что сама по себе, справедливость «Я», основывается всего лишь на собирательных понятиях и абстрактных представлениях индивидуума о неких необходимых следствиях определенных причин. Определение необходимости в конкретном следствии всецело подвержено влиянию эгоизма каждой конкретной особи, ибо им же и формируется. Уже только это, доказывает невозможность мировой справедливости «Я» априори. Пока существует эгоизм, индивидуация, ни о какой человеческой справедливости и речи быть не может.

Существует мировой порядок - причин и следствий, это и есть мировая справедливость, только из этого и вытекающая. Действительность – и есть справедливость, имеющая отражение в разуме человека, в строгом соответствии с законом достаточного основания. Что бы ни вообразил себе человек, не будет иного следствия, нежели, чем предопределенного причиной.

Почему страдают невинные и особенно дети? Почему гибнут миллионами? В чем их вина? Казалось бы, а ведь действительно, где справедливость? Что есть справедливость в данном случае? Любое следствие имеет причину, а та в свою очередь сама является следствием

предшествующего состояния. Если проследить зависимость следствия, в силу которого так много «несправедливости» в отношении «невинных», то будет отчетливо видно, что одной из недалеких первопричин является человеческий эгоизм, во всех своих проявлениях – иллюзорности, алчности, жестокости, злорадстве и т.п.

Легко показать, что практически каждое вопрошающее «Я» о мировой справедливости, само, с его же позиции, виновно в страданиях невинных. Почему страдают невинные дети, брошенные родителями и, если не погибшие, влекущие жалкое существование в государственных детских домах, будучи в последствии выброшенными на улицу без штанов и средств к существованию? А не вы ли, вопрошающе к справедливости «Я», являетесь частью того самого общества, с его устоями, законами, властью. А не вы ли, пусть и своим бездействием, поддерживаете такое положение дел. Не вы ли часть того общества, которое допускает существование отдельных своих членов в немыслимых по своей жестокости условиях. Не вы ли выпрашиваете у своего создателя пищу для голодных и милостыню нищим, молитвами в храмах, построенных на крови миллионов и забитых золотом под завязку. Не в соответствии ли вашим стремлениям и ожиданиям существует то, что вы называете правом. Не вы ли вложили свои деньги, хотя бы в виде налогов и/или голоса на выборах, в себестоимость выпущенной пули, финансируемой за ваш счет армией в ходе очередного разбоя под названием какой-нибудь освободительной или миротворческой операции, аля «принуждение к миру». Не вы ли салютуете победе в очередной кровавой заварушке. Все это настолько очевидно, настолько неприкрыто, что вопрошающего о справедливости можно смело отправлять к зеркалу. [Чтоб тот, как и прежде, сказал, что это не он.] И страдание невинных в данном случае справедливо, ибо первопричина предполагает только такое положение дел. Иной порядок вещей и не возможен.

§ Я хороший/плохой, умный/глупый

Как и вера в существование мировой справедливости не меньшим абсурдом на деле оказывается и вера в существование плохих и хороших людей. И вообще, в части нарекаемых хорошим и плохим, в «Я» творится полнейший хаос. Оно не в силах точно определить, что же, и в какой ситуации, считать хорошим или плохим, замешивая в это еще и понятия добродетели и злодеяния. [Когда я кладу себе в рот щепотку риса или вытираюсь хлопковым полотенцем, не зная о входящей в число их ингредиентов крови сгинувших на плантациях рабов, я хороший или плохой? Мешающие моему быту, а порой и угрожающие моему здоровью, насекомые, животные, растения - плохие? Лающая собака плохая? Мешающие моему сну рабочие, строящие что-то ночи напролет под моими окнами, плохие? - И даже тогда, когда строят детский приют? А водитель мчащегося в ночи, по пустой дороге, автомобиля, с включенной сиреной, тоже плохой? - Или это зависит от того, что реанимация ли это, пожарные, полиция или пьяный сынуля крупного чиновника, позаимствовавший служебное авто со спец.сигналами у своего папули? .. А торнадо, сровнявшее с землей мой дом, плохое?]

Если предположить, что хорошие и плохие люди таки существуют, то получается, что человечество в целом, с его же позиции, «подпорченный товарец», ибо большую часть своего времени, человек, в буквальном смысле, уделяет уничтожению (потреблению) всего и вся, не пренебрегая уничтожением себе подобных, т.е. с его же позиции занимается злодеянием, и не столь важно, непосредственно или косвенно. И вообще, доходя до формализма, с такой позиции, человек, как временная комбинированная форма материй, и существует исключительно в силу потребления других материй, в угоду сохранения и поддержания собственной формы. А если я допускаю, что уничтожение (себе подобных или нет, абсолютно не важно) - есть плохо, то человек (равно как и любой другой организм) - плохое существо по преимуществу, во всяком случае, пока в организме идет процесс жизнедеятельности. Пожелать стать хорошим – прекратить потребление, что неминуемо вызовет прекращение жизнедеятельности. [Прекращение потребления человеком плоти

других живых существ, не делает его хорошим, ибо своими действиями, особенно прогрессом, человек отнимает жизнь у популяций. В жертву прогресса приносятся не отдельные особи животных, в жертву приносятся виды. Многие «хорошие» люди, а если быть точнее, то подавляющее большинство из таковых, пользуясь благами прогресса (практически любыми), мало задумываются о том, сколько жизней своих соплеменников, и тем более других видов животных, было отдано за, казалось бы, невинные, безделушки. Им нет никакого дела до того, что способствуя своим потреблением уничтожению других, они ни чем не отличаются от тех, кто самолично «нажимает на курок».] Что самое поразительное, об этом знают все до единого, ибо испытывают это на собственной шкуре, практически в каждый миг своего существования. Но, несмотря ни на что, продолжают повиноваться удобной привычке, беспорядочно разделяя все окружающее на хорошее и плохое по произволу своего «Я» (людей, животных, явления природы). И в большинстве случаев, лишь относительно того, на каком месте находятся, на месте поедающего или поедаемого.

Трудно не заметить, что в большинстве случаев, хорошим человеком считают того, кто хотя бы не отнимает ничего у других и не препятствует чужим стремлениям потребления. Еще более хорошим признается тот, кто отдает, ублажая чужое «Я». Фактически, хороший тот, кто ограничивает себя в потреблении и способствует (или хотя бы не мешает) потреблению других. Плохой же человек, как правило, тот, кто берет то, что хочет, делает то, что хочет, невзирая на чужие интересы, т.е., плохой тот, кто потребляет с наименьшим самоограничением.

Любое воспитание, как это уже обозначалось, это своего рода ошейник для каждого конкретного эгоизма, безмерных и ненасытных стремлений к потреблению. Излюбленная иллюзия нарекания хорошим и плохим на деле не более чем указание на степень ограниченности «Я» человека в своих желаниях и мере своих посягательств на «чужое», т.е. обозначение строгости ошейника. Чем строже ошейник – тем меньше человек посягает на «чужое». Сними ошейник – и человек превращается в монстра, не признающего никаких границ. Даже неприятие каннибализма, лишь один из относительно новых шипов ошейника, и, кстати, отсутствующий и поныне у целого ряда диких племен, а также у некоторых «Я» с плохо одетым ошейником. Если ребенок воспитывается в семье каннибалов, для него нет ничего предосудительного в потреблении себе подобных. К тому же, история мировых войн, с далеко не единичными случаями каннибализма при таковых, прямое подтверждение того, что даже столь значимые шипы не являются особым препятствием для человеческого «Я». Стоит только ситуации позволить, как «Я» скидывает с себя любые оковы.

Умеренность – вот более правильное определение степени ограниченности человека в потреблении. Не «хорошесть» – а умеренность. Не «плохость» – а одержимость собственными желаниями и стремлениями. Утверждение, что человечество состоит сплошь из плохих людей, но есть и хорошие, категорически не корректно. [Утверждения, граничащего с высшей степенью наивности, о том, что большинство людей хорошие, уж и касаться не стоит.] Правильным является более точное описание действительности, показывающее, что человечество одержимо потреблением, но встречаются люди с умеренностью в потреблении. Умеренность эта, выражается различными степенями доминирования в определяющих социальное поведение мотивах. Степень «плохости» – степень одержимости, степень «хорошести» – степень умеренности. Вот так более правильно.

Явления же, когда «хорошим» признают безвозмездно что-либо отдающего окружающим, к данному рассуждению имеют лишь косвенное отношение, ибо и отдающий, и принимающий, заведомо находятся во власти сторон одной и той же, вполне меркантильной, иллюзии. Отдающий убеждает себя в том, что отдавая что-то безвозмездно, он это делает абсолютно искренне, хотя, как и в случае с осмысленным состраданием, он всего лишь тешит собственный эгоизм. Принимающий же, убеждает себя в том, что искренне считает отдающего «хорошим». Подсознательно осознавая не только основу подобного убеждения,

базирующуюся лишь на факте безвозмездного получения чего-либо, но и вполне осознано закрывая себе глаза на то, что ему нет никакого дела до личных качеств отдающего и, тем более, до сущности его иных поступков. Для человечества является вполне нормальной ситуация когда малоимущие с удовольствием принимают благотворительность/милостыню (на деле, конечно же, подачки) от структуры, их же самих и поставившей в столь тяжелые жизненные условия. И мало того, что принимают, так еще и чествуют, умаляя истинные заслуги целуемой руки дающего, давая ему тем самым еще и карт-бланш на будущее, сделать с ними еще и еще раз то, что сделал ранее. [Чего стоит, допустим, больница, отстроенная некоей структурой, проливающей одновременно с этим кровь миллионов в другом месте. Но об этом, как правило, никто не задумывается, все чаще поднимают флаги и бьют в барабаны в честь благотворителя. Равно как и мало кому есть дело до храмов из золота, построенных для нищих и голодных «мучеников» за их же счет.]

Примерно то же, относительно хороших и плохих, можно сказать и про заблуждения, выпадающих на счет умных и глупых. Степень ума, это предрасположенность организма к развитию определенных наклонностей при обращении к функции мышления, но, как следствие, в ущерб другим. Ум, это физиологическая особенность способности особи обращения к функции мышления и не может быть различной у особей одного вида. Еще ни один человек не стал действительно «умным» благодаря внешнему воздействию, все больше становятся биороботами с переполненной библиотекой в голове. А вот в обратную сторону, путь значительно короче, ибо заключается он в воздействии на физиологию. Любой умный человек неминуемо доведет свою функцию обращения к мышлению до атрофии, начни он злоупотреблять средствами, влияющими на деятельность нервной системы, и в особенности, средствами угнетающего характера действия. Ошибочно нарекать «умными» людей одаренных в каких-либо науках и/или ремеслах. Ибо мотивированность «Я» индивидуума в последних, есть не что иное, как одно из проявлений стремления к жизни, т.е. утверждению воли к жизни. Ученый не умен, он «жизнедеятелен со сфокусированной мотивацией»; т.е. организм с должным стремлением к утверждению воли к жизни, явно выраженным в определенной мотивации. Женщина, всецело ориентированная природой на рождение и возвращение потомства, не менее жизнедеятельна, чем ученый, разрабатывающий атомную электростанцию для создания комфортных условий существования, того самого, упомянутого, потомства. Фокус ученого – наука (но ради продолжения рода), фокус матери – выводок (фокус всего лишь более непосредственно приближен к основной мотивации). Но сущность мотивации одна и та же – утверждение воли к жизни при разной степени использования функции мышления. Подходить к «умности» надо с позиции умности в чем-то. Все люди в чем-то умны, и даже безумные не абсолютно глупы. В сравнении с большинством, «безумные», лишь особи с дезорганизованной функцией обращения к мышлению (или памяти), и обычные особи даже представить себе не могут, что творится в уме «безумной», какой мир там бушует. Да и у наиболее характерных представителей вида особей, эта мнимая умность некоторых из них, носит вполне уравновешенный характер. Одержимый точной наукою, скорее всего не блеснет на поприще детской педагогики, при этом, одаренные в педагогике люди зачастую далеко не последние в своем развитии, а сложность некоторых народных ремесел, свойственных, в том числе и практически полностью необразованным людям, порой, может быть абсолютно недоступной для понимания многих, казалось бы, ученых. Умность в одном, всегда будет граничить с неосведомленностью, ущербностью, недалекостью, неразвитостью в чем-то ином. Отсюда, выражение «жизнедеятелен со сфокусированной мотивацией» - конкретизированное, а «умен», более размытое. Очевидно, что домохозяйка тоже умна и искусна в чем-то своем, ей присущем, и жизненной энергии подобным людям не занимать. Настойчивости, практичности и искусности в некоторых процессах женщин, могут позавидовать многие мужчины, даже без привязки к тому, что женщины, по природе своей, в принципе, более выносливы и практичны чем мужчины. Другое дело, в какой мере используется способность мышления в целом, ибо вряд ли домохозяйке для осуществляемых ею процессов требуется

максимально возможный для человека уровень обращения к функции мышления. [Есть устоявшееся мнение, что люди, имеющие успех в шахматах, являются весьма умными, вот только опыт это подтверждает далеко не всегда.]

Выражение же «глупый», еще более размытое. Ибо глупый, человек лишь отчасти посредственный, он просто пассажир жизни, он всего лишь не имеет ярко выраженных фокусов в своей мотивации. [За исключением конечно тех, у кого присутствуют нарушения в мозговой деятельности.] Его стремление утверждения воли к жизни явно не ослаблено. Пусть он не имеет ярко выраженных фокусировок для реализации стремлений, выражающихся в каких-либо созидательных мотивациях, требующих активного мышления в своей реализации, но аппетита и страстей ему не занимать (чем собственно и пользуются хищники). Он также жизнедеятелен, как и ученый, только мотивация у него не созидательна, она всего лишь всецело направлена на потребление, при практически полностью атрофированной функции обращения к мышлению. Некоторые пассажиры жизни являются весьма искусными и разборчивыми потребителями, фору любому ученому могут дать. [Вне всякого сомнения, последние, составляют наибольшую часть населения так называемых развитых и цивилизованных стран. Они называют цивилизацией - развитость своей одержимости в потреблении.] Равно как и иной мошенник может дать фору любому ученому в изобретательности. Эгоизм тешит себя иллюзиями, что шакал и/или лис «ущербен» т.к. не созидателен по сравнению с ученым, или домохозяйкой. [Цыгане, в своем искусстве пронизательности к человеческой психике могут дать фору многим отцам психологии и гипноза.] Нет ни абсолютно умных, ни, тем более глупых, есть лишь люди с различно сфокусированной мотивацией, проявляющейся в различной степени обращения к функции мышления. И чем выше степень фокусировки на определенный единичный мотив, тем слабее человек в других процессах жизнедеятельности. Любая значительная несбалансированность свойств животного организма называется инвалидностью; гений мысли, злодей душегуб, безумец – понятия родственные, до степени смешения, ибо являются всего лишь оттенками инвалидности.

§ Частота обращения к функции мышления

Совершенно иное дело обстоит с практичностью, прозорливостью и живостью ума. Обуславливается это ни сколько степенью интеллекта, сколько частотой обращения особи к функции мышления. Как не странно, последнее, является для человека самым трудозатратным действием. Обращение к функции мышления в разы превосходит, по своей нагрузке на организм особи, любой, даже самый изнуряющий физический труд. Существование человека, имеющего выносливость на уровне активного обращения к мышлению (ворошение библиотеки в голове к этому не относится) порядка нескольких часов в сутки на протяжении длительного времени без риска для жизни, представляется невероятным. Все подобные люди, о которых публично известно, так или иначе, закончили плохо. Множество ученых, мыслителей, исследователей, и даже просто творческих людей, провели остаток дней в состоянии практически полной утраты рассудка. Те же не многие, кто на протяжении своей жизни сумели сохранить то, что позволила им их природа, те, кто хотя бы раз в течение нескольких дней обращаются к своей функции мышления, вызывают всяческое уважение, т.к. пока есть такие люди, человечество не полностью пропащее в том, что называет разумом. Если мышцы человек может натренировать и хоть в сколько-нибудь значительной степени повысить свою физическую подготовку (хотя бесспорно и то, что далеко не из всех можно сделать выдающихся спортсменов), то в случае с обращением к мышлению все не так просто. Никакие тренировки неспособны повлиять на врожденную выносливость особи к работе с функцией мышления. Тренируют память и скорость поиска ранее усвоенного, но не выносливость. При этом лень (которая вызывается привычкой по любому поводу обращаться к чужим мыслям, вложенным, в том числе и посредством дрессировки, называемой образованием), способна вызвать необратимую атрофию того, что

еще можно было бы использовать. [Люди, дабы научиться мыслить самостоятельно, обращаются к многочисленным учебникам и пособиям, повествующим о том, как думал кто-то другой, и хуже того, был уверен в том, что так должны/могут думать и все остальные – абсурд? Но это так. Миллионы людей извергают из своего умишка бесчисленное количество пособий по тому, как стать умным и/или богатым (надеясь, стать богатыми, возомнив себя умными), миллиарды людей это употребляют (веря в существование таблетки для ума и надеясь на легкий путь получения рецепта счастья), а многие даже пытаются воплотить что-либо из изученного в жизнь. Но ни те, ни другие, не получают ровным счетом ничего, кроме еще большей иллюзорности и атрофии собственной функции обращения к мышлению.] Если в юности, особь, еще не обремененная воспитанием и образованием, полная сил и стремлений, обращается к функции мышления достаточно часто, то с годами, груз образования и воспитания приучает особь к лени, что и приводит последнюю в стан серой толпы людей, некогда подававших большие надежды. Чем взрослее особь, тем больше она приучается брать на веру все приходящее извне подряд, и с каждым годом все меньше и меньше предпринимает попыток что-либо осознать, тем самым приводя к полной атрофии свою способность обращения к функции мышления. Как это было бы не прискорбно, но действительность опыта показывает, что большинство особей человеческого вида уже к тридцати годам практически полностью утрачивает способность обращения к функции мышления. В итоге, человечество имеет то, что имеет – огромную массу ненасытных хищников, движимую исключительно мотивацией иглы потребления. [Очень показательное последнее на примере ярчайшего явления, когда один эгоизм начинает дразнить другой, т.е. - рекламы. Ведь очевидно, что смысловая нагрузка большей части рекламы, ориентированной на массового потребителя, настолько примитивна, что создается впечатление ориентированности таковой исключительно на дебилов. Казалось бы, насколько надо быть недалеким в развитии, что бы поверить в ценность чего бы то ни было только из-за акцента на какой-либо животный инстинкт или заведомо примитивную иллюзию. (Купи автомобиль и такие как я станут для тебя доступными – вещает из рекламы полуголая молодая женщина выразительной внешности. То же самое она обещает недалекому в развитии похотливому самцу и из рекламы продуктов питания, гигиены, лекарств, психоактивных веществ, предметов обихода и даже недвижимости.) И тут напрашивается вопрос, это рекламодатели все поголовно дебилы, тратящие огромные деньги на соответствующую им рекламу, или за таких они считают потребителей, ориентируя смысловую составляющую рекламы на соответствующий уровень развития потенциального покупателя.] Даже если и допустить, что в школах, на протяжении всего курса обучения, будут практиковать соотношение хотя бы части, очередного изученного, закону достаточного основания (что представляется просто невероятным), доводя до каждой бестолочи сущность причинно-следственной части всего того, что окружает человека, то и в этом случае надеяться, в общем, не на что. Ибо игла потребления, в совокупности с ленью, способна превратить в «жвачное животное» практически любую мыслящую голову.

Большинство особей человеческого вида активно обращаются к функции мышления в лучшем случае несколько раз за всю свою жизнь. Отдавая практически все свое время монотонному, тяжелому труду, они не могут себе этого позволить, для них это непозволительная роскошь. Иные, находящиеся в состоянии размеренной обывательской жизни, не обремененные сильной нуждой, месяцами, а чаще годами, не обращаются к функции мышления, даже не подозревая об этом. И чем старше они становятся, тем реже они вспоминаю о том, что когда-то могли мыслить самостоятельно. Их путеводная нить – катиться по накатанной плоскости, используя весь свой багаж, полученный в процессе воспитания и образования, лишь для того, что бы в очередной раз вовремя подставить нужное место под очередной укол иглы потребления. [По этому поводу существует очень яркий термин, хоть и имеющий жаргонное происхождение, но как нельзя точно характеризующий пассажиров жизни – лох. Трактовку его можно описать примерно так: «Индивидуум с явно выраженной примитивностью сознания, практически не развитой

способностью обращения к мышлению, и с вытекающим из этого, более характерного для парнокопытных животных, образом жизни. В большинстве случаев, подобный индивидуум не в силах принимать каких-либо решений за пределами естественных потребностей и тем более нести ответственность за собственные поступки.» Отчасти, употребление слова «лох», в настоящем контексте, схоже с жаргонным выражением, ограничивающим смысл слова исключительно в характеристике «человека не далекого ума ставшего легкой жертвой действий других лиц», но в данном случае частность расширена до основания.] Порой, с виду эрудированные и даже мудрые люди, на деле не сильно отличаются от пассажиров жизни, ибо эрудированность свою, и мудрость, они почерпнули не путем самостоятельного мышления, а путем многолетней зубрежки чужих умозаключений. Они эрудированны и мудры как попугаи, цитируют, то, в чем сами пусты, как заезженные пластинки, они биороботы с библиотекой в памяти. Их развитость заключается не в понимании изученного, а в скорости перемещения по собственной библиотеке в голове для поиска запрошенной информации. Эдакий поисковый механизм. И именно такие люди получают признание в обществе, ибо выдают быстро, с важным видом, и только то, что запрошено. Самостоятельно мыслящие же люди, как правило, выдают не то, что от них хотят услышать, а то, о чем в действительности спрашивали, то, что думают сами, чем, порой, и вызывают отторжение их обществом.

Есть основания полагать, что чем больше плотность населения, тем меньше в ней людей сохраняющих свою способность к самостоятельному мышлению. Что очень показательно на примере мегаполисов, где огромное количество особей, движимых стадным инстинктом в погоне потребления, и действуя по усвоенным на уровне рефлексов правилам, зачастую вспоминают о самих себе, только столкнувшись с невыносимыми физическими страданиями. Если у животных существует эффект возникновения группового интеллекта, то у людей все наоборот, чем больше скопление, тем ниже уровень интеллекта. Да и современная наука неопровержимо доказывает падение уровня интеллекта особи, при попадании ее в место массового скопления (эффект толпы). Что тут говорить, на этом, собственно, базируются практически все политические технологии. [Если обратить внимание, то успешность политического оратора, вещающего перед толпой, всецело зависит от умения построения им простейших причинно-следственных связей и оперирования таковыми в четком соответствии с ожиданиями толпы. Чем пронзательнее политик, чем точнее он может определить уровень примитивности ожиданий конкретной аудитории, тем большее влияние он может оказать на толпу. Аккумулировав в себе ожидания всех и каждого, став олицетворением стремлений большинства, политик становится идолом толпы, стаи, готовой идти за своим вожаком. Неудивительно, что уровень популизма успешного оратора прямо пропорционален количественному и качественному составу толпы. Из чего следует и то, насколько можно доверять тому, что было сказано всем.]

То же прекрасно показывает и пример с демографическим взрывом, произошедшим с человечеством за последние два столетия, когда с уровня одного миллиарда, численность населения планеты кратно возростала каждые несколько десятилетий и приблизилась к уровню восьми миллиардов, при этом количество мыслителей не только не увеличилось, а практически снизошло до уровня редких исключений. Такое впечатление, что увеличившись в количестве, человечество потеряло в качестве. Если прошлое и позапрошое тысячелетия еще могут похвастаться хотя бы одним великим мыслителем в столетие, то последнее столетие прошлого тысячелетия и начало текущего, вовсе не показывают кратного увеличения количества мыслителей, соразмерно увеличившейся популяции и прогрессу уровня жизни. Наряду с этим, в заслугу демографического взрыва и прогресса можно смело записать появление миллионов выскочек, чье мышление если и действует, то только будучи направленным на усовершенствование иглы потребления и способов уничтожения себе подобных. Даже если подобное наблюдение и несколько ошибочно, мыслители есть, то в таком случае человечество стало еще более искусно в отправке таковых в забвение. Что, собственно, лишь в очередной раз показывает истинную сущность стремлений человека,

соответствующих единственной задаче, на страже соблюдения неуклонного следования которой, как и прежде, стоит эгоизм.

На весах жизнедеятельности человека, с одной стороны, лежит его природное предназначение, стремление к продолжению рода, имеющее свой фокус в половом влечении, а с другой стороны весов, находится разум, имеющий в своей основе способность мышления. Эгоизм же, как не чистый на руку продавец, всегда норовит находиться там, где есть тепло чувственных ощущений, не давая весам и шанса даже для равновесия. Когда полет мысли превосходит по своим ощущениям акт совокупления, равно как и удовлетворение любых страстей, дает возможность абстрагирования от «Я», иглы потребления, вот что я, оппонирова эгоизму, называю живостью ума и истинной умиротворенностью. Когда я способен использовать самое ценное, что дано человеку природой, вот что есть истинное созидание, существуй последнее в действительности. И только дай мне природа выбор, между действительностью эго и мыслью, я бы, не задумываясь, выбрал бы последнее, пусть и ценой того, что эго называет чувственной жизнью. Но, я наивен в своих мечтах. Никакого выбора нет и быть не может, во всяком случае, пока я представитель своего вида с четко предопределенными природой функциями. Плата за мысль – вечное иго эгоизма. Злоупотребил я возможностью обращения к функции мышления, как природа, не заставляя себя долго ждать, избавит меня от моих притязаний. Мысль доступна настолько, насколько она может быть безопасной относительно ее влияния на выживание рода, и именно поэтому мышление, несоизмеримо трудозатратнее практически любых физических нагрузок (отсюда и то, что не в чести). Мой удел, лишь иногда иметь возможность мысли вне эго, во все остальное время я часть популяции, толпы, массы ненасытных хищников. Но лучше уж так, чем забвение в толпе спящих открытых глаз. Жизнь в убожении «Я» - добровольная каторга у собственного эгоизма.

§ Я мразь

[Вальтер]

Ты говоришь, что я святой...
 Ты говоришь: я ангел неба...
 Ты говоришь, я зверем не был...
 Ни слова более! Постой!
 Я не показывал лица,
 я не желал разрушить сказку,
 но я того открою маску,
 кого ты любишь до конца...
 Слова надежды и огня,
 оплот для счастья и фантазий,
 не заслужили эти мрази,
 такие мрази, как и я...
 Стирая ложь с застывших лиц,
 срезая маски вместе с кожей,
 святую истину, быть может,
 мешаю с ложью небылиц?
 Внутри меня струится грязь,
 я канул в пропасти с разбега!
 Есть только Я, и мое ЭГО!
 Я просто пафосная мразь...
 Не говори мне о мечтах!
 Не говори, что будет лучше -
 я слишком многое разрушил,

и раскрошил мечты в руках...
Не называй меня святым!
Я предавал немало истин!
Я обречен и ненавистен,
и сам себе и всем живым...
Не вспоминай о небе вновь!
Я отказался от фантазий,
когда пятнала едкой грязью,
мои мечты живая кровь...
В глазах моих застыла пыль,
я называю жизнь ошибкой,
а радость смех, или улыбку,
сменили холод, мрак и гниль...
Не нужно слов, не нужно фраз!
Я их наслушался довольно...
рубить на части счастье больно,
я только мразь... я только мразь...
В моей душе прозрачный лед,
а за спиной, в крови застыли,
кинжалы тех, кто рядом были,
кто предавал... и предает...
Не говори, что ангел я!
Я крылья вырезал из стали!
А что осталось - то сорвали,
мои враги... или друзья...
Не говори: «Живем сейчас!»
пускай бывшее канет в прошлое...
По сути в мире этом пошлом,
мы заменяем мразью мразь...
Не говори, что я иной,
и что я послан, как спасенье!
Я растворяюсь грязной тенью,
и повернусь к тебе спиной...
Ты видишь крыльев больше нет?
Ты видишь нимб? И он угаснет...
Я призрак боли и несчастья,
но ты идешь со мной на свет...
Не говори, что в мире стен,
идем скитаясь век от века!
Здесь даже образ человека,
забыт среди слепых гиен...
Не говори и не мани!
Что смысла в этом глупом даре?
Я хуже самой жалкой твари,
и я такой же, как они...
В моих глазах студёный мрак,
По венам грязь и боль струится,
сменяю я, как маски лица,
так было впредь, и будет так!..
Укрывшись в сумраке от глаз,
Я от себя сбежал однажды,
я вами изгнан, и не важно,

что я лишь мразь, что я лишь мразь...
Не говори, что это чушь!
В моих руках сейчас искрится,
холодный нож, и сталь струится,
стекает кровью мертвых душ...
Так, что ответишь мне теперь?
Кого ты видишь пред собою?
Святой, мнимый вышиною,
или безумный дикий зверь?..
К чертям и мысли, и слова!
Мир так нелеп, убог и сложен!
Скажи, что я, как мразь ничтожен,
и будешь ты тогда права...
Что говоришь сейчас? Постой!
К мечтам давно забиты двери!
Ты говоришь, что мне не веришь,
и я по-прежнему святой?!
Ты видишь нимб в который раз?
Ты видишь свет за место тени?
Но почему же в отраженьи,
я снова вижу ту же мразь?..
...Омытый слезами дождя,
укрытый маскою чужою,
тебя люблю я всей душою,
и ненавижу сам себя...
Любви и ненависти связь:
Люблю тебя, и главное это!
В твоих глазах, я - Ангел Света!
В своих я - пафосная мразь...

Глава II

Стремление к продолжению рода, эгоизм и мышление

§ Либи́до, мышление, отклонения, эго как защита

Существуй рейтинг выдающихся союзов в природе, первым местом стоило бы вознаградить парочку - ненасытное желание и эгоизм. Желание ненасытно требует удовлетворения, эгоизм направляет. И никакое мышление не спасет меня от этой парочки. Покуда я не способен к непрерывному использованию функции мышления, я всецело во власти лихого альянса. И первое, за что берется парочка, так это за направление меня следовать строго в рамках моего природного предназначения. Строение моего тела, моя физиология, не допускает никаких других мотиваций кроме как следование обще видовому стремлению продолжения рода в угоду сохранения вида. Жизненная сила моего организма с рождения вызывает единственное основополагающее для моего организма стремление к размножению (все остальное, как стремление к пропитанию, сохранению физиологии, и т.п. является лишь сопутствующим, обусловленным), а эгоизм, как поводырь, становится штурманом этого альянса, называемым - либи́до. Либи́до является тем единственным очагом мотиваций, который загорается при рождении и угасает только с отмиранием мозговых клеток. Вся жизнедеятельность человека, будучи подогреваемой и направляемой альянсом либи́до, в конечном итоге основывается исключительно на стремлении к размножению, имеющему максимальный свой фокус в половом инстинкте. И только абстрагирование от «Я», от эгоизма, способно дать особи возможность кратковременного выхода из под власти либи́до. В отсутствии штурмана, жизненная сила, потеряв поводыря, слепо хочет, и берет в качестве штурмана то, что дает ей мозг особи – в одном из возможных вариантов, направляет жизненные силы на использование функции мышления без эго. [В отдельных случаях мозг особи может направить жизненную силу и в иное использование, тогда случаются и другие всевозможные феномены, как например - ясновидение, телепатия и т.п.]. Отсюда становятся понятными и те различия, которые наблюдаются у разных особей в возможностях использования функции мышления в абстрагированном от эго виде. Чем сильнее был альянс либи́до, тем большие силы, в отсутствии эго, будут брошены на мышление, и тем больше вероятность появления гения мысли. В свою очередь, чем больше сил бросается на функцию мышления без смены штурмана, т.е. в присутствии эго, тем больше вероятность гения человечества, эгоизма. В первом случае человечество получает гениальных мыслителей, или феноменов с нехарактерными для вида возможностями, во втором мастеров. И именно поэтому человечество может похвастаться многочисленными мастерами (правителями, военными, учеными, артистами, музыкантами, художниками, строителями, изобретателями, ремесленниками и т.п.) и только в редких случаях – единичными гениальными мыслителями, феноменами и гениями искусств.

Эгоизм, вносимый в сознание особи индивидуацией, наделяющей особь ощущением «Я», отделяющей ее от иных представителей вида и разделяющей для особи ее вид на отдельные части с их индивидуальными свойствами, индивидуализирует стремления либи́до, давая особи иллюзию свободы выбора по морально-этическим и эстетическим признакам. Лишь единичные особи способны осознать заведомое отсутствие свободы выбора и невозможность такового априори. Подавляющее же большинство живет с полной уверенностью в том, что выбор осуществляется ими по своему произволу.

Здесь стоит отметить, что опыт показывает мне истинную природу морально-этических и эстетических признаков. Если первые я могу использовать в качестве разменной монеты, то в случае с эстетическими признаками, это далеко не так. Ибо эстетические признаки идут от моей природы, моя сущность говорит мне – вот это красиво (полезно для меня), а вот это безобразно (опасно для меня).

Индивидуализированное стремление либидо эгоизм называет крайне размытым термином - любовью, которая заманивает и путает сознание особи, вплоть до полной дезорганизации разума в угоду стремления продолжения рода. Самец, находясь в иллюзии индивидуации, во власти придания чрезмерного значения эстетическим признакам, считает, что он любит именно эту самку, а та, в свою очередь, именно этого самца. На самом же деле, под вуалью индивидуации с морально-этическими, и доминирующими в этом случае эстетическими признаками, скрывается исключительно физиология. Самка выбирает максимально соответствующего для нее сильного самца, самец же, выбирает наиболее здоровую самку для его потомства. Красота, грация, ум, и т.п. индивидуальные особенности лишь иллюзии, составляющие любовь. По своей сути, таковые, отражают (символизируют) лишь силу и здоровье партнера. Чем характернее, для здоровой особи вида, ее тело (правильные формы, отсутствие инвалидности, уродства, здоровый вид, мышечная сила и т.п.) тем оно признается эстетически более красивым. Особь любит – особь видит партнера, с которым получится максимально здоровое потомство. [Отсутствие произвола в выборе (кстати, в любом) легко доказывается на примере упомянутого явления называемого любовью. Ведь влюбляются «по уши» не по своему произволу, а все больше неожиданно и неконтролируемо. И объясняется это тем, что либидо, основываясь на собственные физиологические особенности, видит максимально соответствующие таковым особенности физиологии особи противоположного пола, а эгоизм, в данном случае, лишь чуть прибавляет яркости краскам. Абсолютно всем самцам нравятся самки в пике репродуктивного возраста, имеющие максимально здоровый вид (все поголовно), аналогично происходит и у самок, удостаивающих практически любого здорового самца своими симпатиями. Выделяемая же чувством любви особь, из множества других, это всего лишь сигнал эгоизма о полном соответствии партнера для воспроизводства потомства. Существой истинная любовь, в том иллюзорном смысле, который в это вкладывается чрезмерно сентиментальными людьми, то большинство брачных союзов было бы обречено на несчастное существование, ибо вероятность нахождения «своей любви», учитывая численность населения планеты, была бы сведена до уровня маловероятного исключения. Но, как показывает опыт, это далеко не так. Миллиарды брачных союзов имеют в своей основе весьма глубокие чувства партнеров друг к другу. Не меньше и тех, кто испытывает подобные чувства по несколько раз в жизни. Явления же случаев маниакальной фокусировки на «единственную любовь в жизни» на деле оказываются не более чем неврозом.] Моногамия – продукт эгоизма, индивидуации, вуаль априорной полигамии. Ибо полигамия происходит от predetermined природой мотива – продолжение рода в угоду сохранения вида. Жизненная сила не индивидуализирует мотив (она не знает об индивидуализации ровным счетом ничего т.к. индивидуализация лишь продукт мозговой деятельности). Моногамия иллюзия, существование которой немислимо без индивидуализации, т.е. абстрактное представление, появившееся исключительно вследствие существования эгоизма, т.е. «Я». Что неопровержимо и доказывается реальным опытом, показывающим, что любят в первую очередь глазами, внутренним влечением, эстетически, и только потом, в редких случаях, начинают придавать значение морально-этическим признакам. Природа человека сначала требует то, в чем должна особь послужить своему виду, и только потом – своему эгоизму, ибо он вторичен. На опыте это очень показательно в том, что самки, как правило, отдают свое предпочтение дерзким негодьям, нежилы, чем грузным интеллигентам. И никакое понимание степени негодяйства самца не способно уменьшить влечение к нему самки. Тоже наблюдается и в обратной ситуации, когда никакие морально-этические характеристики неспособны уменьшить влечение самца к конкретной самке, которое, будучи удовлетворено, в большинстве случаев, спустя весьма незначительное время утихает и переключается с прежней силой на другую особь. Не стоит придавать социальному явлению моногамных союзов признак несуществующей природной моногамии.

Чем сильнее горит либидо, тем больше особь находится во власти служения своему виду. Этим и объясняется то, почему такое огромное количество выдающихся мастеров были либо

воодушевлены, либо сражены любовью, или же находились во власти невыносимых любовных страданий, а также то, почему все, что окружает обывательскую жизнедеятельность, так или иначе, крутится вокруг влечения к противоположному полу. Все рассказы про существование некоего природного чувства любви не более чем заблуждения, ибо с толку людей сбивает лишь то, что в обосновании любви подмешивают не только индивидуализированные эстетические впечатления от партнера противоположного пола, но и родительские чувства, и чувства влечения к авторитету, и даже нехарактерные для целей размножения сексуальные влечения некоторых особей. Сексуальные влечения детей к родителям и на оборот, влечения к представителям других видов животного мира, к представителям своего пола, к неполовозрелым особям своего вида и т.п. не есть проявление некоего единого чувства, направляющего свой фокус в ту или иную сторону. Каждое из подобных явлений, всего лишь проявление тех или иных функций организма, и сумятицу вносит лишь придание последним морально-этических признаков. В каких-то проявлениях это работа защитных функций, в других, это не более чем проявление симптомов заболевания или инвалидности, а в некоторых, это всего лишь не правильно оцененное характерное для вида явление, имеющее лишь нехарактерное проявление. Природе нет никакого дела до морали, и если она направляет свое основное стремление в нехарактерную сторону, это ни в коей мере не говорит об изменении сути стремления или работе некоего чувства. К примеру, в случаях с перенаправлением сексуального влечения на нехарактерный объект (педерастия, скотоложство, некрофилия, педофилия и т.п.), природа всего лишь защищает вид от появления нежизнеспособного потомства путем расфокусировки ориентации либидо, дабы не допустить потомства от инвалидной особи. Природа не в силах разом погасить в человеке его основное физиологическое стремление к продолжению рода и в случаях, когда особь начинает угрожать виду возможностью передачи наследственным путем каких-либо форм инвалидности, просто уничтожает фокус устремленности, не затрагивая физиологию. [На опыте это подтверждается тем, что большинство сексуальных отклонений проявляется не в юношеском возрасте, а значительно позже, и в ряде случаев, таковые являются следствием каких-либо заболеваний или травм.] Расфокусированное стремление, находясь в состоянии прежней силы влечения, выбирает себе то, что имеет для него наиболее яркую эстетическую окраску. В каких-то случаях, эстетическое восприятие направляет либидо на представителей своего пола, в других, на неполовозрелых особей (вот здесь то, как раз, иллюзорная миловидность подростков, защищающая их неприкрытый эгоизм, играет с последними злую шутку, привлекая тем самым к себе внимание педофилов), и так далее, вплоть до неорганических предметов. Причем, есть основания полагать, что выбор нового объекта обуславливается степенью инвалидности. В легких проявлениях инвалидности, либидо фокусируется на представителях противоположного пола наименее приспособленных к воспроизводству потомства, затем, по мере усугубления отклонений, либидо переключает фокус на все менее и менее приспособленные к воспроизводству объекты, начиная от выбора однополого партнера, и, двигаясь все дальше и дальше, вплоть до неодушевленных предметов. Эгоизм же, давая подобным явлениям иллюзорную морально-этическую оценку, и в этом случае стоит на страже вида, полностью отработывая свое предназначение в качестве защитной функции. Частично оправдывая один выбор инвалидных особей, не угрожающих виду в целом (выбор однополых партнеров, скотоложство), эгоизм бросает силы на защиту неполовозрелых особей (в будущем потенциально готовых к воспроизводству здорового потомства) от посягательств инвалидов, внедряя всевозможные табу и наказания за нарушение таковых. Как же порой грустно выглядят праздничные шествия людей, гордящихся своей однополой сексуальной ориентацией, типа гей парады, провозглашающие некую свободу выбора сексуального партнера. Это сравнимо, пожалуй, с тем, если бы самоубийцы шествовали по улицам с призывом присоединиться к их параду в ад. Или, того хуже, если бы на улицы с парадом вышли педофилы, ведь им тоже хочется свободы отношений. Гей парад это шествие пчел против меда. Когда на улицы выходят другие категории инвалидов, требующие места

под солнцем, внимания к своей проблеме, и, в конце концов, требующие помощи, это одно. Они, как правило, не провозглашают свои увечья и тем более не призывают кого-либо последовать своему примеру, наоборот, их стремления в большей степени носят предупредительный характер для окружающих. Педерасты же, отдав инвалидному либидо собственный разум без остатка, извратив собственную реальность, вместо предупреждения, занимаются провозглашением, воспеванием и даже навязыванием своего уродства, возводя педерастию в степень идеологии. Чем собственно вполне заслуженно вознаграждаются агрессивной реакцией окружающих, ибо они, в своем поведении, мало чем отличаются от других радикально настроенных идеологических фанатиков. [Мне даже в некоторой степени понятна злая сатира некоторых правителей, разрешающих гей парады одновременно с шествиями нацистов. Картина маслом – на перекрестке встречается парад педерастов и колонна нацистов.]

Оценивая явление педерастии, не трудно заметить, что оно более характерно для населения крупных городов, и практически не встречается среди людей, проживающих в провинциях. Педофилия же, в свою очередь, не имеет столь явной привязки к плотности населения и встречается повсеместно.

§ Глобальная эротизация

Доминирования мотива стремления к совокуплению, вызывало во все времена жуткие последствия, миллионные жертвы войн, репрессий, рабства. [По всей видимости, отсюда и выражение, что «все войны из-за женщин».] Огромнейшее количество выдающихся мастеров своего дела «спалились на бабах», ибо сила, направленная на мышление не абстрагированная от эгоизма, остается ему же и подвластна.

Взаимообусловленность жизнедеятельности человека его либидо в ярчайшей форме выражается глобальной эротизацией. Вот где человечество более-менее последовательно подходит к делу, полностью подчинившись природе. Если в других отношениях человеческое «Я» еще балует себя иллюзиями, что-то приукрашивает, что-то умалчивает, что-то называет не своими именами, но вот мотивацию к продолжению рода - называет своим именем и дает ей зеленый свет во всех областях жизнедеятельности. Эротизация всюду - информационный поток, искусство, развлечения, торговля, быт ... везде, и без преград. Многие глобальные индустрии немыслимы без сексуальной составляющей (мода, косметика, гигиена, шоу бизнес и т.д.), не говоря уж о тех, которые только на это и ориентированы. Основное, чему родители учат девочку – быть привлекательной для самца, родители которого не меньшее внимание уделяют тому, что надо сделать для обеспечения себе возможности выбора максимально перспективной самки. Большая часть рекламы, даже не имеющей хоть отдаленного отношения к товарам и услугам, связанным с удовлетворением полового инстинкта, зиждется на эротических акцентах. От рекламы продуктов питания, гигиены, финансовых услуг, недвижимости, вплоть до абсурда, заключающегося в эротических акцентах рекламы комплектующих для технологических процессов в промышленности. Не говоря уж о том, что эротически окрашено девять десятых рекламы средств передвижения и им сопутствующего. [«Купи это – и ты станешь еще привлекательнее для противоположного пола» - вот основной посыл большей части рекламы. Либо, давая эротический акцент в рекламе товара, рекламодатель пытается навязать недалекому в развитии потребителю ассоциацию товара с его основным инстинктом, т.е. половым влечением. Даже в рекламе продуктов питания, особенно касающейся всевозможных лакомств, все тот же посыл - «угости ее этим и она сразу станет тебе доступной».]

И все знают, даже самые недалекие умы, что дедушка Фрейд во многом был прав. Никто, находясь в здравом уме, не отрицает им изложенного. Разве что иногда (иногда - это мягко сказано, особенно в привязке к каждому прожитому дню), при точном соответствии жизненной ситуации одной из описанных Фрейдом схем, изложенное им становится

поводом для шуток и насмешек. И человечество, по мере увеличения популяции, ничего не может сделать с постепенным вырождением чистой эротики в ее извращенные формы и с ее чрезмерным присутствием в информационном пространстве. Оно лишь молча способствует этому, найдя в продуктах прогресса, мировых телекоммуникационных сетях, отличный инструмент распространения того, что так по душе грубому «Я». Ничтожное количество тех, кто все же осознает пагубность чрезмерной эротизации информационного пространства, не в силах противостоять похотливой массе потребителей. В этом отношении, тщетные усилия противников эротизации в предупреждении грозящей интеллектуальной катастрофы, подобны не менее тщетным предупреждениям мыслящих голов, о том, к чему может привести человечество игла потребления. Но ни те, ни другие, не в силах достучаться до остатков разума ненасытного в потреблении монстра, управляемого грубым эгоизмом. Полностью дезорганизованные иллюзиями и потреблением умы, не приемлют возможность осознания существования лишь одного основополагающего стремления для человека, и того, насколько опасно это превращать в игрушку для своего эго без разума. И как невозможно массовое осознание вреда чрезмерного увлечения иглой потребления, так недоступно для общества и понимание того, к чему может привести чрезмерная эротизация информационного пространства. Неумеренность, в чем бы таковая ни заключалась, заведомо не может предполагать собой ничего иного кроме катастрофы.

Эротизация - прямое доказательство того, что природе нет дела до индивидуума с его «Я», ее интерес лежит исключительно в сохранении и продолжении вида. А кратное увеличение популяции без развития ее качества, выливается человечеству в то, что оно оставляет самого себя наедине со своей грубой сущностью, половым влечением кровожадного хищника усиленным иглой потребления его эго, что неминуемо обойдется человечеству весьма и весьма дорого. [Правда, ему не привыкать.]

§ Рождаемость и интеллект, полигамия

Значимость либидо и его доминирование в жизнедеятельности человека крайне показательны на рождаемости и количественном составе различных по совокупности уровня либидо и интеллигентности групп населения. Природа заботится исключительно о сохранении вида. Ей нет никакого дела до уровня развития мышления, ибо то, чем наделен даже самый недалекий человек, вполне достаточно для выживания и продолжения рода. При развитии мышления, индивидуум, как минимум начинает заботиться о комфорте, как собственном, так и своего потомства, что как следствие сказывается на количестве последнего. Природа не устремлена на развитие уровня активности обращения к мышлению и тем более способности абстрагирования от эго, т.к. ни то, ни другое не требуется для выживания вида, скорее являясь препятствием. Она вообще, в интеллектуальном смысле не может быть в чем-либо заинтересована априори. Ее стремление – вид и его выживание. Чем примитивнее разум, тем менее он способен противостоять физиологическим стремлениям, т.е. тем более он подвержен доминированию в своих стремлениях инстинкта размножения. Главным для него становится продолжение рода и выживание потомства, максимально возможного количества из каждого выводка.

Рождаемость прямо пропорциональна уровню способности и активности обращения к функции мышления. Чем уровень использования мышления выше и слабее доминирование в этом процессе эгоизма - тем малочисленнее потомство или вовсе отсутствует. Чем выше доминирование эгоизма в сознании особи и слабее способность обращения к функции мышления, тем многочисленнее потомства выше. Чем беднее (во всех отношениях) народы, тем выше рождаемость. Чем ограниченной самка в своей способности обращения к функции мышления, тем менее она будет заботиться о себе, и тем больше будет повиноваться своему предназначению, и тем выше вероятность того, что такая особь постарается воспроизвести максимально возможное для нее количество новых особей.

Наследуемость интеллекта от самки прямо подтверждается на опыте, в виде ничтожного количества особей с развитой способностью активного обращения к функции мышления. Это своего рода защитная функция природы от возможности вымирания вида из-за чрезмерного использования мышления, интеллекта. Развитие интеллекта не может являться стремлением природы. Наследуется способность использования функции мышления (интеллекта) от самца, человечество было бы совершенно иным.

Грубая похотливость большинства самцов дает шанс на зачатие практически любой самке, вне зависимости ни от эстетических, ни, тем более, от морально-этических признаков. [Не лишним будет упомянуть то, что этим обуславливается и одна из причин подсознательной неприязни общества к проституции. Ибо увеличение уровня доступности и распространенности проституции, прямо пропорционально уменьшению шансов на зачатие для ограниченных в выборе пары самок.] Природная похотливость самцов, в совокупности с передачей уровня возможности использования интеллекта от самки, является одним из самых эффективных инструментов природы для защиты вида от снижения популяции вследствие чрезмерной эволюции интеллекта.

Чем сильнее самец, а равно и его половая активность, его эго, тем большее предпочтение он будет отдавать эстетическим признакам при выборе самки, и тем меньше он будет заботиться об ее интеллектуальных качествах. Получая тем самым в качестве партнера, то, что требует его природа, окрашенная его же эго, т.е. максимально молодую (в пике репродуктивного возраста, вложившую все свои силы в приукрашивание своего эстетического облика, с целью привлечения максимально сильного самца), здоровую самку с минимальным уровнем интеллекта. Ибо, чем выше интеллект самки, сопровождающийся менее привлекательными и не столь ярко выраженными эстетическими признаками ее физиологии (к тому же, самки с высоким уровнем интеллекта, как правило, не злоупотребляют «окрасом», дабы избежать себя от внимания чрезмерно похотливых самцов), тем менее она привлекательна. И не только эстетически, но и с позиции эгоизма самца, ох как не любящего непокорный нрав интеллектуально сильной самки, в процесс выбора самца которой еще и вмешивается мышление, что практически не оставляет шансов эгоистичному и похотливому самцу.

Зависимость уровня интеллекта и выразительности эстетических качеств физиологии объясняется множеством факторов, но в большей части тем, что «красивыми», дети рождаются, как правило, от союзов «по любви» (преднамеренность зачатия - роли не играет), в пике репродуктивного возраста (т.е. в юности) их родителей. Когда особи, будучи плененными половым влечением (страстью), выбрав наиболее соответствующего себе по эстетическим признакам партнера (а именно этим и обуславливается взаимная страсть), совершенно не заботясь об его интеллектуальных качествах, воспроизводят потомство, исключительно без влияния мышления на выбор, руководствуясь только стремлениями физиологий окрашенных их эго. По такому принципу и рождается большинство «красивых» детей, ибо их красота обуславливается исключительно «красотой» родителей, т.е. их здоровьем и готовностью к воспроизводству максимально здорового потомства в определенный промежуток времени. Красивый (здоровый) самец, всегда будет направляться своей физиологией и окрашенным эго стремлением к наиболее красивой (здоровой) самке, готовой воспроизвести максимально для нее возможное количество потомства. Самка же, в свою очередь, будет вкладывать силы для привлечения максимально здорового самца, и чем интеллект самки ниже, тем больше энергии она будет вкладывать в свое природное предназначение (а куда еще ей вкладывать энергию?), тем больше сил она будет вкладывать в свою привлекательность для самца, а в случае отсутствия возможности использования эстетических качеств, самка вооружится «доступностью». Самки же с высоким уровнем интеллекта, заботясь о качестве жизни и своей, и будущего потомства, не только крайне избирательно подходят к выбору самца (и, тем более, никогда не прибегая к оружию «доступности»), но и ограничивают количественный состав своего потомства (как минимум в целях экономии энергии, оставляя запас для себя и своего разума). Осложняет ситуацию

еще и то, что природа, по всей видимости, не сильно надеясь на эгоизм, заручилась еще одним инструментом защиты, в виде разнесения у самок и самцов возраста окончательного формирования способности использования ими функции мышления. Если самка в полной мере способна использовать свой разум уже на уровне двадцати лет от рождения, то самец приходит к этому не ранее тридцатилетнего возраста. Отсюда и то, что самка, с высоким уровнем интеллекта, способна распознать своего партнера только на уровне достижения таковым среднего возраста, в котором самцы, как правило, уже обременены союзами с другими самками, созданными самцами в более раннем возрасте, когда они были еще не в силах контролировать стремления своей физиологии. [К тому же, будучи полностью бессильными перед оружием «доступности».] Получается так, что самка застаёт подходящего ей партнера, когда он уже послужил природе, сделав свой выбор под влиянием эстетического восприятия в юности. В конечном итоге, шансов, на формирование союзов между особями с высоким уровнем интеллекта и воспроизводство потомства с соответствующими качествами, крайне мало. Как следствие, союзы особей с высоким уровнем интеллекта (у обоих партнеров), являются достаточно большой редкостью, и, как правило, крайне не репродуктивны. И не только потому, что оставляют запас энергии для самих себя, не обременяя себя многочисленностью потомства. Но, в том числе и потому, что заботясь о качестве жизни (и своей, и потомства), они подчас чрезмерно затягивают с зачатием, по совершенно разным причинам, включая длительность поисков партнера. Что оборачивается для них, либо невозможностью такового вообще (по причине ослабления репродуктивных функций), либо, если зачатие и происходит, то потомство, в большинстве случаев, малочисленно, и, к тому же, «позднерожденное», т.е. не столь здоровое.

В итоге, подавляющее количество самок, доступных для выбора самцам, как эстетически привлекательных, так и нет, не могут похвастаться интеллектом. Первые получают самцов эстетическим путем, вторые «доступностью». Не существуй у сильных самцов с высоким уровнем интеллекта доминирующего в сознании эгоизма (индивидуации), возможно они смогли бы осуществлять выбор самки с ориентацией на ее интеллектуальные качества. Но, как правило, выбор осуществляется в молодости, когда возможность частичного абстрагирования от эгоизма, при обращении к функции мышления, практически не доступна, а в среднем и преклонном возрасте, изменениям подвергается репродуктивная способность, что, с далеко не лучшей стороны, и отражается на здоровье потомства. В любом случае, огромная масса неудержимых в своих стремлениях к размножению особей, ни при каких условиях, не даст и шанса, особям с высоким уровнем интеллекта, повлиять на качество популяции в целом. Пока «интеллектуалы» ищут друг друга для воспроизводства малочисленного потомства, неудержимая масса похотливых хищников, не будучи чем-либо обремененная, способна воспроизвести максимально возможное количество соответствующего им качества потомства. [Достаточно зайти в любой родильный дом и посмотреть на вид рожениц. Большая часть из них это не более чем грузное тело средних лет - инкубатор, с ни малейшим намеком на интеллигентность. Далеко не всегда, среди сотен таких рожениц, можно обнаружить хотя бы одну интеллигентную женщину. И усталость после родов тут не причем. Картина не меняет своего содержания, если зайти на любую детскую площадку.]

Производя огромное количество особей с уровнем интеллекта, достаточного лишь для выживания и продолжения рода, самки, таким образом, защищают вид от появления чрезмерного количества особей способных в своей функции обращения к мышлению дойти до того, что получить возможность влияния на численность вида в целом, или, того хуже, до селекции. [Последним, кстати, и обуславливается то, что селекция человека самому человечеству практически и не доступна. Толпа не даст возможности длительного существования подобного проекта. Допусти одно поколение такой проект, как одно из последующих почтет своим долгом уничтожить таковой, да еще и возведет себе это в великую заслугу. Эго человечества не даст создать то, что даже гипотетически может стать хоть чуть выше него самого.]

Самцы же не сильно отстают от самок в своем служении виду. Чем тщедушнее разум, тем менее он заботится о судьбе будущего потомства, и тем большего разнообразия и частоты спаривания требует его воля. Что особо интересно, молодого самца в большей степени воспитывает самка, и даже при глобально негативном отношении «Я» человечества к полигамии, большинство самок, в процессе воспитания, не делают акцент на эту негативность, все чаще просто умалчивают, а то и способствуют утверждению полигамии в уме конкретного воспитанника. Особенно, когда дело доходит до защиты юного отпрыска от преждевременного обременения себя союзом с какой-либо самкой. Именно утверждением полигамных взглядов в эго воспитанника, самка-мать пытается противостоять коварству (оружию «доступности») претенденток на использование репродуктивных функций своего отпрыска. Ибо она, как никто другой, знает, каким образом добиваются юных, находящихся в пике влияния похоти на несформировавшийся разум, самцов, наименее перспективные самки. [Ох уж эти женщины. И здесь честно выполняют свой долг служения виду.]

Стоит также упомянуть, что женщина, будучи от природы наделенной коварством, притворством и хитростью, внутренне чувствует, что после привлечения самца к союзу и получения от него требуемого, она неминуемо ограничит его в том, чем привлекала. Редко какая самка, после первого же выводка, на протяжении длительного времени сохраняет свою сексуальную активность (в т.ч. привлекательность), уделяя в этом смысле самцу прежний уровень внимания. В большинстве случаев, самки, получив от самца желаемое, оставляют последнего чуть ли не наедине с его природными потребностями. В этом смысле, похотливость самцов - уравнивается коварством самок, т.к. самец, будучи уже в социальном союзе с одной самкой, так или иначе ей самой же подталкивается на полигамное поведение. [Как бы давая шанс и социально одиноким самкам на служение виду.] Единичные случаи, когда даже при должном внимании самки к самцу, самцы все равно кидаются в полигамию, объясняется всего лишь тем, что последнее является характерным для вида, а первое нет. Ибо первое обуславливается исключительно следствием эго самки, и даже подчас в силу ее более развитого уровня обращения к функции мышления, что не является характерным. Обманывая самцов на протяжении всего существования вида, эго самки, по идее, не должно удивляться природному цинизму самца (не путать с ревностью, речь только о сохранении должного уровня сексуального удовлетворения самца), т.к. даже сам цинизм самца обусловлен его физиологией, а не мышлением. [Огромное количество распадов социальных союзов (браков) после первых нескольких лет совместного проживания обуславливается, в том числе и этим фактором. Люди считают, что их брак «съел быт», хотя на самом деле, доминирование страсти в отношениях сменяется всего лишь столкновением эгоизмов. Лишь не многие самцы могут позволить себе жизнь по принципу «либо как волк с одной, либо вообще одному, не предаваясь участи барана в беготне за овцами». Правда, жизнь подобного самца усложняется еще и тем, что найти соответствующую такому подходу самку, как правило, достаточно затруднительно. Большинство же самцов, особенно в случае длительного пребывания в союзе с одной самкой, практически непрерывно смотрят «на сторону», пусть, порой, и только в мечтах. Отсюда и поговорка «нет такого женатого, не мечтавшего хоть на час стать холостым». Ибо похотливость обусловлена физиологией, т.е. является первичной, а моногамия – убеждением, являющимся по сути всего лишь вторичным, т.к. существует только в проекции того, что мозг проецирует сознанию особи в качестве внешнего мира.]

Совокупность наиболее характерного уровня либидо для вида в целом и минимально необходимого для выживания уровня интеллекта - вот оно - большинство, масса вечно голодных прожигателей жизни, что и составляет заботу природы.

Сильное либидо при слабом интеллекте будет зажигать в самце только примитивные мотивы - вот они - рабы и силовики. [Этим объясняется то, почему во все времена многочисленность войск, состоящих из особей мужского пола не обремененных интеллектом, не составляла особой проблемы, равно как и многочисленность полчищ защитников каких-либо идеологий.] В случае же с особями женского пола, сильное либидо и слабый интеллект дают

максимально соответствующий стремлению природы результат, а именно, многочисленность здорового потомства. Ослабленное либидо и пассивность (как следствие, и вызываемая ими атрофия способности использования функции мышления), в совокупности своей препятствующие использованию особью даже части доступного интеллекта - вот они - обыватели. И апогеем возможных совокупностей либидо и интеллекта, служит редкое, но необходимое, соотношение сильного либидо и сильного интеллекта - вот они - мастера.

Природа не делает ничего бесполезного и тем более - лишнего. И количественное соотношение совокупностей, составляет основную заботу природы в поддержании баланса, необходимого для сохранения вида. Где большую часть составляет масса, работающая на продолжение рода, за ней идут силовики, еще меньше обывателей, и замыкает самая малая часть из необходимого - мастера. Для инвалидов мест не предусмотрено.

Вообще, если расценивать участь каждого из соотношений, то наибольшие страдания выпадают, конечно, на долю большинства (т.е. массы работающей на продолжение рода и силовиков, служащих порой пушечным мясом). Но и на долю самых амебных, т.е. обывателей, порой выпадают не меньшие страдания, а то и более значительные. Ибо им, в отличие от большинства, привыкшего к своей не легкой ноше, не редко приходится сталкиваться с тем, что они даже в теории слабо себе представляли, а именно с действительностью. Не ведая о реальной участи большинства, не имея об этом четких представлений (не желая этого знать по причине собственной же амебности и алчности), обыватели оценивают окружающую реальность с позиции своей эфемерно благой и размеренной жизни. Но стоит прийти моменту, опускающему обывателя в реальность, как оказывается, что по причине собственной слабости, обыватель вообще не в силах вынести то, в чем большинство, относительно сносно, существует веками. И происходит подобный спуск обывателя с небес на землю достаточно часто. Для массы, работающей на продолжение рода, обыватели, в большей степени, предмет для зависти (хотя бы в плане социального благополучия) и, как следствие, предмет для грабежа при возникшем случае. Для силовиков они опять же жертва, грабеж которой отдается победителю на усладу, а для мастеров – это идеальная разменная монета. При случае, обыватели, нужное отдать – отдают, их же приносят в жертву, они же транслируют послания от мастеров, потребляя ими созданное, чем и придавая большую ценность продуктам от мастеров для всех остальных. Но и этим не ограничивается. Обыватели, являясь очень значимым звеном в защите «Я» человечества самого от себя, ибо именно они формируют информационное поле по которому «Я» человечества оценивает само себя, становятся жертвами ими же созданного иллюзорного мира, даже в тех случаях, когда их не приносят в жертву. И происходит это потому, что реальность обывателя иллюзорна, и в нее, то здесь, то там, постоянно просачивается то, что является реальной действительностью, к чему, обыватель, естественно оказывается не готов. [Обыватель, будучи огражден от знания того, за счет чего достигается его мнимое благополучие, оставаясь в практически полном неведении об истинном положении дел и тех миллиардных жертвах, приносимых человечеством в угоду благополучия мизерной части населения (элит), формирует информационную ширму, создающую некую реальность общей благополучности человечества, значимости его прогресса и ценности идеалов. Поэты слагают стихи любви и блаженства, художники пишут красочные картины, композиторы сочиняют веселую музыку счастья, писатели генерируют океаны развлекательного контента, шуты соревнуются в мастерстве развлечения толпы, а ученые увлечены прогрессом иглы потребления. И все они вместе взятые, не сознавая того, что являются куклами в театре «Я» человечества, принимая показываемое ими же представление за реальность, являются всего лишь разменной монетой и инструментом, создающим иллюзию внутри иллюзии. Их разум настолько поглощен их иллюзорной реальностью, что они даже не замечают собственного кровопускания. Пока кушают одних, другие продолжают следовать обозначенному для них сценарию.]

§ Совесть и лень как отличительные черты обывателя

Отдельно стоит упомянуть об одних из самых характерных черт свойственных именно обывателям. Совесть и лень.

Чем не уверенней в себе человек, чем больше он непоследователен в своих поступках, тем чаще он испытывает угрызения совести, и именно совесть является одним из основных показателей слабости индивидуума, т.е. показателем ослабленного либидо, не имеющего возможности использовать даже часть доступного интеллекта. Сама по себе совесть и возможна только в силу слабости субъекта. Если обратить внимание, то видно как на ладони, что ни массы, состоящие на службе продолжения рода, ни силовики, ни, тем более мастера - не обременены угрызениями совести. Совесть, в большей степени, свойственна именно обывателю.

Казалось бы, что сложного в объяснении самому себе сути происхождения страданий в виде угрызений совести, дабы снизить подобное в будущем, а то и вовсе избавить себя от этой напасти. Но. Это если и возможно, то только в том случае, если индивидуум может позволить себе посмотреть на себя в прямое зеркало, что априори не доступно для большинства людей. Ибо лицемерие собственной ущербности является одним из самых ужасных зрелищ для любой особи человеческого вида. [Ни работающая на продолжение рода масса и силовики, ни мастера, не обременены необходимостью смотреть на себя в прямое зеркало, ибо для них, их сущность не является предметом, достойного особого внимания или исследования. Первым этого не требуется вовсе, а для последних в этом практически нет никаких неизвестных.]

Дабы понять суть происхождения совести следует проследить причинно-следственную связь «ситуация - поступок - оценка прошлого - угрызение совести», но не поверхностно, а более конкретно, т.е. «ситуация - поступок в соответствии с природным характером - оценка прошлого с позиции надуманного характера - угрызение совести». Т.е. субъект надумывает себе собственный характер, наделяя себя отсутствующими качествами, которые, по его мнению, должны обязательно присутствовать в его характере. Представитель масс, ориентированных исключительно на размножение, оценивает свои поступки без придания значения собственного надуманного характера, он его попросту себе не придумывает, он делает и все тут. Примерно также поступают и представители силовиков. У мастеров же, перед действием идет обращение к функции мышления, и последующий результат не вызывает угрызений совести ибо субъект четко осознает, что действовал разумно в соответствии с тем каков он есть. И только обыватели, действуют так, каковы они есть по природе, а оценивают свои действия с позиции того, какими они себя себе навдумали. И, казалось бы, уменьши обыватель количество иллюзий (хоть изредка обращаясь к функции мышления) или хотя бы придаваемое им значение (наделяя себя тем, чему соответствовать все равно не сможет), и все, никакой совести. Но не тут то было. Ни один из вариантов обывателю не доступен. На первое он не способен от природы, вторым его наградила «Я» общества в силу первого. Чем совесть обывателя, тем более легкую жертву он собой представляет для хищников, и тем больше подвержен внешнему влиянию.

Доминирующая же аморальность у обывателей, равно как и у других пассажиров жизни, породила такое понятие как лень, которому стали приписывать чуть ли не природное свойство, допуская даже генетическую предрасположенность. Хотя, по сути, абсолютно для всех станет очевидным то, что лени как таковой, конечно же, не существует, стоит лишь правильное назвать, то, что «Я» называет ленью, а именно - немотивированностью. Ведь лень, это не что иное, как слабость одних мотивов перед другими в конкретный момент состояния организма в определенных условиях среды обитания. Именно состоянием организма в текущий момент и мотивированностью, обуславливается то, что проявление лени не несет в себе постоянства. Мотивированность к определенным действиям и/или бездействию в большинстве случаев несет переменный характер. [Мы можем не помыть посуду сегодня, поддавшись мотиву, сообщаемому нам неприятность процедуры, но вряд

ли этот мотив пересилит мотив необходимости приема пищи в удобном и гигиеничном виде завтра, когда окажется, что посуда вся грязная.] И даже людей, считаемых амёбными, неряшливыми, и в высшей степени ленивыми, нельзя назвать ленивыми от природы, т.е. от врожденного характера. Эти люди всего лишь не видят смысла в том, во что другие вкладывают какой-то больший смысл или чему они придают большее значение и/или вес. Из любого человека можно сделать откровенного лентяя, поместив его в несвойственную ему среду. И только дополнительными мотивами можно заставить человека что-либо делать, во что тот не вкладывает должного смысла. С другой стороны, имеют место быть и случаи, когда, казалось бы, откровенный лентяй, проявляет крайнюю настойчивость в каком-либо стремлении без всяких намеков на существующую в тех же самых отношениях лень, но при других условиях. [Все это проявляется даже в самых элементарных мелочах. Продолжительное время женатый мужчина, не желающий пальцем пошевелить в домашнем благоустройстве и гигиене, может с недюжинным рвением вылизывать гнездо, арендованное для времяпрепровождения с любовницей.]

Подобное очень наглядно проявляется в детях и подростках. Только дополнительно мотивируя (в большинстве случаев средствами запугивания и причинением страданий в виде наказания) можно заставить делать ребенка то, в чем тот не видит смысла. Отсюда же и вытекает часть того, что называют воспитанием, ибо далеко не вся мотивация, навязанная ребенку, будет им осмысленна, значительная часть закрепится исключительно по принципу дрессировки. Вот почему не стоит вышибать из ребенка все проявления лени подряд общепринятыми воспитательными методами, превращая его в дрессированную на воспитанность обезьяну, а все больше стремиться дать информацию, по возможности не пренебрегая подтверждениями таковой опытом, помогая ребенку познать причины важности и/или негативности тех или иных жизненных моментов. Конечно же, это только для тех случаев, когда ребенок изначально, от своей природы, наделен соответствующими способностями обращения к функции мышления. Что конечно является большой редкостью, ибо редкостью являются и сам источник, готовый передать интеллект единственно возможным способом, т.е. наследственным путем. И мало того, что преобладание дрессированных людей обуславливается низкой вероятностью возможности унаследования интеллекта, так ситуация усугубляется еще и тем, что либо воспитатели не могут вовремя усмотреть в ребенке способности к самостоятельному мышлению, либо, что чаще всего и происходит, сами воспитатели могут из изначально одаренного мышлением ребенка сделать воспитанную обезьяну, т.к. сами не обладают интеллектом, позволяющим осознать пагубность влияния дрессировки на интеллект ребенка. Всецело возлагая воспитание ребенка на общепринятую систему образования, не стоит удивляться тому, что приговор его интеллекту подписан собственноручно.

Имея очертания конкретного проявления лени (отсутствия мотивированности в определенных действиях) и исследуя его по причинно-следственному пути, в большинстве случаев, можно достаточно быстро приоткрыть завесу истинных причин поведения индивидуума, особенно при учете того, что именно в случаях проявления лени эгоизм не предпринимает особых рвений в своей защите. Имея же при этом в арсенале и другие, известные о конкретном индивидууме, данные, можно и вовсе обнажить эго, выявив и преобладающие мотивы. Т.е. - явно конкретизированная демонстрация лени, и тем более вынос на показ некой абсурдной причины, может дать мыслящему человеку достаточно много интимной информации о ленице и его истинной мотивированности. Что же касается бытующих ссылок на зависимость лени от отсутствия и/или наличия дисциплинированности, то это лишь иная трактовка наличия/отсутствия мотивированности.

«Я» в лицах и персонажах

§ Истинный гений, искусство

Поняв различие в способе использования функции мышления, мне абсолютно становится понятной та грань, которая разделяет истинного гения от мастера. Только абстрагированное от эгоизма мышление может лицезреть вид в его идее, а не в частных проявлениях. Эгоизм же, всегда смотрит на частные проявления, он всегда индивидуализирует особенности, априори не будучи способным к раскрытию идеи. [Эгоизм, смотря на дерево, видит его породу, функции, отличия, красоту, грацию, величие (и т.п.) конкретного образца. Чистое созерцание видит не конкретное дерево, а раскрытие жизненной силы, природы - в идее древесины (растительности).] Произведение, сутью которого является отображение характера какого-либо вида, раскрытие идеи природы, являющееся продуктом абстрагированного от эго полета мысли, представляет собой продукт гения. Произведение же, сутью которого является лишь частное свойство, представитель вида, частное проявление или функция какого-либо представителя вида, является не более чем мастерским. То же касается и музыки. Музыка, вторящая своими вибрациями драме существования какой-либо идеи природы, вида, продукт гения. Музыка, вторящая чувствам, частным проявлениям жизнедеятельности особи вида, продукт мастера. [Музыка любви, рождения, смерти – продукт мастера, музыка драмы существования человеческого вида – продукт гения. Музыка дождя – мастерство, музыка стихии – удел гения. Сложность, грация, величие архитектуры строения – удел мастера, раскрытие в строении идеи камня и тяготения – работа гения.]

Продукт гения, останавливается лишь у самого края доступного человеку в рамках пространства и времени, дающего максимально возможное приближение к раскрытию сущности природы в какой-либо ее идее, или же раскрытие самой идеи. Продукт мастера – раскрытие какого-либо свойства идеи через ее частное проявление. Продукт ремесленника – раскрытие свойств частного проявления какой-либо идеи или одного из ее свойств. Отсюда становится очевидным, почему ни один продукт гения не был односторонне окрашен ни уничтожением, ни созиданием (и то и другое для гения нераздельно, это суть причинности, действительности, материи), и заключался исключительно в целостном раскрытии какой-либо идеи природы. В свою очередь, большинство того, что принесли с собой мастера, так или иначе, касалось уничтожения (подчинения, использования) окружающего в т.ч. себе подобных, а также проявлений собственного эго, его трепетаний, или же усовершенствования иглы потребления, т.е. прогресса.

По уровню популярности тех или иных произведений можно многое сказать о качественном составе, как каждого общества, так и человечества в целом. Также, по популярности продуктов можно судить и о количественном балансе, тех или иных групп особей, с соответствующим им соотношением уровня либидо и интеллекта. Что крайне показательно демонстрирует мне опыт, где количественное преобладание массы работающей на продолжение рода и примыкающей к ней части силовиков, подтверждается глобальным для человечества явлением, называемым шоу-бизнесом (во всех его, подчас безмерных по своей жестокости и/или примитивности, проявлениях). Определенно, шоу бизнес можно по праву назвать отражением лица человечества. В значительно меньшей степени, представлено так называемое культурное наследие, являющееся продуктом потребления (но в большей части – игротеки в искусство) обывательской части населения. Продукты же гения, равно как и их потребители, не имеют ни классификации, ни каких бы то ни было групповых обозначений, ибо количество подобных продуктов, равно как и их потребителей, в мире настолько ничтожно, что о существовании последних публично практически никогда не упоминается. Объясняется это тем, что ни один продукт гения не может быть создан будучи мотивирован эгоизмом, равно как и адекватно оценен он может быть исключительно теми, кто способен воспринять что-либо вне своего «Я». Как следствие, существование гения не может

предполагать какой бы то ни было публичности для широких кругов (тем более при жизни), да и потребитель подобных продуктов вряд ли станет упоминать о своих пристрастиях всуе.

§ Мастера как лицо человечества

Как же характеризовать мне себя, человечество, по моим гениям или мастерам? Кто из них наиболее точно характеризует вид, кто из них является воплощением идеи вида? К моему величайшему сожалению, не прибегая к натягиванию истины за уши, ответ очевиден. Ведь что дает шанс гению – абстрагирование от физиологической функции организма особи, и в частности, от индивидуации, что явно не может являться характеризующим вид. Возможность нехарактерного действия лишь частное свойство, одно из множества иных. Судить о человечестве по его гениям, также абсурдно как судить о виде по его инвалидам. С таким же успехом можно оценивать и другие, не характерные для человека, действия и явления (ясновидение, телепатия, и т.п.), выдавая последние в качестве признаков, характеризующих вид в целом, что видится явно абсурдным. [Собака научившаяся лазить по деревьям не характеризует вид в целом, она лишь дает характеристику о возможности отдельной особи к некоторым, нехарактерным для ее вида, действиям. Причем действиям, непередаваемым ни путем передачи опыта, ни, тем более, наследственным.]

Мастера – вот кто олицетворяет человечество, уровень его способности использования своих основополагающих функций и особенно мышления. Мастера олицетворяют собой возможности человечества, все его стремления, его страсти, желания, суть его жизнедеятельности. Гении же – только проявление нехарактерных возможностей. Можно только гадать, что будет представлять собой человечество, состоящее сплошь из гениев мысли, ясновидящих, гипнотизеров и т.п. Хотя, как знать, что из этого лучше, а что хуже, ибо с тем, что может представлять собой человечество, сплошь состоящее из ненасытных хищников и эгоистичных негодяев, само человечество знакомо не понаслышке. И ничего, свыклось, даже не видит в этом не только каких-либо неудобств, но и тем более опасности для вида в целом. Что, конечно, еще под большим вопросом, ибо неравен час, как один такой негодяй, таки нажмет красную кнопку на считающемся величайшем достижением человечества устройстве массового уничтожения. Еще больше опасений вызывает то, чем может обернуться для человечества его демографический взрыв.

§ Правители

Главенствующий вид мастеров, выводимый человечеством на первый план, почитаемых и воспеваемых в первую очередь – правители и их шуты. Что, с одной стороны, показывает исключительно стадную основу социальных отношений, и с другой стороны, разительное отличие особей в своих способностях обращения к функции мышления, где слабое большинство всегда нуждается в сильном лидере. Правитель, с одной стороны олицетворяет собой слабость и необходимость в заботе (отец и сын), с другой стороны, он вбирает в себя всю сущность своих сыновей и служит поводами в упряжке общества, где кучером является природа вида. Он не вносит ничего нового, его задача только аккумулировать в себе стремления общества, всецело зиждущиеся на природе вида, и следовать его интересам. [Отсюда и выражение, что общество делает себе лидера ровно такого, какого заслуживает.] Мастерство лидера – его искусность в аккумуляции стремлений общества. Его прозорливость - в соответствии ожиданиям большинства, и чем больше лидер преуспевает в своем искусстве, тем более он почитаем и воспеваем следующими поколениями, и не столь важно с какой позиции, как добродетель, как святой или как тиран. Аккумулировав в себе желания огромного количества особей, волю каждой частички общества, он направляет всю эту громаду в путь. Не по придворным деятелям искусств, шутам, затрагивающих частные стремления и желания, не по ученым, увлеченным прогрессом иглы потребления, следует судить о человечестве, а в первую очередь по его правителям. Именно правители

олицетворяют общество, и не столь важно, каким правителя видят потомки, суть заключается в том, что в свое время он был лицом огромной массы особей вида. И при условии того, что человек не меняется в своей природе, не меняются ни общество, ни его лидеры. Социальные же изменения, с позиции природы вида, в принципе своем, существенными не являются. Все морально-этические признаки, коими потомки оценивают правителей, носят лишь частный, иллюзорный характер, ибо всегда лидеры олицетворяли одно и то же человечество, а морально-этические характеристики лишь разменная монета социальных взаимоотношений. Во все времена, чем величественней был правитель, чем большую массу особей он олицетворял, тем значительней наследство он оставлял после себя (постройки, достижения прогресса и т.п.), но при этом, тем больше его руки были в крови, ибо тем грандиознее войны он затевал. Ни один великий правитель не смог позволить себе не ввязаться в очередную бойню, грабеж, и уж тем более не развязать какую-либо войну. И даже когда не было внешнего врага, всегда находился внутренний. [Ни одна война не может заключать в себе правую и неправую стороны, ибо нападающий ничем не отличается от жертвы и наоборот. Среди дерущихся стай одного и того же вида животных нет правых и неправых, ибо дерутся они в строгом соответствии своей природе, за выживание, и выживает сильнейший, что и составляет собою заботу природы. Предполагать обратное, все равно, что наделять признаком правой и неправой материю, в своем стремлении смены форм, что априори абсурдно. Если обратить внимание, то окажется, что большинство войн человечества никогда не заканчивалось полным истреблением общества врага, а ответственность за прежние злодеяния общества всегда возлагалась лишь на его правителей и их окружение, но никогда не на население их породивших. Хотя по сути, если допустить, что человечество состояло бы строго из агрессивных и миролюбивых обществ, то по мере конфликтов, выигрывающие в войнах изначально миролюбивые общества, подвергшиеся внешнему нападению агрессора, вполне могли бы постепенно избавиться от всех воинствующих, уничтожая не только верхушку агрессивного общества, но и само общество ее породившую. Справилось же человечество со многими болезнями, почему бы ни избавиться и от агрессоров, как от очередного недуга. Но, как показывает опыт, это абсурд. В таком случае, за болезнь, человеку пришлось бы принять себя самого. Ибо сущность, человечество, едина, и люди об этом прекрасно осведомлены, они просто настолько слабы, что не могут позволить себе в этом признаться.]

Относительно олицетворения правителями общества, неизменного во времени, существует очень показательное явление, характеризующее собой предопределенный цинизм людей, относительно собственных же ценностей. Заключается оно в воспеании правителей прошлого, оставивших после себя какие-либо грандиозные сооружения, порой даже целые города, ценой возведения которых, как правило, служили многочисленные загубленные жизни, принесенные в жертву тщеславия правителя. Потомки, прославляющие правителя, заковавшего в кандалы и сгубившего тысячи жизней их прадедов ради возведения памятника своему тщеславию, подобны детям, танцующим на крышке гроба их родителей во славу убийце последних. Но в этом и есть человеческое «Я», способное закрыть глаза на что угодно, лишь бы потешить свою эгоистичную сущность. Последнее, о чем задумывается «Я», так это о цене, заплаченной в прошлом, за его мимолетные иллюзии удовольствия в настоящем.

Недалекое «Я», восхищаясь творениями прошлого, в большинстве случаев, восхищается не потому, что понимает что-либо в сущности творений и/или истории (иначе бы оно видело, что послужило причиной возникновения объекта восхищения). А всего лишь для того, чтоб в угоду собственного тщеславия набить себе цену перед другими, такими же недалекими «Я», наделяя себя своей «маской понимающего» качествами, которыми заведомо обладать не может. Считанные единицы могут позволить себе реально задуматься о цене, заплаченной за существование того, чем сейчас так восхищаются толпа. [Я слышал лишь о не многих, кто не может без грусти взглянуть, к примеру, на творение Петра, в виде города на Неве, или же на творения «отца народов», разбросанных по одной шестой части суши, за творения

которых была уплачена такая цена, осознание которой может повергнуть только в ужас. Восхищение творением убийцы прадедов, поплатившихся жизнью за тщеславие творца, не более чем заигрывание с тщеславием собственного палача.]

§ Прославление окружения правителей - полководцы

По нисходящему порядку от правителей, идут всевозможные чиновники, задача которых способствовать аккумулярованию стремлений общества правителем и в нужный момент задействовать те или иные ресурсы. Наибольший вес, в иерархии власти, имеют всевозможные силовики, задача которых заключается в защите общества, как от внешних, так и от внутренних врагов. Пока общество озадачено самим собой, не ведет каких-либо военных операций с внешними врагами и не осуществляет массовых карательных операций внутри себя, конкретные лидеры силовых структур, как правило, находятся в тени, и большая часть населения даже имен подобных людей не знает. Но стоит обществу ввязаться в очередной конфликт, как на «сцену» выходят полководцы, на долю которых, подчас, выпадает ответственность за судьбу целого государства. Величие полководца заключается в искусном выполнении задачи правителя, разработке правильной военной стратегии, относительно каждой конкретной ситуации, и руководстве ее воплощения. Положительным же результатом этого действия считается гибель врага. Не больше и не меньше – убийство врага. «Он был искусен в стратегии убийства» - можно сказать про любого видного полководца. Эгоизм же, умаляет эту характеристику полководца и подменяет ее другой, наделяя полководца в большей степени качествами защитника – «Великий полководец, защитник отчизны», причем, даже в тех случаях, когда заслуги конкретного вояки заключаются исключительно в проведении захватнических военных операций. То же касается и иных представителей силовых структур, в том числе и откровенно карательных. Сухенько так, «великий защитник» и все тут. Ничего, что пролил реки крови, в угоду эго некоего общества олицетворяемого своим правителем. И уж тем более никому нет никакого дела до того, что практически ни одна военная кампания не обходится без диверсий и карательных операций. [Очень показательна реакция воспевателя, такого вот великого полководца, на вопрос: «Величие полководца заключается в его мастерстве убийства или в его мастерстве соответствовать кровожадным желанием таково вот воспевателя?».] Человечество не любит наделять величием за мастерство избегания войны и крайне охотно наделяет величием тех, кто в таковой участвовал. И тем выше величие, чем больше крови было пролито.

Что примечательно, человечество, прославляя своих правителей и полководцев, раскладывает их жизнь и их окружение на мельчайшие подробности, окутывает их судьбу всевозможными тайнами, сказаниями, выдумками и предположениями, но про тех, кто представляет их скрытую от глаз толпы сторону, меркантильную, - их казначеях, старается особо сильно не распространяться. Оно и понятно почему, ибо падет величие правителя, донеси историк до общества его исключительную алчность в попустительстве грабежа населения правящими элитами в счет поддержки его последними.

Не большим вниманием вознаграждают и стражей правопорядка, подчас оказывая куда больше почестей представителям криминальной части правящих элит. Притом, что в литературе детективный сюжет является одним из самых востребованных, в реальных же межличностных взаимоотношениях картина совершенно иная. Самые популярные произведения вещают о гениальных сыщиках и не менее гениальных преступниках, частных детективах, разведчиках, и т.п. в большинстве своем собирательных образах. Но реальных следователей, оперативников, и прочих силовиков, стоящих на страже правопорядка, во все времена недолюбливали, вознаграждая народной молвой их противников, в виде многочисленных выдающихся криминальных лидеров, то и дело меняющихся местами либо с правителями, либо с чиновниками и полководцами. История изобилует многочисленными примерами того, когда изначальным фундаментом восхождения правителя к власти и своему

величию являлся статус криминального элемента. В таких случаях, криминальное происхождение, как правило, камуфлируется «оппозиционным». Примерно тоже, не является редкостью и для полководцев, и для чиновников, и уж тем более для силовиков с входящими в их состав правоохранителей.

Еще меньшим вниманием вознаграждают судей и палачей. Хотя, казалось бы, их значение для общества далеко не последнее. Памятью и уважением балуют ученых, изобретателей, промышленников, архитекторов, врачей, артистов, музыкантов, политиков, шутов и даже шахтеров, но никогда не прославляют судей и палачей, и даже при жизни выказываемое уважение, как правило, лишь маска. Что в принципе и не удивительно, ибо, чтоб ни заявлялось, но правоохранительная система общества, во все времена, несла в большей степени марионеточный и карательный характер, ни разу за всю историю человечества не продемонстрировав случая достижения своего истинного предназначения. Отсюда наличие у населения практически животного страха к хранителям закона, вне зависимости от каких бы то ни было воспитательных мер, ибо воспитательные меры не в силах чего-либо противопоставить реальному опыту. Порой, криминальным лидерам оказывают даже большее доверие, нежели, чем правоохранительным структурам. Человеческое эго, знающее не понаслышке о своей иллюзорности, двуличности и непоследовательности, никогда всецело не доверяло собственным же произведениям в виде закона, будучи заведомо осведомленным, о возможности использования последнего в качестве разменной монеты.

§ Правящие элиты

Мостом между непосредственным окружением правителя и населением служат многочисленные элиты, состоящие, как правило, из олигархических структур, имеющих непосредственное отношение и к власти, и к экономической деятельности, как теневой, так и официальной. Именно существованием и многочисленностью состава элит, обуславливаются те случаи, когда некий правитель воспринимается населением как тиран, т.е. не соответствует ожиданиям населения, и при этом все равно сохраняет власть весьма продолжительное время. Происходит это потому, что низовая часть общества (основное население) в соответствие собственным стремлениям и ожиданиями выделяет правящие элиты, и те, в свою очередь, в соответствие с уже своими стремлениями, выделяют правителя и его окружение. Население же, в оценке правителя, умаляя значение присутствия элит, исходит от того, что правитель должен соответствовать их стремлениям, их ожиданиям, что и вносит сумятицу, ибо правитель соответствует тем, кому и должен соответствовать, т.е. правящим элитам. Подобное, крайне отчетливо видно практически во всех случаях существования тоталитарных режимов, когда население ошибочно отделяет правителя и его окружение (власть) от самого себя, упуская из вида то, что правитель олицетворяет стремление тех, кого общество делегировало в правящие элиты. Аккумулировав в себе интересы последних, правитель, только им и соответствует. Его непосредственной задачей является стремление сохранения правящими элитами своего положения и возможностей, интересы же населения его беспокоить не могут априори. Население, допускающее существование элит и наделяющее последних неограниченной властью, по идее, не должно удивляться тому, что правитель не «слышит народ». На опыте же случается, как правило, иначе. [Большинство государств планеты, за исключением лишь единичных карликовых, в сущности, являются полностью тоталитарными, вне зависимости от декларируемой официальной идеологии. И искусность политиков тем выше, чем лучше они это умеют камуфлировать в каждом конкретном случае.]

Наличие элит и их реальное влияние в конкретном обществе крайне показательны на уровне охраны правителей и чиновников высшего уровня. Многочисленность и вооруженность охраны пропорциональна уровню разрыва правителей от общества правящими элитами. Чиновник высшего уровня без многочисленной охраны, прямое свидетельство отсутствия значительного разрыва общества от правителей, хотя и не показатель отсутствия элит. Чем

многочисленнее население государства, тем большее влияние оказывают правящие элиты и тем большее отделяет правителей от населения. Чем малочисленнее государство, тем больше вероятность того, что общество сможет позволить себе не допустить чрезмерного влияния правящих элит, допуская тем самым возможность существования правителя отвечающего ожиданиям населения. Во все времена, среди вечно бурлящих больших государств можно было отыскать малочисленные карликовые государства, где население и его правители были единым целым, сбалансированным организмом. Правда, стоит признать, что существования таких организмов никогда не было длительным, ибо большие соседи никогда не брезговали разрушением и/или подчинением себе подобных оазисов.

Кстати говоря, правящие элиты, ко всему прочему, являются и той паразитирующей составляющей больших обществ, отделяющей их малую часть, заключающуюся в мыслящих людях, от недалекого большинства. Беря от интеллигенции (их интеллектуальных продуктов) только то, чем можно воспользоваться в меркантильных интересах в качестве рычагов управления голодным большинством, правящие элиты, не только делают практически невозможным прямое влияние мыслящего меньшинства на недалекое большинство, так еще и вооружаются грубой силой большинства для контроля над интеллигентным меньшинством. Положение правящих элит, относительно общества как организма, можно уподобить эгоизму («Я» общества), отделяющему мышление от остальной физиологии и использующему лишь малую часть разума (в ракурсе выбора наиболее удобных вариантов удовлетворения физиологических потребностей), заставляя мышление подчиняться требованиям живота. [К примеру: Столкнувшись с проблемой, заключающейся в потребности обоснования для недалекого человека его страданий, правящие элиты, выбрав из всех возможных вариантов наименее затратный, т.е. метафизический, могут создать целую религию для управления страдающей голодной массой, которая, ко всему прочему, используя свою же грубую силу, заставит то самое интеллигентное меньшинство, на мыслительной деятельности которого и были сформированы возможные варианты, включая выбранный, еще и подчиняться канонам этой идеологии. В итоге, большинство получает успокоительную иллюзию-пилюлю (оставаясь, как и прежде голодным), элиты – удовлетворение своих меркантильных интересов, интеллигенция – лишь очередное усугубление оков. Каждый получает соразмерно его комбинации соотношения разума и доминирующим в «Я» стремлениям.]

И такое положение неизменно не только в веках, но и в тысячелетиях. Если в начале прошлого тысячелетия подобное проявлялось в применяемых силовых и религиозных методиках управления (достаточно примитивных), то на сегодняшний день, к ним всего лишь добавились и все их дополнившие, соразмерно увеличению численности населения и соответствующему прогрессу. Что легко и прослеживается во всех ныне существующих социальных и финансовых институтах (на базе некогда разработанных экономических моделях), от мировой банковской системы, финансовых рынков, локальных систем потребительского кредитования и страхования, до систем налогообложения, здравоохранения и социальной поддержки. Абсолютно везде применяются наименее затратные и при этом наиболее эффективные модели относительно интересов правящих элит, оставляющих голодному большинству, как и во все времена, лишь запрошенные последним иллюзии.

§ Организованная преступность

Отдельно стоит коснуться одной из значимых составляющей правящих элит – олигархии, представителей теневой экономики, а также всех иных, ошибочно не причисляемых населением к властидержащим, представителей организованной преступности.

Население (искренне верящее в существование некоего второго мира – преступного), не обладая возможностью адекватной оценки происходящей борьбы между правоохранительными структурами и криминальными элементами, еще и ошибочно

причисляя к организованной преступности явление бытовой преступности, не в силах разглядеть единую основу того, что считается официальной властью и того, что называется влиянием организованной преступности. На самом же деле и то и другое нераздельно в своей основе, являясь по сути одним единым целым. Их существование друг без друга невозможно, ибо представители и того и другого явления в равной степени выделены самим же населением, не отдающим себе отчета в том, что преступность существует только на его уровне, ибо сам закон (определяющий, что есть преступление) существует исключительно для населения. Правящие элиты живут по совершенно иным законам, и пусть более простым (подчас на порядки эффективным), но применение которых на уровне населения влечет незамедлительную дестабилизацию общества. [Как минимум потому, что законы правящих элит предполагают незыблемость «права сильнейшего», обеспечивающего последним четко регламентированный порядок взаимоотношений и обеспечивающего баланс сил, применение чего на уровне населения приводит, как минимум, к взрыву бытовой преступности, насилию, и в конечном итоге к гражданской войне. Общество, осознавая, что применение «права сильнейшего», при условии наличия огромного числа особей не способных к какому бы то ни было самоконтролю, несет прямую угрозу для его стабильности, принимает ширму надуманного официального законодательства, допуская при этом использование более жестких законов правящими элитами.] Ситуацию эту, для общества в целом, можно уподобить дереву, ствол которого в некотором месте раздваивается, наделяя дерево внешней раздельностью в виде двойственности короны, где листья каждой из ветвей конкурируют друг с другом за место под солнцем. Но каждый лист любой из крон является, по сути, частью дерева в целом, ибо ствол каждой из ветвей исходит из одного корня - общества, населения. [Борьба листьев, конечно, не более чем возня, равно как и показушная борьба властей с мафией, вводящая население в заблуждение, навязывающее обществу иллюзию существования некоего второго мира (криминального). Видимость конкуренции листьев и ветвей, их переплетение, априори не могут являться их противоборством. Предполагать подобное, все равно, что допускать противоборство левой и правой руки.] Доминирующий же вид кроны официальной власти обусловлен тем, что вторая крона является ее теневой меркантильной частью, полностью вторя явлению открытости правителя при скрытости его казначеев (да и скрыта теневая крона исключительно для низших слоев населения, для всех остальных картина является целостной). Практически каждый чиновник высшего уровня является лоббистом тех или иных структур, входящих в состав правящих элит, и положение его всецело обусловлено тем, насколько чиновник оправдывает свое назначение в лоббировании конкретных интересов делегировавших его структур. Более того, в подавляющем большинстве, правитель, равно как и все его чиновничье окружение, является лишь ширмой, прикрывающей от взора населения, с доминирующими в таковом иллюзиями, реальную принадлежность власти, по сути, криминальным структурам (только крупные государства порой могут похвастаться не совсем уж марионеточным правительством, что сути дела конечно не меняет). Также, редкостью не являются и случаи, когда лидеры теневых структур, обладая безграничной властью, заигрываются до того, что выставляют себя на какой-либо высокий государственный пост. История изобилует примерами того, когда на постах уровня премьер министра длительное время прибывали «откровенные» мафиози. Бытовая же преступность, которая, по сути, только и может считаться преступностью (включая отдельные, отчасти независимые, разбойничаящие группировки), является одинаковой проблемой, как для власти, так и для теневой части правящих элит, ибо дискредитируют и тех и других. Если конкретные проявления бытовой преступности, выражающиеся в тех или иных доминирующих видах преступлений, характеризуют качественный состав общества, то ее уровень, всецело отражает качественный состав правящих элит. Стабильность общества всецело зависит от сбалансированности разделения власти (баланса сил) между теневыми структурами, в равной степени имеющих влияние на правителя в виде взаимообусловленных частей правящих элит. Стоит нарушиться балансу, как общество погружается в состояние гражданской войны, окончанием которой может

служить только его восстановление, в противном случае неминуемо следует распад общества (государства) на части.

Очевидно, что оценка человечества по его главенствующему виду мастеров не может предполагать разделение правителей относительно представляемых ими ветвей власти. И особенно в привязке к тому, что сами правители подчас по несколько раз за карьеру умудряются пересечь с ветви на ветвь, используя дышло законов, равно как и морально-этические признаки по своему прямому назначению, т.е. в качестве разменной монеты. Вне меньшей степени, чем на уровне правителей, можно оценивать человечество и по видным представителям организованного криминала, ибо последние, как и первые, неотделимо относятся к главенствующему виду мастеров.

§ Правители и абстрагированное от эго мышление

Обращая свой взор на историю человечества, справедливо напрашивается вопрос, а могли ли существовать среди правителей действительно гениальные люди, или все же эго общества лукавит, нарекая гениальным всего лишь мастерское. Может ли стать особь, способная абстрагироваться от эгоизма в своем обращении к функции мышления, путем иерархического восхождения, стать великим правителем, или же, в крайнем случае, видным чиновником? (Речь конечно не о карликовых государствах). Может, но только если она будет в этом вторить обществу, способному также к абстрагированию от эго, в противном случае, если появление подобного правителя и возможно, то исключительно наследственным путем получения власти и на крайне незначительное время.

Допускать возможность существования правителя способного абстрагироваться от эго общества, все равно, что предполагать возможным аналогичное явление в лице великого мафиози. Подверженность людей к иллюзии существования нескольких видов власти, государственной, криминальной и религиозной, а также наивность, заключающаяся в наделении государственных чиновников и религиозных деятелей независимостью от делегировавших их структур, и есть та глобальная ширма, закрывающая глаза людей на реальное положение дел и predeterminedенную ими же самим себе участь. И ширма настолько уплотнилась в веках, что люди не в силах понять того, что все, нарекаемое ими как власть, во всех ее проявлениях, есть произведение их же эго. Именно эго общество делегировало тех, кого считают за представителей власти, олицетворяющей общество в целом.

До тех пор, пока абстрагированное от эгоизма обращение к мышлению является инвалидностью, покуда физиология человека такая, какая есть, существование особи с возможностью абстрагирования от эго в качестве правителя практически не представляется возможным. Разве что подобная особь будет настолько искусна и вынослива в ведении двойной жизни, будет в высшей степени цинична и беспринципна по отношению к собственному же разуму, что сможет совместить в себе несовместимое. Возможность длительного существования подобной совокупности видится крайне маловероятной. Во всяком случае, информацию о подобных уникальных прецедентах в своей публичной истории за последнее тысячелетие, человечество не приводит. А если бы и приводило, то и в этом случае единичные явления не имели бы, хоть какого бы то ни было, значимого влияния на общую характеристику общества. Информация же о подобных прецедентах у древних народов несколько размыта в описаниях и ее достоверность вызывает значительные сомнения. Хотя, если уж и допускать, что в истории человечества были подобные правители, то, скорее всего, речь будет идти именно о древних, ибо мудрость некоторых из них, по сей день остается непревзойденной, да и что тут кривить душой, по сей день недостижимой.

Разум чиновника, как среднего, так и тем более высшего, звена, прошедшего весь карьерный путь, априори не может быть вне «Я», вне эго, вне политики. Участь чиновника, аккумулирующего в себе стремления эгоизма множества особей - унижать и нести унижения, лгать и брать ложь на веру, созидать посредством уничтожения, и в апогее - уничтожать ради уничтожения. И все это в угоду безграничной алчности, а порой и

злорадства, собственного эгоизма. Политика лишь сиамский близнец лжи, ибо единственной основой политики является не что иное, как иллюзорный эгоизм, политика – это его цветник, крона. Ничего лживей политики и придумать нельзя. По сути, многие чиновники, тщеславные, жалкие, злобные и несчастные люди, ибо их удел в аккумуляции в себе злобы и иллюзорности «Я» огромного числа людей. Чиновник не взойдет высоко, если не будет «лизать зад руководству», и не будет ходить по костям коллег и подчиненных. Ему не воздержаться от участия в придворных интригах, порой напоминающих возню падальщиков сжирающих все вокруг, включая самих себя. Ему не видать высот, если он не в системе, работающей на единственную цель - власть и обогащение, для которой нет ценности в жизни отдельного индивидуума, которой миллионы могут быть принесены в жертву частных меркантильных интересов. Рассказни о некогда существовавших правителях, свершивших великое благо для своего народа, на деле, не что иное, как изложение неких исторических событий с нужной стороны, в соблюдение все тех же алчных интересов, опускающее/упускающее/умаляющее одно, подчас более существенное, выставляя на передний план то, что более ожидаемо и/или требуется. [Можно поплатиться жизнью за придание гласности некоторых «опущенных» моментов в таких историях.] Каким бы «милым» чиновник не представлялся вне своей службы, это не меняет сущности его эго, равно как и сущности эго любого мафиози, допускающего весьма конкретные поступки в своей профессиональной деятельности. Но такое положение вещей - единственно возможное для человечества. Все это знают, знают кто такие чиновники и криминальные лидеры по своей сути, но не могут себе позволить адекватно на это смотреть т.к. и те и другие - это их родственник, сосед, однокашник, друг, товарищ и т.п., близость к которому всегда считалась одним из почитаемых и предпочтительных благ. Чиновник, как и любой мафиози, в конце концов, это их отражение. Даже палача любят его родственники, да и друзья поднимают бокал в его здравие. Отсюда и следствие, чиновники и криминал позволяют себе ровно столько, сколько общество им позволяет, ибо оно их и породило. Власть такова, каков народ - и это единственно возможное положение вещей. [Стоит упомянуть также и то, что история человечества изобилует случаями, когда государственная власть представляла для населения большую опасность и приносила разительные страдания обществу, чем организованная преступность. Явление же, когда население оказывает криминальным лидерам большее уважение, чем государственным чиновниками, испокон веков является нормой для значительной части государств планеты. И утверждение, заключающееся в том, что «Мафиози не прикидывается святошей, он грабит с открытой душой и оставляет последнее. Чиновник же, грабит в рясе, с крестом на вытянутой руке, и никогда не побрезгует последним», явно не лишено капли горькой правды.]

Говоря о правах населения в целом, так и о правах человека в каждом конкретном случае, никогда не стоит забывать о том, что если и существуют какие-либо права в обществах, то только в виде прав одних на степень ущемления прав других. Чем неразвитее и беднее общество, тем краше звучит иллюзия о существовании прав человека и свободы воли, тем больше в нее вера, и тем меньше членов общества вообще понимают, что же на самом деле вложено в состав этой иллюзии. Фактически, права населения тем выше, чем меньше себе могут позволить правящие элиты. Это что-то вроде «расклада на дозволенность». Чем стабильнее, развитее и образованнее общество, тем многочисленней состав слоев населения влияющих на правящие элиты, что неминуемо расширяет численность состава правящих кругов, порождает открытость и большую конкуренцию среди таковых. Как следствие, это сказывается на уровне доминирования тоталитарности в обществе и проявления диктатуры по отношению к населению. Показателем в такой ситуации служит отсутствие исключительно декларативного характера хотя бы некоторых основополагающих составляющих иллюзии закона. [Примером могут служить мало-мальски работающие в подобном обществе законы о неприкосновенности жизни и собственности, свободе передвижения, а также взвешенность и необратимость наказаний за преступления для всех слоев населения. В реальности, конечно, подобных обществ – единицы.]

И кстати, об упомянутой свободе воли. Иллюзия чего настолько не содержательна, что порой и самые недалекие в развитии люди, путаются в том, что же им под этим подразумевать. Уже в юности многие особи, столкнувшись с явно незаслуженными, в их понимании, страданиями, озадачиваются, пусть и наивными, но вполне оправданными с их позиции выводами, подрывающими их веру в реальность существования свободы воли хотя бы потому, что выбор места рождения и родителей, для отдельно взятой личности, не предоставляется, и как минимум до совершеннолетия особь должна считаться с тем, что сама не выбирала. А ведь действительно, следуя даже подобной, пусть и несколько примитивной, логике рассуждений, можно прийти к весьма последовательным выводам. – И так, продолжая: Можно родиться в полном хаосе и нищете, к примеру, в стране, десятилетиями прибывающей в состоянии гражданской войны, и шанс когда-либо выбраться из подобного ада, столь же вероятен, как и вероятность выигрыша в лотерею. Можно родиться и сразу же оказаться, в буквальном смысле, в мусорном баке или тюрьме, а то, и того хуже, награжденным собственными же родителями какой-либо инвалидностью, уродством, болезнью. С другой стороны, можно родиться принцем, и до конца своих дней даже не представлять, что есть настоящий прижизненный ад на земле. В любом случае очевидно одно, а именно то, что выбор окружающей среды заведомо отсутствует. Кто и как осуществляет выбор за конкретного индивидуума, и осуществляет ли вообще, не известно, да это и не столь важно. Ибо даже если это и наказание, то оно заведомо, таковым, в сущности, являться не может, и хотя бы потому, что наказываемому не известен ни судья, ни тем более сам прецедент его преступления. Зато доподлинно известны последствия. Где бы человек ни родился, он обязан подчиняться законам и соблюдать устои общества его родителей. Его, порасту, обяжут это делать его же родители в процессе воспитания, а общество в процессе образования. И шансов выбраться из клетки, для большинства этого возжелавших, практически нет. Что показательно, чем лучше условия существования относительно места пребывания и проживающего там общества, чем зажиточнее, обеспеченнее родители, тем толще прутья и крепче замки клетки, пусть и золотой. Сложившееся мировое сообщество не допускает свободного перемещения людей, лишь для видимости предоставляя возможность самостоятельного регулирования правил эмиграции каждому из государств. В подавляющем большинстве случаев, эмиграция строго ограничена и не доступна для населения. Далеко не во всех государствах, общество, ограничившись исключительно обязательством контроля соблюдения гражданами законного порядка, дает право на самоопределение личности и не требует поддержания какой-либо идеологии. В подавляющем большинстве случаев общество не допускает никакого другого варианта, кроме как следование каждого его члена установленным идеалам, не предполагая возможность самоопределения даже в теории, а все бытующие у населения верования в то, что государство и они это разные полюса на деле оказываются не более чем заблуждением. Ибо продолжительное существование любого общества, с его законами, устоями, идеологией и т.п. всецело зависит от поддержания значительной частью членов этого общества установленных порядков. Даже самым недалеким людям известно то, что маленькая группа людей, не имеющая весомой силовой поддержки, априори не может осуществлять продолжительный контроль-диктатуру над населением, если не имеет сторонников в виде значительной части этого общества. И каждый родившийся в устоявшемся веками обществе, заведомо обязан не только соблюдать устоявшиеся законы, но и поддерживать ряд идеологических основ этого общества, какими бы абсурдными они ему не казались. Причем, общество самостоятельно определяет необходимый уровень поддержки его идеологии каждым из своих членов, и в случае если общество посчитает уровень поддержки недостаточным, либо обнаружит в индивидууме инакомыслящую личность, наделяет себя исключительным правом применить к инакомыслящему члену любые меры воздействия, включая карательные, вплоть до физического устранения. Учитывая возраст общества в каждом конкретном случае и мирового сообщества вообще, нет никаких оснований ставить под сомнение наличие поддержки установленных законов и устоев его значительной частью

составляющих и тем более предполагать возможность каких-либо существенных изменений в краткосрочной перспективе. Даже при условии декларирования обществом очередной смены идеологии или создания видимости очередной смены режима управления, нет оснований считать изменения существенными т.к. состав управленческого аппарата и правящих элит не изменен, ибо сами люди, составляющие в массе своей общество, все те же самые, а властидержащие лишь их производное. Только постигнув устройство существующей системы и не выражая явным образом свое инакомыслие относительно ее идеологии, не препятствуя ей, не саботируя управленческие процессы в обществе, не нарушая веру общества в существование у отдельного его члена истинной веры в его идеалы, не используя ничего такого, что давало бы повод для отличия от большинства, только таким образом особь может обеспечить себе относительную безопасность существования. И о какой свободе воли тут можно говорить?

О сущности «Я» человечества - общество

§ Неизменность общества во времени, США, Европа

Очень показательны, в части олицетворения сущности «Я» человечества, отношение общества к своим правителям в разное время. Как только сходит эпоха одного правителя и начинается эпоха следующего, эгоизм, в зависимости от ситуации, навешивает на ушедшего правителя всевозможные ярлыки морально-этического характера, придающие правителю либо характер благодетеля, либо тирана. При сменяющихся правителях, но неизменном обществе, которое они олицетворяли, чьи стремления они аккумулировали, такое положение вещей умаляет значение любых морально-этических признаков придуманных «Я», ибо крайне наглядно и однозначно показывает их назначение для использования не более чем в качестве разменной монеты. Не важно, чьи стремления олицетворял правитель, населения или правящих элит, ибо в итоге он все равно «от общества», и не важно, от общества допустившего существование правящих элит, монархии, тоталитаризма, демократии и т.п. или нет.

Ни одно общество не может похвастаться тем, что оно воистину изменилось, предъявляя в качестве доказательства очередного нового правителя с заявляемыми новыми качествами, ибо это означало бы то, что составляющие его особи изменили свою физиологию. Я все тот же самый, что и сто, и пятьсот лет назад, живший и в Африке, и в Америке, и в Азии.

Неопровержимым подтверждением чего служит то, что сейчас, по своей сути, представляет собой, нарекаемый современниками «цивилизованным», мир. Достаточно лишь разобраться в том, в чем же он цивилизованный, и чем он собственно отличается от мира, к примеру, начала прошлого тысячелетия, средневековья, или двухсотлетней давности.

Пока Англия и Франция занимались колонизацией во всех частях света, захватом рабов, грабежом и даже опиумными войнами (превратив при этом в наркоманов сотни миллионов человек), на волне золотой лихорадки, огромная масса людей, состоящая в большей части из криминальных элементов со всей Европы, кинулась осваивать новый континент – Америку, как некогда их предшественники, Викинги, «осваивали» Европу. [На работорговле, колонизации, торговле наркотиками, грабеже и разбое, начиная с середины прошлого тысячелетия, как грибы после дождя, начали расти финансовые корпорации, которые и по сей день успешно функционируют, кичась своим возрастом и происхождением. При этом, потери только европейских стран в военных конфликтах, за это же время, составили более ста миллионов человек.] В освоении Америки, на лоне уничтожения аборигенов, золотой лихорадки и работорговле, криминал доигрался до того, что, перессорившись вдрызг, даже развязали между собой небольшую гражданскую войнушку. Достаточно редкое явление предстало перед глазами Американских аборигенов. Захватчики, в пылу оккупации, вдрызг передрались друг с другом из-за награбленного и рабов. Повоевав между собою весьма непродолжительное время, изрядно поиздержавшись, воинствующие группировки

договорились между собой о том, что выгоднее объединиться и грабить соседей, нежели, чем лить кровь друг друга, что явно не приносит никакой выгоды. Дабы избежать бунтов рабов, ряды которых были значительно пополнены эмигрантами из голодающей Европы, использование рабского труда трансформировали в пролетариат (этого требовала и индустриализация), и миллионы, некогда рабов, дополнили ряды тружеников промышленных предприятий, продолжая работать в тяжелейших условиях, фактически за еду. [По сей день, большая часть населения планеты работает в тяжелейших условиях, не обеспечивая себя в должной мере даже едой, получая в награду лишь вид умирающих с голода детей. Миллионы жизней, ежегодно, сжигает печь прогресса, работающая на так называемый цивилизованный мир, в угоду усовершенствования иглы потребления последнего.] На фоне небольших интервенций и завуалированных по благие цели мошеннических кампаний в других странах, объединенные в Штаты группировки начали строить свою страну. И надо сказать весьма успешно. Не пренебрегали ничем, торговали тем, что можно было продать, отнимали все, что можно было отнять. Дошли до того, что смогли обвести весь мир вокруг пальца, грандиозной мошеннической операцией по внедрению ничем не обеспеченной мировой валюты. Именно Штаты стали мировым примером того, до какой степени можно развить культ обогащения, и именно они познакомили мир с иглой потребления. Да и момент оказался подстать, человечество переживало демографический взрыв. Культ потребления настолько пришелся по душе «Я» человечества, что не выдержали, даже крепко державшие до тех пор свои позиции влияния, многочисленные религии.

Не прошло и двух столетий, как новая, по сути, криминалом созданная страна, печатающая ничем не обеспеченную мировую валюту, окрепла до того, что ее военный бюджет превысил военный бюджет всех других стран мира вместе взятых, а созданный Штатами международный военный блок превратился в огромного разбойничающего по всему миру монстра. Разросшийся же до аналогичных соотношений внешний долг, стал чем-то вроде игрушки в руках пустобрехов, т.к. ни на что другое он не годится, ибо должна Америка хоть и грандиозно много, но в собственной валюте. Парадоксально, но большинство государств планеты, будучи осведомленными о реальном положении дел, не только являются держателями Американских долговых обязательств (слепо скупая Американские необеспеченные бумаги за собственную обеспеченную валюту, превращая свой валютный запас в фикцию), но и непосредственными пособниками существующего порядка, обеспечивающего Штатам контроль над большинством финансовых операций в мире. И чему удивляться, что именно Штаты являются той единственной страной, которая, как и прежде ее лихие основатели, ведет свои многочисленные разбойнические операции во всех частях света одновременно. Работоторговля же, а также торговля наркотиками и оружием, будучи трансформированными, дополнились глобальным финансовым мошенничеством, для которого у Штатов нет вообще никаких ограничений. Ибо отсутствие хоть одного, значимого по силе противника, и вечно враждующий между собой мир, обеспечивают им присутствие и возможность осуществления своих махинаций практически на всех финансовых рынках, благо играется мир в их же валюту, ничем не обеспеченные фантики. [Будучи заведомо алчным, мир, поддерживающий Штаты своим участием в их грандиозной мошеннической финансовой системе, называемой мировым фондовым рынком, созданным Европейскими и Американскими корпорациями, выросшими некогда на торговле опиумом, грабеже, и работоторговле, по идее не должен удивляться тому, что Штаты, рано или поздно, зайдут в дом каждого. Заявления же некоторых государств, характеризующие Америку как некоего мирового злодея, выглядят не более чем пустобрехством, демонстрирующим лишь ничтожество заявителей и их безграничную алчность, цинизм и двуличие, ибо они же сами, вливая в мировой фондовый рынок свои капиталы, фактически дают кровь организму Американского воинствующего монстра.]

В чем можно отдать должное Штатам, так это в их искренности отношения к своим прошлым правителям. Почитают всех до одного, а если и серьезно критикуют, то только

находящихся у власти в текущий момент. И все это благодаря тому, что правящие элиты, некогда воинствующие меж собой криминальные группировки, объединившись, и выделяя общего правителя, при всей своей алчности, никогда не забывают и про алчность населения, держа последнее на коротком поводке иглы потребления. Что в свою очередь обеспечивает Штатам должный уровень присутствия иллюзии патриотизма среди населения, полностью игнорирующего сущность цены, уплаченной за его мнимое благополучие. И эту страну мир называет венцом цивилизации, ведущей мировой экономикой, образцом демократии, мировым финансовым и торговым центром? Чем отличается в сути своих поступков современная Америка от поступков тех лихих людей, чьи родовые корни уходят в некогда разбойничавшие племена Викингов, приехавших на континент несколько столетий назад в агонии золотой лихорадки, захвативших по миру и притащивших с собой миллионы рабов? Уж не тем ли, что разбой переименовали в военную миротворческую операцию. [Нобель, наверное, перевернулся в гробу, когда одному из президентов США вручали Нобелевскую премию «за содействие миру во всем мире».]

Недалеко от Штатов ушла и Европа. Пока вся Европа, во главе с Англией, совместно с Штатами, играла в индустриализацию и создание мировых финансовых рынков, на базе все тех же, выросших на торговле опиумом, работоторговле и грабеже корпораций, Германия, недолго оправлявшись от одной войны, предоставила Европе свой очередной подарок, в виде национал социализма, встряхнувшего не только Европу, но и практически весь мир, на фоне чего времена разбойничавших на протяжении веков викингов, крестовых походов и святой инквизиции средневековья показались лишь слабой разминкой. И нельзя сказать, что исключительно только Германия стала очагом очередной катастрофы для человечества, процветающий в то же время в Италии фашизм прямое тому подтверждение. [По сей день в Италии достаточно много людей, кто поминает Муссолини добрым словом.]

В отличие от Штатов, Европа к своим прошлым правителям относится не столь искренно, и уходящие, в ряде случаев имеют негативные морально-этические характеристики. Хотя, и во времена викингов, крестовых походов, затем святой инквизиции, и далее до времен Наполеона, Муссолини, Гитлера, правители получали поддержку большей части европейского населения. Изменилось ли «Я» общества Европы со времен крестовых походов и колониальных кампаний до времени национал социализма и последовавшей вторящей Штатам демократии? «Я», позволившее себе кровавые крестовые походы и святую инквизицию, лишь представился случай, позволило себе и национал социализм. Как выдастся случай, сделает это еще и еще, и не столь важно как это будет называться, суть останется прежней. Меняются только морально-этические признаки, под которыми выдвигаются предлоги под очередную кампанию. Викинги, крестоносцы, инквизиторы, со своими пытками и казнями, меркнут на фоне концентрационных лагерей третьего рейха, остается только предполагать, что в будущем извергнет из себя «Я» человечества. [Совсем недалекие события в восточной Европе, во времена заявляемо гуманной демократии, прямое тому подтверждение. Людей не только истребляли всеми возможными способами, так еще и озаботились новым явлением, подаренным прогрессом - трансплантологией. Людей начали убивать ради их органов. И стоит ли говорить о том, что даже Ватикану мало чего стоили не так давно получившие огласку педофильные истории связанные с его чиновниками (отцы пошалили, ну чего тут страшного). Не менее показательны и то, что даже имеющие конституционные запреты на участие в каких-либо войнах страны Европы (в конституции той же, ранее упомянутой Италии со своим фашизмом, есть прямое указание на неприемлемость участия Италии в военных действиях), продолжают участвовать в разбойнических операциях военного блока Штатов, невзирая ни на какие уроки прошлого. Цинизм Европейских стран, заявляющих о незыблемости прав человека, некой справедливости, милосердия и т.п., воистину безграничен.]

§ Южная Америка, Африка

К сказанному о Штатах и Европе не лишнем будет добавить пример крайней жестокости, кровожадности и циничности человеческого «Я» в виде реалий жизнедеятельности населения их южных соседей, а именно Южной Америки и Африки. Вот где во все времена человеческое «Я» разворачивалось во всей своей красе, где разменной монетой служили не только морально-этические ценности, но и сама жизнь человека, ценность которой умалена на двух огромных континентах до степени ничтожества. Вечно бурлящие своими местечковыми кровавыми событиями, из века в век перетекающими из одной гражданской войны в другую, Южная Америка и Африка, являются миру некими «оазисами» нищеты, голода, безмерной жестокости и кровожадности. А Южная Америка, ко всему прочему умудрилась стать еще и нарко-придатком своего ненасытного северного соседа, не только потребляющего, но и распространяющего заразу по всему миру.

Что особо показательно, при своей полной схожести населения в пренебрежении к жизни друг друга, континенты имеют отличные доминирующие религиозные системы. Добавив к этому пример некоторых Азиатских стран (одна только Индия чего стоит), схожих по своему, не меняющемуся из века в век состоянию нищеты и голода, нетрудно прийти к выводу, подтверждающемуся реальным опытом, что ни одна религиозная система не в силах повлиять на сущность человеческого «Я». Ни две разительно отличающиеся религиозные системы, доминирующие в Южной Америке и Африке, ни Азиатские учения, не способны были ограничить «Я» в своих стремлениях. Имеющие различные основы и постулаты, и религии, и учения, во все времена, на практике выливались в одно и то же кровавое месиво.

§ Центральная часть Евразии, Россия

Не менее показательна в части неизменности общества и другая часть мира – евроазиатская. Славянские и кавказские народы, населяющие центральную часть Евразии, за последние столетия отличились не меньше, чем их собратья с западной части континента и Америки. Перенесшая в прошлом татаро-монгольское иго, Русь недолго тешила себя спокойствием, и, наряду с небольшими кровавыми конфликтами готовила миру уже свой огромный подарок в виде большевизма. Проворовавшиеся элиты монархического режима, к концу прошлого тысячелетия, настолько погрязли в воровстве и придворных интригах, что упустили момент, когда перестали олицетворять и контролировать стремления большей части общества крупных поселений, с крестьянством же обратная связь была и так посредственной. [Стоит отметить, что казнокрадство на Руси имеет очень глубокие исторические корни, можно сказать, что это своего рода отличительная черта, традиция, уходящая своими истоками в далекое средневековье. По сей день Россия служит крайне выразительным образчиком, олицетворяющим казнокрадство во всех его проявлениях.] Социальные волнения, вызванные голодом и нищетой, быстро обрели своих лидеров, которые, аккумулировав в себе стремления голодного и нищего (во всех отношениях) большинства, переросли в кровавую большевистскую революцию. Учитывая стремления тех, кого олицетворяли лидеры революции, большевистская революция перетекла в гражданскую войну и террор, т.к. одна часть населения, голодная, начала грабить и безжалостно уничтожать другую часть населения. В буквальном смысле голодные и нищие пролетарии крупных городов (жертвы первых попыток индустриализации), а также пополнившие их ряды измученные предыдущей мировой войной солдаты, начали грабить и убивать сопротивляющихся разбою крестьян, ибо только у последних было хоть какое бы то ни было пропитание. Не обошли своим вниманием и интеллигенцию, отняв все, что только можно было отнять. В конечном итоге, буквально за десятилетие, крестьянство было полностью уничтожено на всей территории России и аграрная империя, фактически, превратилась в страну голодного пролетариата. Некогда локальный голодный бунт, переросший в революцию, а затем и в гражданскую войну, залил огромную страну кровью настолько, что даже не отличающиеся особым

человеколюбием группировки Североамериканских Штатов и западной Европы были потрясены масштабами бедствия, которое не только не прекращалось, но и с каждым десятилетием лишь усугублялось. [С другой стороны, янки не упустили шанса и воспользовавшись ситуацией объявили Россию в качестве глобальной угрозы, под прикрытием чего усилили свое, и без того крепнущее с каждым десятилетием, мировое влияние. Именно Россия (СССР) стала впоследствии тем глобальным врагом, нагнетаемый Штатами ужас которого и позволил им создать разбойничающего монстра в виде международного военного блока. У правителей Европы не было ни шанса отказаться от участия в таковом, ибо в противном случае их ожидала еще более незавидная участь.]

Уничтожив крестьянство в первой трети двадцатого столетия, большевистская страна погрузилась в еще больший голод, унесший миллионы жизней, и, недолго выбирая способы решения проблемы, пролетарские правители погрузили страну в индустриализацию, а за одно, идеологически вторя стремлениям большинства, в очередной раз обозначили врага коммунистической идеологии. Как и ранее, акцент был на интеллигенцию, как на остатки прошлой буржуазии, а также мнимых многочисленных шпионов от недоброжелателей, пытающихся помешать следовать обозначенным идеологией целям. Последнее позволяло по необходимости объявлять «врагом» практически любого неугодного, что и в полной мере применялось на практике. Убивая друг друга по поводу и без такового (причем, не просто убивая, значительная часть пала от безмерных по своей жестокости пыток), функционеры коммунистической идеологии выстроили систему управления, состоящую практически из полностью лишенных, какой бы то ни было, интеллигенции людей, действующих исключительно машинально, слепо подчиняясь любым приказам. Большая же часть населения, поддерживая идеологию, стало частью выстроенной системы. Ряды заключенных только пополнялись, становясь с каждым годом все больше и больше. [Даже спустя столетие, выстроенная на «отмороженных» людях «красная система», продолжает работать с неизменной основой, по сей день, в том или ином виде, поглощая своими жерновами тысячи людей.]

На фоне сформировавшейся большевистской идеологии, правители бросили на индустриализацию все имеющиеся ресурсы. Население огромной страны, работая в лучшем случае за еду, а также миллионы согнанных в контракционные лагеря заключенных, за считанные годы, на своих костях и крови, построили огромную пролетарскую страну-монстра, генерирующего оружие и идеологию, которую правители-идеологи, как и во все времена, им подобные предшественники, собирались распространить по всему миру.

Так бы и произошло, не вырасти по соседству, в Германии, конкурент (также претендующий на мировое господство) в виде национал социализма, конфликт с которым, вылившийся в одну из самых кровавых войн человечества, несколько поумерил пыл коммунистического монстра. Но даже при учете значительных издержек, монстр, все равно умудрился получить в качестве трофея множество окружающих его соседей, оккупация которых длилась еще не одно десятилетие. Стоит также упомянуть, что и в данном конфликте монстр коммунизма оставался верным себе, и в большей степени обеспечил себе победу не тактикой и оружием, а пушечным мясом, т.е. выставив против оружия противника такую массу людей, которую невозможно было уничтожить оружием тех времен. Идеология в сознании населения была настолько сильна, что большинство людей, по указу правителей, шли на верную смерть весьма осознанно и добровольно. Послевоенное восстановление страны осуществлялось уже испробованными методами, т.е. кровью и потом. [Кстати, в прошествии семидесяти лет с революционных времен, население настолько впитало большевистскую идеологию, что количество диссидентов упало до уровня крайне редкого явления. Само по себе появление единичного диссидента стало уникальным, их даже уничтожать перестали, а некоторых, не только не лишали свободы, но и выпускали за пределы страны (правда путь был конечно без обратного билета).]

Относительно масштаба перенесенных Россией катастроф, даже по прошествии столетия со времен большевистской революции и семидесятилетия со времен войны с национал

социалистическим соседом, представителей Российских лидеров, правящих элит и тем более силовиков, до сих пор олицетворяющих океан пролитый ими крови, нарекают весьма занятным термином, появившемся в обиходе еще во времена революции – красными, или уточняяще - красноперыми. И нельзя сказать, что не оправдано, ибо и по сей день, они верны себе, в виде большей части населения Евразии, впитавшего за столетие идеологию так, что уже неспособно отделять, что есть наследие идеологии, а что норма жизни.

[Здесь стоит привести очень показательный пример непоследовательности красного общества, заключающийся в истории отношения населения значительной части Евразии к религии, и в частности к христианской церкви. Имея многовековую историю поддержки христианства, Россия, перенеся красную революцию, практически в одночасье отказывается от религии, заменив ее пролетарской идеологией. Отказ от религии сопровождался массовым уничтожением религиозных святынь, от атрибутики до строений, а также физическим уничтожением церковных служителей. Церкви, если не разрушались, то превращались в склады, а священники, если не уничтожались сразу, пополняли ряды заключенных, и в самых крайних случаях, в военное время, иногда отправлялись в действующие армейские подразделения. Пройдет не одно десятилетие как «отец всех народов», аккурат посреди войны развитого коммунизма с не менее развитым национал социализмом, в соответствующих времени целях, отчасти вынуждено, возродит «церковь» в виде создания единого органа управления называемого – Российской православной церковью (РПЦ), контроль которого возложит на НКВД (т.е. на заведомо карательный орган пролетариев). В таком виде, т.е. под управлением НКВД, а затем под управлением приемника НКВД - КГБ, РПЦ просуществует еще не одно десятилетие, вплоть до развала страны (СССР) на пороге конца тысячелетия. После падения коммунистического режима и утрате влияния пролетарской идеологии, общество вернулось к религиозной основе (свято место пусто не бывает), превратившись в одночасье из общества атеистов в общество верующих, причем поголовно. Креститься стали чуть ли не все, по поводу и без такового. При этом кадровый состав управления, как страной, так и РПЦ не изменился, и там, и там, были все те же, некогда коммунистические, лидеры, сменившие «красную вывеску» демократической. Весь мир с удивлением наблюдал как бывшие функционеры КГБ и коммунистические партийные лидеры (запытавшие до смерти миллионы своих сограждан), возглавившие «новую демократическую страну», демонстрационно крестятся в церквях, хотя еще не заросли травой могилы ими же уничтоженных священников. Коммунистическая цензура же, сменилась демократической, с церковным уклоном (и это при том, что значительная часть населения - мусульмане). Само общество, будучи полностью осведомленным о таком положении дел, практически с радостью принимает и «новое старое управление страной» с его бывшими коммунистическими функционерами, и «новую старую церковь» под управлением того же органа, созданного отцом народов, РПЦ, с практически теми же людьми в управлении. Который, к тому же, в течение весьма незначительного времени, проявив весьма не скромные (вдруг появившиеся) способности к ведению коммерческой деятельности, становится одной из самых богатейших бизнес структур новой России. Чего стоит религиозность, да и чего уж там, последовательность, общества, если чуть ли не святыми называли тех, чьи плечи еще помнят погоны, по сути карательных структур коммунистического режима, а общество делегировало в управление тех, прошлые заслуги кого и порицает. (Уж не потому ли, что само общество кишит теми, кто был частью большевистской системы и теми, кто впитал им наследственно переданную по средствам воспитания и образования, красную культуру. Не потому ли, что миллионы ныне живущих, это именно те, и именно потому и живущие, кто поддерживал и воспевал существующий красный порядок, кто миллионами арестовывал, конвоировал, охранял, пытал до смерти, расстреливал, ... тех, кого называют теперь невинными жертвами кровавого режима.) Бывшие коммунистические лидеры, сменив звезды на кресты, порицают коммунистический режим. Борьбой с коррупцией, как и во все времена, занимаются сами коррупционеры. Преступность регулирует сама себя, будучи полностью сросшийся с теми, кого еще в

недалеком прошлом считали за органы охраны большевистского правопорядка. Экономическое развитие государства выливается в приумножении состояний тех, кто его регулирует, а виноватым во всех бедах народа считают внешнего империалистического врага (США) и его приспешников (в лице марионеточного Евросоюза), на банковских счетах которого и размещают все то, что по идее и должно быть активами России. Даже многие из тех, кто в недалеком прошлом волочил нелегкий груз участи диссидентов, публично, чуть ли не целуя руки, стали принимать медали от своих бывших карателей (в буквальном смысле). В странах бывшего социалистического лагеря, пусть и имеющих свои особенности и своих скелетов в шкафу, общество поступило с бывшими коммунистическими лидерами более последовательно, равно как и западноевропейские соседи, оказались не менее последовательны в своем отношении к бывшим национал социалистическим лидерам. Во всяком случае, отстранили бывших «красно» и «черно» окрашенных от органов управления. Но Россия, настаивает на своем, только ей понятном пути. И действительно, чего терять время на сопли, если и так очевидно, что ничего из века в век не меняется.]

На фоне крайней низкой производительности труда, а трудолюбием население России не отличалось испокон веков, и неизменно пренебрежительного отношения к чужой собственности и продуктам труда, а главное к себе самим, население огромной страны продолжает свой кровавый многовековой путь от одной катастрофы к другой, теряя целые поколения, в бесконечном грабеже и уничтожении друг друга.

§ Красноперые

Стоит отдельно коснуться термина – красноперые, представляющегося крайне интересным с позиции его несколько отличных друг от друга трактовок, вкладываемых в термин в зависимости от использования его различными, в т.ч. и внесистемными, слоями населения, но с однозначным и точным значением. Общее для всех трактовок значение характеризует людей, ведущих паразитирующий образ жизни (со времен разграбления крестьянства), с наличием определенного рода мотиваций (передаваемых наследственно посредством воспитания из поколения в поколение на базе сформировавшегося идеологического культа) приобретенных большей частью населения Евразии в течение двадцатого столетия вследствие господствующей в те времена пролетарско-большевистской идеологии. [Криминальные элементы, включая предпринимателей (находящихся вне установленных идеологией законов), называли красноперыми силовиков, интеллигенция прибавляла к этому и всех партийных, внесистемные философы же не выделяли какие-либо отдельные части системного общества, понимая, что практически все население впитало в себя пролетарско-большевистскую идеологию.] Данный вид идеологии отличает практически полное отсутствие последовательности в заявляемом, циничность, крайнее пренебрежение, вплоть до бесосновательного физического уничтожения, к ценности жизни (и в особенности сограждан), а также полное игнорирование понятия частной собственности, чужих продуктов труда и т.п. Где основа средств существования зиждется в большей степени на рабской эксплуатации правящими элитами собственного населения, поборках, воровстве (казнокрадстве), иногда разбое, и не предполагает практически никакого созидания за исключением производства средств уничтожения. Окрас термина «красно» исходит из атрибутики (флаги, гербы, названия органов управления и т.п. - все было красное) и наряду с исключительной кровожадностью, рекам пролитой крови собственных же граждан, смысловое значение окраски получило более глубокий смысл. Вторая часть слова - «перые» - от слова «перья», «оперенные». С другой стороны, имеет вес мнение, что происхождение больше соответствует «кровавым» действиям. Большевики, за отсутствием патронов, грабили и вырезали штыками целые поселения крестьян, нож - в жаргонном выражении «перо». Разные по своему интеллектуальному складу люди, в зависимости от своей оценки происходящего, вкладывали (и вкладывают по сей день) несколько отличные друг от друга трактовки в значение этого термина, но в основополагающей сути термина сходятся все.

Нельзя сказать, что большевицкая идеология уж чем-то сильно отличается от идеологий соседей или Североамериканских группировок, скорее, из всех иных эту идеологию выделяет доминирование именно паразитирующей составляющей (в отличие от бандитской Североамериканской идеологии, базирующейся в большей степени на обогащении / культе потребления). Если иные идеологии подразумевают хотя бы частичное уважение к продуктам чужого труда и собственному населению, то данная идеология вообще не вкладывает в понятие чужой собственности никакого значения. [Что и дает, при условии заведомо отсутствующего у населения трудолюбия, еще более пагубный эффект. И дело не в том, что не работают, а в том, что ведя абсолютно паразитирующий образ жизни, нормальным считается ограничение возможности созидания для других. Т.е. сами не работают и другим не дают.] Но еще более поразительное отличие заключается в умалении ценности жизни сограждан. Красноперые во все времена уничтожали «своих» с большим азартом и жестокостью не жили, чем это проявлялось в отношении к внешним врагам. Уничтожение своих, со временем, превратилось в некую общую забаву, проявляющуюся во всех отраслях жизнедеятельности. В этом смысле красноперое население полностью вторит населению Южной Америки и Африки, ибо нищета, во всех отношениях, и голод, вне зависимости ни от каких морально-этических проявлений иллюзорности «Я», в результате дают всегда одно и то же.

Подобные термины присутствуют практически во всех обществах, на всех континентах. Ужас охватывает, начини вникать в исторические корни подобной терминологии. За каждым подобным термином миллионы загубленных жизней. И нет на планете обитаемого людьми континента, периодически не переживающего подобные, происходящим в Европе и Америке за последние столетия, события. Даже азиаты, будучи разительно отличны в частностях от остального населения планеты, что в принципе обусловлено лишь условиями среды обитания, не смогли избежать подобной участи. Взять хотя бы промежуток истории от Чингисхана до современного Китая и Северной Кореи. [По сей день, правители стран, как перенесших в прошлом, так и переживающих в настоящем, красный вирус, поддерживают между собой весьма теплые отношения. Все заявляемые признания в ошибках прошлого, аналогично Европейским странам относительно их истории, не более чем циничный популизм, ибо по сути ничего не меняется.]

§ Идеологии

Сами по себе идеологии, типа коммунизма, социализма, нацизма / расизма, фашизма, чучхе, демократии, равно как и любые другие, не являются отдельными изобретениями человечества. Они всего лишь вторят различным проявлениям «Я» человечества, имеющих более ярко выраженный вид в определенные промежутки времени в зависимости от складывающихся условий среды обитания.

Ведь что есть, по сути, двигатель коммунистических (и не только) настроений – желание голодной и нищей массы равенства с сытым меньшинством. Все должны быть одинаково сытыми, оставаясь при этом разными. Но поскольку подобное в принципе невозможно, в итоге, даже при выходе коммунистических идей в разряд доминирующей идеологии какой-либо страны, сытыми становятся лишь красные элиты. [На опыте это подтверждается многочисленными примерами стран, с доминирующей коммунистической идеологией, являющимися при этом образчиками нищеты и голода переносимых населением, на фоне огромнейших финансовых состояний олигархии.] Задолго до появления коммунизма как термина, олицетворяемые им стремления голодных к некому равенству с их сытыми собратьями, давали о себе знать во все времена. Стоило в каком-либо обществе появиться гнильце, в виде разительного расслоения населения, как тут же появлялись красные споры. Если подвергнуть саму коммунистическую идею критике, то при всей ее видимой складности в предположении некоего равенства, она практически сразу начинает граничить с абсурдом. До тех пор пока восприятие человеком окружающего мира осуществляется с

позиции сравнительного анализа, для него не может существовать равных себе, ибо этого не подразумевает индивидуация. Даже для самого себя эгоизм всегда предполагает большее, чем он действительно может себе позволить. А раз так, положение «каждому по труду, каждому по потребностям» напрямую содержит в себе преамбулу социального расслоения. Вот если исходить уже из вышесказанного, то коммунистические идеологи оказались как нельзя последовательны, ибо что обещали, то и воплотили.

Нацизм же, в свою очередь, всего лишь олицетворение обострения комплекса неполноценности, акцентирующегося на неприязни по национальному признаку, вызванного большим воображением эгоизма того, что национальность может нести в себе морально-этические признаки типа хорошая, плохая, чистая, добрая, злая, умная, глупая и т.п. [Когда для гордости не остается причин, ее предметом становится национальность.] Этому же, на принципиальном уровне, вторила и святая инквизиция, считающая иноверцев величайшим злом. Самое показательное же, заключается в том, что опыт крестовых походов и святой инквизиции успешно применялся и применяется по сей день, практически по всему миру (теперь, по аналогии с еретиками, иноверцев нарекают диссидентами, а миссионерство вылилось в борьбу за влияние различных режимов под масками всевозможных идеологий). Им не пренебрегали и во времена красного террора в России, и в Третьем рейхе, и в Азии его полюбили, и даже Североамериканские группировки умудряются периодически устраивать у себя охоту на ведьм. Правда, стоит отметить, что наибольшую любовь к методике святой инквизиции имеют в основном все же прокоммунистические режимы, уж больно им это соответствует по духу. Современный Китай, Северная Корея, Россия, некоторые режимы Южной Америки, Восточной Европы, Ближнего Востока, Азии, Африки, некоторые бывшие республики СССР и прочие страны с поныне цветущими красными спорами, прямое тому подтверждение. Опыт же крестовых походов, миссионерства, в равной степени свойственен всем режимам, ибо человек, как никто другой, любит заходить к соседям без приглашения.

И так со всеми идеологиями. Ни в одной из них нет и быть не может чего-то нового, кроме очередного проявления каких-либо стремлений всегда присутствующих у эго вида и неизменных во времени. И ни одна из идеологий не может быть совершенной, ибо основа любой идеологии – эгоизм. Та же воспеваемая, называющим себя цивилизованным миром в двадцатом столетии – демократия, являющаяся, по сути, отражением социального устройства некоторых древних племен, не смогла привнести абсолютно ничего нового, даже при условии, позиционируемых как значительных, изменений. Новая демократия явно не изобретение Североамериканских группировок, не нашедших иного пути сохранить относительный мир между собою, как применить старый и избитый способ сосуществования на одной территории одинаково воинственных племен, не имеющих разительных преимуществ друг перед другом, но любящих разбойничать у соседей. Договорившись между собой, племена, а ныне группировки, обеспечив себе относительно мирное сосуществование, брались сообща грабить соседей. Кстати, не лишним будет упомянуть и то, что именно под лозунгами той, воспеваемой миром демократии, эгоизм человечества переименовал разбой - в миротворческую военную операцию, а оккупацию - в операцию по принуждению к миру. До какой степени мерзости может доходить эгоизм человечества в своей непоследовательности и иллюзорности, если он способен одновременно воспроизводить и воспринимать за чистую монету словосочинения «миротворческая война» и «принуждение к миру». Эгоизм воистину безграничен в своей иллюзорности, что в совокупности с кровожадностью порой приводит к непостижимым по своей жестокости катастрофам. Применительно к демографическому взрыву населения планеты, происходящего на протяжении двух последних столетий, остается только догадываться, какую очередную катастрофу готовит себе человечество, и каковы будут ее масштабы.

Предопределенный удел

§ В веках я тот же самый

Окинув взглядом последние столетия, есть ли у меня хоть тень сомнения в том, что я не изменен в веках? Неизменен я и в тысячелетиях. Я все тот же что и был, и всегда таким буду. Следовательно, я просто есть. Будучи наделенный своей физиологией эгоизмом, индивидуацией в оценке окружающей среды, мне хочется верить, что что-то меняется во мне и окружающим меня мире, но это не так. И какая польза в том, что я, используя данную мне природой возможность кратковременного абстрагирования от «Я», могу себе позволить хоть иногда смотреть на себя целого? Кроме осознания мерзости и ничтожности человеческого «Я», в его исключительной иллюзорности и вторичности, ничего. Разве даст мне это некое благо или уменьшит страдания, уготованные мне моей природой? Нет, ответит мне последовательное мышление, конечно же, нет. Никакое проникновение за пелену «Я» ничем не сможет поспособствовать мне в осознании большего, и тем более никоим образом не сможет повлиять на уменьшение уготованных мне страданий, чем это предполагает моя природа, ориентированная на единственное стремление, продолжение рода в угоду сохранения вида. И именно потому, что сами по себе страдания, выраженные в вечно неудовлетворенных желаниях, и есть тот двигатель, который дает жизнь виду. Это и есть проявление жизненной силы, энергии, воли к жизни, вечное стремление материи в смене своих форм.

Познание, в чем бы ни заключалось, не имеет в этом вечном процессе никакого значения, оно немыслимо в нем, как любое фрагментарное во времени и пространстве. Само по себе познание возможно лишь в отношении состояний форм материи в их бесконечной смене, познание же сущности этого процесса не имеет никакого смысла, ибо само познание, лишь частное следствие этого нескончаемого и бесцельного процесса. Не несет абсолютно никакого значения, сколько таких планет как земля, с многочисленными формами жизни, существовало ранее, сколько существует в текущее время или возникнет в будущем, ибо сам процесс не лежит во времени.

[Здесь, не лишним будет упомянуть веру человечества в существование инопланетных форм жизни и, в частности, разумных инопланетян. Насколько же абсурдна вера людей в то, что когда-нибудь нашу планету посетят инопланетные сородичи и запросто вот так поделятся технологиями и научат уму разуму. Если даже и предположить, что когда-нибудь подобное и произойдет, то для человечества это ничем хорошим не закончится. Ибо если сородичи будут существами с органическим строением, то нет ни малейшего сомнения в том, что единственной их целью будет потребление. Предполагать, что у органической формы жизни могут быть иные цели, кроме сохранения формы за счет потребления, абсурд. И на месте человечества, сидеть бы по тише, в безграничном пространстве, а не подавать сигналы в космос о своем существовании, ибо это равносильно нарочитой дразни дичью своего охотника.]

§ О том, что предназначено не многим

Существование человечества можно сравнить с мчащимися по кругу поездами без тормозов и остановок, а прогресс, при этом, не более чем усовершенствование конструкции вагонов. Поезда – это государства, вагоны – социумы населения. Сила, служащая топливом для локомотивов, - стремление особей к жизни и сохранению вида, зиждущаяся на потреблении жизненных сил иных существ, включая представителей собственного вида. Все поезда следуют друг за другом по единственному замкнутому пути. Соразмерно государствам, локомотивы тянут за собой соответствующее численности населения количество вагонов, но суть конструкции и неизменность скорости у всех одинакова. В каждом поезде, вначале идут немногочисленные купейные вагоны, затем плацкартные, их больше, и так далее, в

соответствии со всеми проявлениями жизнедеятельности, вплоть до грузовых платформ. Одни, едут в купейных вагонах, другие в плацкартных, третьи в вагонзаксах. Машинисты управляют поездом, вагоновожатые занимаются пассажирами, распределяя их по тем или иным вагонам. У пассажиров каждого из видов вагонов свои обязанности, одни строят новые вагоны, другие усовершенствуют существующие, третьи занимаются обеспечением первых и вторых. Чем меньше пассажиров заботится о состоянии конкретного поезда, чем большая их часть является балластом, тем меньше вагонов у поезда, тем хуже их комфортабельность и больше плотность пассажиров каждого из вагонов. Мертвых и тормозящих поезд (диссидентов?) с поездов сбрасывают, освобождая место новому поколению. Родившимся – определяют место и первым делом знакомят их с правилами поведения в конкретном вагоне и поезде (воспитание, образование?). Как следствие, учитывая подобное положение вещей, возможность существования, хоть какого бы то ни было, выбора применительно к отдельной особи априори исключается. Содержание правил, наличие и зашторенность окон каждого из вагонов всецело зависит от уровня интеллигентности большинства пассажиров, применительно как к конкретному вагону, так и всему поезду, ибо для них, соразмерно их уровня развития мышления, таковые и существуют, неся в себе единственную задачу, заключающуюся в обеспечении движения конкретного поезда. Стоит поезду остановиться, или хоть чуть-чуть снизить скорость, как его тут же давит следом идущий.

Для большинства пассажиров поездов – мир, вся его сущность, значимость - это интерьер их вагона с зашторенными окнами, ценности – догмы, обозначенные правилами. Ибо только интерьер вагона для них доступная реальность, вид из окна, равно, как и собственная сущность, их не интересует. Перемещение по вагонам - вот что для них является ценностью, т.к. непосредственно воздействует на их чувственные ощущения от интерьера, комфортабельности, правил, устоев, а также пассажирского состава. Им нет никакого дела до причин собственных бесконечных стремлений, их истинного смысла, причин желаний, страданий, они слепо бегут по вагонам. Немногих озаряет любопытство к виду за окном, выражающееся в желании прорваться к зашторенному окну, дабы хоть раз заглянуть в образовавшуюся между шторами щель, позволяющую осознать окружающую действительность, а также причины бесконечного стремления поездов со всеми их пассажирами. И только разум единиц желает путешествовать сидя у окна без штор, с осознанием причин/принципов происходящего как внутри вагонов, так и за их пределами.

Понять, кто я есть и что «Я» такое, попробовать хоть на миг абстрагироваться от своего «Я», вот что является путеводителем к одному из открытых окон. Сквозь которое, с одной стороны можно увидеть путь, окружающую среду, другие вагоны, поезда, почувствовать скорость, с большей точностью определить, какой из вагонов наиболее соответствует конкретной индивидуальности. Но с другой стороны, неминуемо и лицемерие примитивности поездов, движущихся по кругу в бесконечном времени, с пассажирами, съедающими всех и уничтожающими все на своем пути, ради единственной цели, заключающейся исключительно в беспорядочной дележке мест в вагонах, возводя в ценность только их иллюзорное внутреннее убранство и содержание правил.

§ Границы дозволенного, выбор

Единственно, что может дать абстрагированное от «Я» познание мира, так это незначительное снижение страданий вызванных следствием влияния «Я» на оценку тех или иных событий, от физических же страданий, никакое познание уберечь не в силах. Страдания, вызванные физиологией, голод, неудовлетворенный половой инстинкт, боль, вызванная повреждением органов и т.п., в большинстве своем не устранимы, а частичное ослабление таковых, если и возможно, то только путем внешнего воздействия и лишь на незначительное время. Страдания же в разуме, умопостигаемые, находящиеся во власти «Я», устранимы по мере снижения доминирования последнего, ибо значительная часть страданий разума вызвана неудовлетворенностью стремлений (ожиданий), значение которым придано

исключительно человеческим «Я». И абстрагированное от «Я» обращение к функции мышления как раз и является тем способом, который в силах обесценить значительную часть стремлений, ценность которых была обозначена «Я». Как следствие, уменьшив этим и то количество страданий, которое приносит неудовлетворенность подобных стремлений. Правда, и все ликования, ощущения счастья, радости и т.п. трепетания эгоизма, вызванные удовлетворением его желаний, ценность которых была только им и обозначена, при снижении доминирования последнего, как и в случае с аналогично вызванными страданиями, также будут обесценены. Можно сказать, что практичность, будучи следствием осмысленности, вытеснит неумеренность, основывающуюся, в большей части, на иллюзорности и лениности особи в своем обращении к функции мышления. И это не так уж и мало, как могло бы показаться.

Голод, к примеру, устраним, конечно, не будет, но придание мышлением значения качеству пищи, ее натуральности и простоте, уменьшит страдания вызываемые ненасытностью в изысканности. Равно как и с половым влечением, ненасытность в разнообразии уступит место размеренности и качеству. Ненасытность в материальном обогащении, уступит место адекватной оценке, отделяющей реально необходимое от лишь обременяющей блажи. Придаваемое чрезмерное значение мнению окружающих, сменится пониманием примитивности сущности и иллюзорности такового. И так, практически для всех проявлений жизнедеятельности, приводя сознание к пониманию того, что бессмысленно сжигать себя в переборе или выдумывании правил для игры заведомо не предполагающей выигрыша, и что путь к умиротворенности от процесса вне игры, созерцанию представления называемого жизнью в театре природы, выглядит куда благоразумней.

Давая возможность обратиться к функции мышления, абстрагировано от «Я», природа и в этом демонстрирует свою последовательность, предоставляя, весьма однозначный, выбор: «Ты хочешь знать, что ты такое, зачем ты существуешь, что есть твое «Я» и чего оно стоит, ты возжелал почувствовать глубину чистого созерцания? – Обращайся к мышлению абстрагировано от своего эго, и оценивай свою жизнедеятельность с позиции холодного разума. Но и про обратную сторону страданий – об удовольствиях, не забывай. Чувствительность к ним ты будешь уничтожать по мере абстрагирования от их источника - своего эгоизма. Ты не будешь ждать от людей того, что им не свойственно по их природе. Ты не будешь искать мотивы их стремлений и поступков. Исчезнет необходимость в доверии или недоверии. Ты не будешь разделять себя и других, делить людей на своих и чужих, врагов и друзей, злых и добрых, умных и глупых, праведных, святых, тиранов и злодеев. Ты не будешь возмущаться поступкам людей, в чем бы таковые ни заключались, так же, как ты не удивляешься собаке, лающей лишь потому, что она собака. Ты не будешь испытывать надежд, ибо ты будешь знать, что все, что может случиться, давно уже произошло. Тебе не испытать страстной любви, ибо в ней ты будешь видеть только иллюзорно сфокусированное стремление своей природы к сохранению вида. В каждом, даже самом мерзком поступке людей, ты будешь видеть себя, находящегося в рабстве своего же «Я». И осознание того, что ты и они, есть одно неделимое, рано или поздно убьет в тебе даже намеки на то, что когда-то ты называл любовью или неприязнью к себе и окружающим тебя людям, уступив свое место непоколебимому и взвешенному отношению к окружающим, ибо поводов для симпатий/антипатий будет становиться все меньше и меньше. За любой ценностью или роскошью ты будешь видеть миллионы загубленных жизней, отданных за наделение каждой из подобных вещей этими качествами. Ты будешь беден для других, твоего истинного богатства практически никто и никогда не оценит. Ты будешь тихо и умиротворенно ждать своего смертного часа, удовлетворяясь единственным утешением в своей возможности чистого созерцания того, что представляет тебе твой мозг в виде мира. Не исключено, что ты даже сможешь увидеть реальный мир, так, как его видят животные, не наделенные иллюзией индивидуации. Умиротворенность – это, пожалуй, то, что можно будет считать наградой тебе от твоего разума. Возможно, тебе представится случай, и ты встретишь схожий разум, что несколько скрасит твое существование, расширив разносторонность и многообразность

мысли, но вероятность этого ничтожна. Насколько для тебя ценна умиротворенность в возможности чистого созерцания, настолько будет вероятным и твой выбор между «Я» и его отсутствием. Но чтобы ты не выбрал, знай, что сама возможность этого выбора существует только благодаря твоему «Я», и полностью оно тебя не отпустит. Пока существует твое «Я», есть и выбор. Тебе если что-то и доступно, то только лишь умеренность в доверии к собственному «Я» и редкие минуты абстрагированного от «Я» мышления. Полное же отрешение от «Я» и есть смерть. Твоя единственная награда – мгновения умиротворенности, и не более того.»

Как бы подсознательно, в той или иной степени, существование подобного выбора, ощущалось человечеством во все времена. Другое дело, что степень эта прямо пропорциональна численности населения. Умеренность в доверии к «Я», одно время, была не таким уж и исключительным явлением. До демографического взрыва, человечество могло похвастаться не только единичными внесистемными мыслителями, но и целыми поселениями, где абстрагированное от эгоизма мышление считалось нормой жизни. Но по мере увеличения численности населения планеты, подобных явлений становится все меньше и меньше, а в густонаселенных районах об этом не может быть и речи. В любом случае, во все времена выбор большинства был одним и тем же, и только единицы решались на умеренность в доверии к «Я», лишая себя того, что дает человеку его эгоизм в неограниченном положении. Любовь, страсть, радость побед, удовольствия от изысканных кушаний, бальзам злорадства, блаженства власти, славы, обладания роскошью, и, в конечном итоге - любовь к тому, что «Я» называет жизнью, с ее материальными ценностями и удовольствиями. Эгоизм совершенен в своей функции индивидуации, иллюзии разделения неделимого. Дав человеку мышление, в качестве инструмента выживания, природа позаботилась и о границах дозволенного в степени его использования.

Глава III

О возможности счастливого существования

§ Умиротворенность, созидание, ремесленники

Ощущение того, что умиротворенность является одним из самых действенных болеутоляющих от страданий, уготованных человеку его «Я», присутствует у любой особи на протяжении всего ее жизненного цикла. С рождения, пока еще не осознанно, ощущение вторичности «Я» проявляется при каждом пробуждении, а также в минуты увлечения каким-либо занятием. [Практически все люди знакомы с ощущением практически полной дезориентации во времени при сильном увлечении каким-либо занятием.] По мере взросления эти ощущения не пропадают, а к преклонному возрасту даже обостряются. На протяжении всей жизни каждая особь по-разному оценивает ощущения вторичности собственного «Я» и по-разному начинает использовать данную природой возможность уменьшения соответствующих страданий. В ход идут все доступные человечеству средства, включая крайности в виде применения психоактивных веществ и экстремальных увлечений в борьбе со скукой. Не беря во внимание крайности, к которым стоит причислить и возможность абстрагирования от «Я» при обращении к функции мышления (доступное только единичным особям), следует обозначить самый характерный для человечества вид деятельности, вызывающий абстрагирование от «Я» и ощущения умиротворенности, обобщенно называемый – созиданием. Ремесленник, увлеченный своим ремеслом, в чем бы таковое ни заключалось, в минуты погружения в процесс, способен практически полностью абстрагироваться от окружающей его действительности, и как следствие, от морально-этических оценок «Я» всего того, что заключается в памяти конкретной особи. Погружение в наблюдение за процессом смены материей своих форм, а во многих случаях с принятием в таковом и непосредственного участия, вызывает у ремесленника неподдельные ощущения себя как части процесса мироздания, что и есть умиротворенность. Последнее, ставит многих ремесленников на один уровень с гениями мысли, а подчас и выше, ибо если гениальность, являющаяся следствием нехарактерного для вида использования функции мышления, по сути - инвалидность, то талантливость ремесленника лежит всецело в рамках природы вида. Все самое лучшее, что смогло произвести человечество, было создано без «Я», этим и обуславливается то, что популярностью, в большинстве своем, пользуется посредственность, созданная в угоду эго, истинной же ценностью, наделяются единичные творения, созданные без участия эго.

§ Умиротворенность и женщины

Наряду с ремесленниками, умиротворение от собственной жизнедеятельности свойственно и женщинам в периоде взращивания потомства. Женщин вообще, по сути, можно отнести к ремесленникам, т.к. их природное ремесло куда более непосредственно созидательно, и точно также как и ремесленники женщины способны полностью погружаться в процесс до полного абстрагирования от окружающей их действительности. Особенно при учете того, что большинство женщин не обременено живостью ума по своей природе, что и избавляет их от многих страданий, вызванных неудовлетворенностью «Я», ибо количество последних всецело зависит от участия «Я» в мыслительной деятельности. [«Меньше знаешь - крепче спишь» было сказано в том числе и про них.] Наблюдая за своим выводком и принимая в его становлении непосредственное участие, самка, в отличие от самца, наиболее живо олицетворяет себя с видом, частью процесса сохранения которого она служит более непосредственно, чем самцы. На опыте это подтверждается тем, что наряду с врожденной хитростью, изворотливостью, коварством и беспринципностью, после первого же выводка и вплоть до окончания репродуктивного возраста, женщины, в целом, практически не

кровожадны. Ибо испытанное ими ощущение олицетворения себя с видом настолько живо, что отбивает желания смерти по отношению не только к представителям своего вида, но и к животному миру вообще. [На опыте это наиболее показательно в том, что женщины более сентиментальны в оценке окружающего животного мира.] Даже когда женщина и вынуждена своим «Я» прибегнуть к убийству, в большинстве случаев она выберет наименее кровавый способ и предпочтет яд кинжалу. Непосредственное участие в процессе вынашивания, рождения и взращивания потомства, позволяющее на фоне недалекого ума длительное (вплоть до окончания репродуктивного возраста) пребывание в состоянии умиротворенности, делает жизнь женщин в целом более счастливой, относительно предопределенной участи мужской части человечества.

§ Счастье и умиротворенность

Говоря о счастье как таковом, следует отличать то, что называется «Я» счастьем и что таковым может являться по своей сути, особенно при учете того, что само по себе существование каждой особи обусловлено только страданиями от вечной погони за улаживанием своего «Я» и физиологии, вечно остающимися неудовлетворенным. Если уж и можно считать что-либо счастьем, то только не сиюминутное улаживание «Я», по сути являющееся лишь мимолетным ликованием эго. Проведение же хотя бы трети жизни в состоянии умиротворенности, будучи избавленным от нескончаемых стремлений за все новым и новым эфемерным улаживанием «Я», вот, что только и может назваться апогеем того, что следует принимать за относительно счастливую жизнь. Прожигание же жизни в нескончаемой погоне за иллюзорным счастьем, достигая лишь сиюминутных впечатлений, можно назвать лишь каторгой собственного эгоизма и не более того. [Перед смертью не надыхишься.]

Фактически, «Я» называет счастьем - погоню за таковым, как следствие, истинное счастье если и возможно, то исключительно в воздержании от массового забега. Ведь умиротворенность, по сути своей, не возможна во власти и славе, ибо тщеславие, жизнь во мнении других «Я», также ничтожна, как и сама сущность других «Я», равно как невозможно умиротворение и в богатстве, разнообразии удовлетворения полового влечения, обжорстве, злорадстве, веселье, ощущениях от действий психоактивных веществ и т.п. Все мимолетное ничтожно, ибо остается лишь в памяти, мало чем пригодной для счастья в каждый текущий момент, т.е. в каждом настоящем. Стоит же попытаться растянуть во времени мимолетные удовлетворения, как природа, не заставив себя долго ждать, в том или ином виде, ограничит особь в ее притязаниях. [Создай человек таблетку для оргазма, как первый же испытавший на себе действие подобного вещества, не протянув и часа в состоянии оргазма, своим уходом в мир иной, передаст весьма недвусмысленное предостережение природы о том, что человеку дозволено, а что нет. Даже допуская игротеку в счастье для сознания, для «Я» особи, обусловленное воздействием на нервную систему психоактивных веществ, природа и в этом не многое позволяет человеку, неминуемо ограничивая жизнь заигравшихся. Равно как и во всех иных случаях использования человеком своей физиологии не по назначению. По большому счету, правило здорового образа жизни заключается не в многочисленных рекомендациях, наставлениях, учениях и т.п., а всего лишь в одном единственном каноне – не использовать свою физиологию никак иначе, кроме как по прямому ее назначению. При этом, не вводя себя в заблуждение, что даже незначительное злоупотребление хоть чем-либо из ее составляющих, останется незамеченным, и уж тем более, безнаказанным. Обману, заблуждению, а также любому другому проявлению иллюзорности, подвержено лишь то, что таковой и является. Обмануть можно свое «Я», но не свою природу.]

Не считая того, что счастливое существование само по себе относительно, т.к. полное избавление от страданий равнозначно смерти, так еще и крайне малодоступное в целом. И выражается это в том, что как минимум первую треть жизни, молодость, человек отдает

своему «Я» полностью и без остатка, ибо в этот период весь мир для него - это его собственное «Я», а ощущения вторичности «Я» настолько слабовыраженные, что на фоне бушующей страстями молодости особь еще не в силах придавать этому какое-либо весомое значение.

На пороге тридцатилетия происходит первая переоценка и наступает вторая фаза жизненного цикла, в которой особь либо продолжает повиноваться многочисленным стремлениям в утлажении ненасытного «Я», в чем себя окончательно теряет, либо, переосмыслив собственный опыт, находит для себя тот уровень доверия к «Я» который наиболее характерен для ее интеллигенции. На практике, первые и вторые отчетливо видны по своим оценкам своей молодости. Первые, вспоминая ту легкость в утлажении «Я», яркость чувств и впечатлений, окрашиваемых, как и все происходящее, для них их собственным «Я», восторженно вспоминают свое детство и юношество. Вторые же, относятся к этому периоду своей жизни несколько спокойнее и взвешенно, ясно понимая, что чрезмерное доверие своему «Я», кроме сиюминутных удовольствий, приносило и немалое количество страданий, которых, в случае умеренного доверия к «Я», можно было бы и избежать. В дальнейшем, это находит свое подтверждение в том, что практически подавляющее большинство «подающих в юношестве надежды» особей, к тридцатилетию сходит с дистанции, теряя себя в собственном же «Я».

В третьей части жизненного цикла, первые, отдавшие жизнь своему «Я» полностью и без остатка, коих подавляющее большинство, проводят свой остаток жизни исключительно в воспоминаниях о молодости и страданиях от болезней. Вторые же, не отдавшие свою жизнь целиком на откуп собственному «Я», сохраняют живость ума до последних дней, наслаждаясь возможностью умиротворенного существования недоступного в первой половине жизни. Последнее, крайне показательно на опыте тем, что большинство людей преклонного возраста представляют собой массу озлобленных особей, уповающих на свою горькую судьбу в ожидании приближающейся смерти. И даже когда их доверие к «Я» начинает трещать по швам, «Я», удерживая их в своей каторге, предлагает очередные иллюзии, давая надежду исстрадавшейся особи на некое царство счастья после смерти. [Хотя, в этом эгоизм достаточно последователен (честен), ибо после смерти «Я», страданий действительно уже не будет. Лукавство эгоизма, в этом случае, заключается лишь в недосказанности правды, заключающейся в том, что «Я» особи не узнает о том, что находится в царстве счастья, т.к. прекратит свое существование.] Воспевающие свою молодость, возводя последнюю в особый пример, они практически не выходят из состояния постоянного недовольства чем-либо, и даже когда объективных причин для этого нет, они находят причину недовольства в оценке поведения нового поколения, живущим, по их мнению, не так правильно, как это делали они. Они до последнего будут упрекать новое поколение лишь за то, что, по их мнению, у них не было того, что находится в распоряжении их детей и внуков. Им нет никакого дела до априорной неизменности человечества, они провели жизнь в каторге у своего «Я», которое удерживает их до самой последней минуты. И даже женщины, будучи природой наделенными возможностью умиротворения от процесса возвращения потомства, в завершающей трети своей жизни становятся практически обреченными на удел старческого страдания «Я». Попытки повторить ощущения, но уже в процессе возвращения внуков, в большинстве случаев, ожидаемого женщине не приносят, другие же источники умиротворенности, для большинства из них, недоступны по физиологическим причинам. Добродушные старики, смотрящие на мир умиротворенным взглядом с сочувствующим и снисходительным отношением к новому поколению, испытывающему те же терзания, что выпадали и на их долю, такая же редкость, как и истинно талантливые ремесленники.

Как это было бы не прискорбно, но для большинства людей счастливая жизнь не более чем иллюзия страны с молочными реками и кисельными берегами, в которой им никогда не бывать. Желая удовольствия прям здесь и сейчас, давая волю ненасытности своего «Я», будучи ленивыми, особенно в обращении к своей функции мышления, люди бросаются в

погоню за убегающим счастьем и бегут за ним до изнеможения, никогда его не достигая, чем собственно и выполняют свою, природой обусловленную, задачу, т.к. именно слепая погоня наиболее способствует природе в стремлении сохранения вида. Природа недвусмысленно показывает человеку его предопределенное назначение, предоставляя выбор только на уровне средних лет, когда особь уже послужила виду и может позволить себе хоть малую награду. Но большинство людей не находит удовлетворения в малом, предпочитая продолжить погоню за иллюзорным большим.

§ О рецепте счастья

Споры о рецепте человеческого счастья велись во все времена. Это своего рода общечеловеческая забава, рассуждать о счастье под влиянием того, что является его главным врагом, и гнаться за тем, что погоней недостижимо. Всеобщий обмен иллюзиями о счастье напоминает рынок фальшивых товаров, наводненный фальшивыми деньгами. Каждая новая иллюзия лишь усугубляет иллюзорность прежних рецептов и так по кругу в бесконечность. И нет ничего удивительного в том, что ни достижение чего бы то ни было, нарекаемого неким счастьем, ни отсутствие оно, равным счетом ничего не меняет. Даже получив желаемое, эгоизм тут же его обесценивает и вынуждает снова пуститься в погоню за очередной целью. Хуже того, эгоизм никогда не остается в стороне, так и норовит, даже не вопрошающего, отправить в путь за счастьем. И чем моложе это особи, тем более оно желанно в качестве такой жертвы. Эгоизм никогда не забывает озадачить каждую новую особь пуститься в поиски рецепта счастья.

Верх наивности вопрошать, кого бы то ни было, о рецепте счастья. Что счастье для одного, то может оказаться страданием для другого, либо, что чаще и происходит, мимолетное счастье одних, достигается исключительно по средствам страданий (уже совсем не мимолетных) других, а порой, счастьем для одного как раз и является страдание другого. Но об этом мало кто задумывается. Можно только догадываться, какую часть общего информационного пространства, касающегося наставлений о счастье, составляют рецепты, хотя бы относительно безопасные для жизни. Более того, желаемое, как правило, приносит с собой не только объект вожделения, но и сопровождающие его особенности обладания. На этот счет, даже существует вечное правило, из века в век подтверждающееся опытом – быть осторожным с желаниями, ибо таковые могут и исполниться. Обращаясь к иллюзии за иллюзией наивно полагать, что в результате получится что-либо реальное. В конце концов, эгоизм же не может дать откровенный ответ, заключающийся в одном простом утверждении – счастье будет тогда, когда не будет меня.

§ О счастье в богатстве

Показательнее всего массовый забег за счастьем проявляется на примере самого популярного рецепта – доминирующей иллюзии о счастье заключающего в богатстве. Большая часть населения планеты, несущая на своих плечах страдания нужды, вопрошает о материальном благосостоянии, а та мизерная часть, которая его реально имеет, борется с теми страданиями, которые приносит с собой это самое богатство. Если минимум пропитания люди еще способны хоть иногда распределить между собой, не поубивав друг друга, коснись же дело значимых материальных благ ни о каком здравом смысле речи уже не идет. Океан бесполезных рецептов повествуют о том, как стать богатым и счастливым, но редко в каком из них упомянуто предостережение, заключающееся в том, что перед тем как нажать какие-либо блага, следует также подумать и о том, какой «геморрой» они принесут вместе с собой. Опыт неопровержимо доказывает правило, что за любые деньги, даже за самые малые, приходится отвечать соразмерно способу их извлечения. Тяжелый труд – отнимет здоровье. Обман, разбой и воровство – «свободу и жизнь» (во всех смыслах). Лишь только творческий путь, в редких случаях, ограничивается только временем. И чем выше

благополучие конкретной личности, относительно уровня достатка основной части населения, тем выше и опаснее по возможным последствиям риск. Заведомо большие же деньги, никогда не бывают одни, их всегда сопровождают их верные спутники, война, страдания и смерть. В мире больших денег моментальная физическая смерть это самый легкий исход страданий. Мир больших денег это расцвет эгоизма в высшей степени его возможного проявления. Если эгоизм подростка, разрывающий своими страстями сознание молодой личности, это лишь росток, то участь обладателя значимых капиталов это созревший плод, воплощающий собой апогей эгоизма, подвергающей обладателя к страданиям не от нужды, а от отсутствия таковой. Если страдания от нужды вызваны физиологическими потребностями и в принципе однозначны (тупо хочу жрать), то страдания от скуки и осознания безысходности, безмерны в своих проявлениях (хочу хоть что-нибудь захотеть, но не в силах, все не то). Осознание невозможности чего-либо возжелать воистину самое мучительное для «Я» явление. «Я могу позволить себе все, но я не в силах возжелать и малого» - вот, что готовит эгоизм обладателю того, что все человечество считает счастьем.

Обладание любым объектом, не являющимся общедоступным, несет вместе с мнимым, сиюминутным счастьем еще большие страдания нежели, чем неприятности от погони за таковым. [Собственность обременяет.] Чем дороже объект обладания (чем большую ценность набил ему эгоизм) тем больше придется вкладывать сил в его сохранность, а обладание некоторыми объектами, вполне способно угрожать и жизни обладателя. Показательнее всего в этом смысле – золото. Набивши этому металлу эстетическую и морально-этическую ценность, эгоизм, из века в век, проливает реки крови купившихся на эту иллюзию. Причем золотом эгоизм не ограничился, кровавый фонд иллюзорных ценностей возрастает пропорционально увеличению популяции.

Вполне можно понять людей, кто оценивает золото, и прочие редкие ископаемые, с особыми качествами, придавая подобным ресурсам ценность в промышленном использовании. Отчасти, можно понять и тех, кто покупает дорогие ископаемые в целях сохранности капиталов. [Ведь редкие ископаемые, золото, платина, алмазы и т.п., в некоторых случаях промышленного использования просто не заменимы. И если что-либо и может иметь оправданную ценность, то исключительно в практическом плане, т.е. в качестве промышленного использования. Любая ценность, базирующаяся на иллюзорных морально-этических и надуманных эстетических признаках, таковой, по сути, являться не может. И уж тем более верх безрассудства - проливать кровь за подобные иллюзии.] Но значительно тяжелее понять людей, использующих редкие ископаемые в качестве украшений собственного эгоизма. Ведь, по сути, использование любой драгоценности в демонстрационных целях потехи собственного эгоизма, не что иное, как демонстрация окружающим собственного тщеславия и подверженности комплексу неполноценности. Иначе как можно назвать использование чего-либо лишь в целях утверждения выдуманного себя в иллюзорном мнении других. Любителя украшений, ценность которых обуславливается в большей части редкостью ископаемого и его стоимостью, равно как и других драгоценностей, используемых в целях утешения собственного тщеславия, можно уподобить охотнику, развешивающему на стены своего дома чучела убитых им животных. Только в случае тщеславного раба драгоценностей эгоизма, на стены ему следует развесить срубленные головы поплатившихся за иллюзорную ценность бездушных людей, а надеть его пассивной колье, можно уподобить намотанным на ее шею кишкам тех, кто отдал жизнь за все ту же иллюзию. Золото, равно как и все иное драгоценное, используемое для демонстрации некоего благополучия, это своего рода маркер эгоизма, подчеркивающий недалекость и алчность его обладателя. [Что можно сказать про внутренний мир человека, на руке которого красуются часы стоимостью эквивалентной тысячам жизней. На его фоне боевой пес с золотой цепью на шее выглядит котенком.] Когда человек отказывается от мяса, кожи, мехов и т.п. под влиянием сопли о спасении животных, это заблуждение, ибо он плотоядное существо от природы. Но когда человек отказывается кичиться кровавыми атрибутами эгоизма, это не иллюзорность, это отказ от таковой, это дань, и так

пребывающему не в почете у людей, разуму. [Вегетарианцам вообще можно порекомендовать, дабы те были последовательны в своих соплях до конца, отказаться также и от жизни в городах, от использования средств передвижения, гигиены, лекарств, энергоносителей и т.п., что, так или иначе, вредит животному миру. Жизнедеятельность человека отнимает жизнь у куда большего количества животных, нежели чем того, которое приходится на его пропитание. Спасая корову, отказываясь от употребления говядины в пищу, вегетарианцу следует также позаботиться и о людях, жизнь которых ежедневно потребляет все то, что он называет прогрессом. Но как показывает опыт, вегетарианцы остаются таковыми только для понта. Истинных вегетарианцев, если и можно где-либо отыскать, так это на необжитых человеком территориях, проводящих свою жизнь в полном отрыве от так называемой цивилизации.]

Зависимость, и даже обусловленность внутреннего мира, обладателя от обладаемого проявляется абсолютно во всех сферах жизнедеятельности человека. Пока потребности не велики, не велики и страдания, вызванные погоней за удовлетворением таковых, но по мере увеличения объемов обладаемого, увеличиваются и потребности «Я». Чем чаще удовлетворяется эго, тем ненасытнее оно становится, и тем больше страданий приносит своему обладателю, все меньше и меньше обращая внимание на затраченные средства и принесенных в жертву. [Все потребительское кредитование, являющееся, по сути, мошенничеством, построено на том, что один эгоизм, дразнит другой эгоизм, возможностью исполнения желаний прямо здесь и сейчас. Не удивительно, что весь, называющий себя цивилизованным, мир погряз в долгах.]

Ненасытностью, подкрепленной недалекостью в развитии, обуславливается такое массовое явление как жажда приобретения чего бы то ни было, либо вообще без затрат, либо приобретение чего-либо за заведомо меньшие затраты, нежели чем это должно стоить. В жаргонном выражении – жажда халявы. Только глупец может задаться вопросом - почему в океане производимых мировой индустрией продуктов потребления лишь мизерная часть может нести в себе признак качества. Вся мировая индустрия работает на удовлетворение жажды халявы потребителя. В силу недалекости, потребителя больше волнует ощущение от приобретения чего-либо за меньшее, чем реальные качественные показатели того, что скрывается за оберткой. Вот почему истинное дерьмо в красивой обертке, называющее себя медом, имеет максимальное признание потребителя. И единственным ответом на вопрос потребителя - почему меня пытается обмануть практически любой производитель и продавец - будет ответ - потому, что ты хочешь быть обманутым, твое существование без этого немислимо. Заблуждаются те, кто полагает, что халявность исходит от жадности или скупости. Халявности подвержены даже те, кто по сути своей не наделен чрезмерной жадностью и тем более скупостью. Основой халявности является исключительно игла потребления, а уже жадность и скупость являются ее усилителями. Чем умеренней человек в своем потреблении (и тем более отдален от вещизма), тем меньше он подвержен к потреблению некачественных товаров, и тем реже он становится жертвой предприимчивых охотников за содержанием кошелеков ненасытных потребителей. Если проследить причинно-следственную связь возникновения основы халявности, то верным утверждением будет то, что по уровню халявности можно с достаточной точностью судить о развитии конкретного индивидуума, вне зависимости от его социального и/или материального положения. Первым признаком о теоретической возможности прозрения конкретного потребителя будут слова «я счастлив в том, что эта вещь не моя» относящиеся к предмету не несущего острой жизненной необходимости, но обладающего исключительной ценностью набитой «Я».

Не менее пагубной относительно жажды халявы выглядит и вечная погоня за некой удачей. Ведь только вдуматься, а что есть везение? Вероятность нахождения на улице чемодана набитого золотом примерно равна вероятности попаданию в меня молнии, что, кстати, более вероятно, чем выигрыш в лотерею. То же самое можно сказать и об инвестициях в супер доходный бизнес, приносящий быстрый и высокий доход. Расчет на везение, это что-то

вроде билета «в никуда». Существует очень мудрая теория, гласящая о том, что лучше всего получается то, что делается без установки на успех, и тем более без ориентированности на какую-либо материальную выгоду. Выигрывает тот, кто меньше всего заиклен на победе. Удача не любит тех, кто ее домогается. Все самое лучшее было сделано от себя внутреннего, и в большинстве своем исключительно ради самого процесса. Вкладывая все силы в некую установку на победу, отдавая всего себя целиком, рискуя собой, следует, прежде всего, задаться вопросом об оправданности цены такой победы. Тем более, что, по сути, заведомо в проигрыше все, ибо конец у всех один и тот же. Жизнь «так как будто ты уже умер», выглядит куда более оправданной, чем беготня за призрачной удачей с высочайшим риском полной потери себя в этой абсолютно никчемной погоне.

Нищему и голодному радость от приема пищи выпадает, чуть ли не при каждой трапезе, сытый и обеспеченный же, перепробовавший все на свете, практически обречен на страдания от отсутствия возможности получения радости от приема пищи («чего бы еще такого попробовать»). Обладание излишне большим недвижимым имуществом приносит с собой заботы о его содержании, обладание движимым имуществом (от предметов роскоши до средств передвижения) приносит с собой проблемы обеспечения сохранности, и в большинстве случаев, не только имущества, но и жизни обладателя. Обладание крайне привлекательной внешностью и нарочитое акцентирование на этом внимания окружающих, навлечет на обладателя чрезмерное, порой крайне не адекватное, а то и откровенно агрессивное, внимание особей, как своего, так и противоположного пола. Обладание разительно красивым половым партнером, в условиях социальной активности, обречет практически любой брачный союз на страдания от ревности. Использование возможности разнообразия в сексуальных отношениях, рано или поздно, нешуточно озадачит похотливого ходока заботами о здоровье, а за ними вознаградит и физическими страданиями, вызванными болезнями. Обладание властью принесет с собой нескончаемый страх, переходящий со временем в полную бесчувственность, убивающую практически все проявления жизнерадостности. Использование возможности борьбы со скукой по средствам экстремальных увлечений, рано или поздно вознаградит любителя адреналина страданиями от физических увечий. Даже обладание потомством, и то, далеко не радужно счастливое, ибо кроме радости и приятных хлопот, таковое приносит с собой и огромное количество различных беспокойств, а порой и нешуточное горе.

Воистину же величайшим заблуждением людей является то, что «холодный разум» воспринимается за инструмент, наделяющий особь крайней циничностью и обеспечивающий, тем самым, возможность обогащения не обремененную всевозможными соплями. Большого заблуждения относительно холодного разума и представить себе нельзя. Насколько надо быть недалеким, чтоб уровнять циничность, являющуюся по сути своей крайней степенью самовлюбленности эгоизма, или, того хуже, проявлением психической дезорганизации особи, с последовательностью в оценке окружающей действительности. Возможно именно потому, что большинство людей понятия не имеют, что есть разум и тем более в чем может заключаться его холодность, и рождаются заблуждения, наделяющие представления о разуме «лучшими» качествами эгоизма в условиях его отсутствия. Хотя бесспорно то, что циничность, достаточно часто является частью комплекса, обеспечивающего материальное обогащение, но к разуму она не имеет никакого отношения. Циничность и отсутствие подверженности к влиянию всевозможных иллюзий совершенно разные вещи.

§ Счастье в обладании живыми существами

Отдельно стоит выделить один из самых зверских пунктов рецепта человеческого счастья – обладание другими живыми существами в развлекательных эго целях. Вот где разворачивается кровожадность, жестокость и примитивность человеческого «Я» во всей своей неприкрытой, мерзкой и иллюзорной сущности. Животные, в огромной массе,

становятся невольными жертвами человеческого эгоизма, отдавая жизнь всего лишь в угоду мимолетных иллюзий человеческого «Я», начиная от борьбы со скукой и заканчивая удовлетворением безмерного злорадства, доходящего порой до непостижимого в своей жестокости садизма. Эгоизм человека считает вполне оправданным удовлетворение собственных иллюзий (амбиций) за счет чужой жизни, и если по отношению к представителям своего вида жестокость и кровожадность хоть иногда имеют пределы, то по отношению к живым организмам других видов человеческий эгоизм абсолютно беспределен. Такое впечатление, что человек плотояден не только физиологически, но и сам эгоизм человека немислим без кровожадности. У «Я» человечества имеется целый список забав, перешедших со временем в общечеловеческие культы, сущность которых заключается в мучении и уничтожении животных исключительно ради потехи эго. Здесь и культ охоты (будучи в некотором прошлом вполне оправданным, ибо целью убийства животных служила добыча пропитания, но с развитием животноводства, снизошедшего до уровня неоправданной по своей сущности забавы); и содержание животных в качестве домашней игрушки (будучи некогда вполне оправданным, содержание животных в хозяйственных целях, со временем перешло в забаву бесцельного заточения животных в стенах каменных джунглей); и проведение всевозможных шоу (от относительно невинной, по сравнению с остальными потехами, демонстрации возможностей дрессировки, до вполне нешуточных кровавых боев); и бесцельные эксперименты (включая селекцию), коллекционирование, индустрия производства чучел, сувенирной продукции и т.п., вплоть до воистину безмерного по своей жестокости и бессмысленности, убийства животных ради уникальных частей их организма (рогов, клыков, бивней, хвостов и т.п.) используемых лишь в качестве украшений эго.

И, казалось бы, даже во вполне оправданных целях производства одежды, эгоизм не преминул внести свою лепту, наделяя ценностью вещь исходя ни сколько от ее потребительских качеств, сколько от редкости убитого животного. Доходит до того, что огромное количество людей, невзирая на несоответствие одежды, выполненной из шкур редких животных, климатическим условиям, кичатся тем, что их эгоизм позволяет себе, исключительно ради понта, использовать абсолютно не нужную им для согревания одежду, в ценность которой возведено лишь уничтожение нескольких десятков редких зверьков. Миллионы людей по всему миру, и даже проживающие в условиях субтропического климата, умудряются накинуть на себя меха, практическая ценность которых проявляется только при крайне низких температурах, лишь температура приблизится к около нулевым отметкам. Если в северных широтах это хоть чем-то оправдано, то разгуливающие в мехах по Риму или Барселоне «дамы» и «господа», при температуре располагающей лишь к незначительному утеплению, кроме памятника безрассудству более ничего не заслуживают. Даже в повседневной жизнедеятельности, в угоду борьбы с одиночеством, состоянием наедине с самим собой (лицезрения собственной мерзости и ничтожности), особи человеческого вида, с атрофированной функцией обращения к мышлению, находят себе мнимое утешение их эгоизма, заводя себе в качестве игрушки живой организм, чем обрекают животное на пожизненную городскую каторгу. [Ежедневное улюлюканье животного, заточенного в четырех стенах городской квартиры, подобно улюлюканью надзирателями заключенных тюрьмы строгого режима содержания.] Ведь если только вдуматься, насколько велика индустрия поставки живых домашних игрушек, и то, что она представляет собой по сути применяемых технологий и методов, то ужас может охватить даже самый циничный разум. Ситуация усугубляется, если страдания человеческого «Я», не ограничиваясь одиночеством, дополняются комплексом неполноценности. В таких случаях, эгоизм не ограничивается простой игрушкой, он обзаводится игрушкой с боевыми качествами. В итоге, улицы городов просто переполнены результатами игротехи человеческого эгоизма. Здесь и обыватели, с жертвами селекции (полу собаками, полу не пойми с кем); и дебилы, с комплексом неполноценности, с боевыми пародами собак (эти «господа» периодически пополняют окрестные больницы и кладбища результатами реакции их питомцев на

потенциальную дичь, в виде как чужих, так и собственных детей); просто городские сумасшедшие, возомнившие себе, что истинное счастье в стае кошек или собак размещенной в городской квартире; и замыкают этот парад демонстрации вариаций отсутствия интеллекта на фоне беспредельного эгоизма, те, кто умудряется притащить в каменные джунгли рептилий и заведомо диких хищников. Но все же, больше всего, в этих видах игротеки эгоизма, выделяются владельцы боевых пород собак. Ибо кроме борьбы с комплексом неполноценности и скукой, дебилы, за счет лицемерия страха окружающих вызванного видом их питомца, пытаются удовлетворить еще и собственное злорадство. А некоторые из таких, еще и не упускают случая спустить боевого пса с привязи, дабы насладиться картиной кровавой расправы животного над другим живым существом (в ряде случаев – человеком, и в особенности ребенком). Все рассказы о том, что боевое животное требуется для охраны некоего особо ценного имущества, не выдерживают даже непоследовательной критики ребенка, ибо прогресс уже давным-давно предлагает куда более эффективные и при этом безопасные для окружающих средства защиты. Что еще более интересно, так это то, что только в некоторых государствах, увечья, причиненные человеку питомцем другого человека, расцениваются как значимое уголовное правонарушение с вытекающим весьма жестким наказанием. Во всех же остальных случаях, общество лояльно к подобному явлению, озадачиваясь наказанием все больше тех, кто много и громко возмущается, поощряя безнаказанностью того, кто молча поднимает голосующую руку.

§ Счастье в обладании себе подобными

Любовь «Я» человека к обладанию животными в развлекательных целях, последними, не ограничивается, и апогеем развлечений, конечно же, является обладание себе подобными. Как и в случае с животными, у человеческого эго на этот случай также целый набор потех, а то и больше. Здесь и разветвленная индустрия работоторговли, окутавшая своей паутиной весь мир (от торговли прислужкой до поставок женщин и детей в бордели); и глобальная индустрия шоу бизнеса (от относительно невинных спортивных соревнований до кровавых боев); и нешуточный рынок трансплантатов (где на один относительно «законный» трансплантат приходится сотни, добытые более тривиальным путем); и рынок живых секс кукол (для «состоятельных господ»); и целая индустрия «боевых псов» (уж больно любят некоторые «Я» собрать себе на потеху собственную мини армию и устроить где-нибудь войнушку); ну и конечно же – охота, с наивысшим по своей жестокости и циничности проявлением – рынком чучел.

Обывателю невдомек, что те, кого он считает за хранителей своей безопасности, по сути своей – оружие, и испытывают его далеко не только на полигонных мишенях. Он не задумывается о том, куда ежедневно пропадают тысячи без вести пропавших. Ему нет никакого дела до того, на что переключаются развлечения тех, уставших от приевшихся потех, кто им самим же, обывателем, выделен в стан не обремененных законами элит. Равно как мало задумывается обыватель и о реальной судьбе участников шоу, которые ему так по сердцу. А все потому, что и самого обывателя, жажда в обладании себе подобными не обошла стороной, проявляясь практически во всех областях его жизнедеятельности. Здесь и желание обладания «красивым» партнером, в качестве куклы (во всех смыслах), а многие, не гнушаются подобным отношением и к детям; и повсеместная жажда к руководящим должностям, а также профессиям, предполагающим, хоть какую бы то ни было, власть; и повсеместно практикуемое коллекционирование сексуальных контактов; и даже, ранее упомянутая, безмерная жажда злорадства у подростков, не упускающих шанса помучить своих более слабых собратьев. Сюда же следует отнести и женщин, рожающих «для себя» (практически от скуки, спасаясь от собственной пустоты и никчемности) на грани окончания репродуктивного возраста с риском неполноценности плода, превышающим все мыслимые пределы. [Ей все равно, что она обрекает новую жизнь на нескончаемые физические страдания, рожая ребенка с какой-либо гарантированной инвалидностью после 40-ка, а то и

после 50-ти летнего возраста, лишь для того, что захотелось ей полюлюкать живую куклу. Картина маслом – бульвар в мегаполисе, грузные, серые и безликие здания, грязь, оттепель, дама преклонного возраста, с ожирелым от обжорства телом колобка, одетая в длинную нарочито утянуто подпоясанную соболиную шубу, присыпанная с ног до головы золотишком и камнями, со своим младенцем в коляске и питбультерьером без поводка и намордника, покуривающая цыбарку, и будучи занятая разговором по телефону, не видя никого вокруг себя, цокает себе по мостовой каблучками сапог из редчайшей рептилии, идя в даль каменных джунглей, не известно куда и не известно зачем.]

Но больше всего, где проявляется жажда обладания себе подобным, так это в брачных союзах. Деспотичное отношение к партнеру, в большинстве случаев со стороны мужчины, является либо естественной нормой, либо, для некоторых обществ, единственно возможным. Случаи же доведения участи детей до положения, которому не позавидовали бы и рабы, настолько обыденны, что порой не вызывают у общества даже капли удивления. Бытовое насилие настолько распространено, что значительная часть насильственных действий за насилие не принимается. И ничего в этом смысле от века в век не меняется. Даже практикуемая в некотором прошлом еженедельная профилактическая порка, а также иные подобные явления, лишь трансформировались, оставшись неизменными в сути. Чем ничтожнее «Я», тем большим насилием в семейном союзе это оборачивается.

§ О возможном рецепте счастья

Очевидно, что существуй рецепт счастья, он ни в коей мере не может касаться ограниченного и частного, ибо стремления к таковым оборачивается не более чем бессмысленной, а главное бесполезной, беготней осла за вывешенной хитрым наездником перед мордой морковкой. Ни улаживание физиологии, ни обладание чем-либо конкретно определенным, никогда не смогут обеспечить человеку хотя бы относительно умиротворенное состояние. Во всяком случае, пока существует эгоизм со своей заведомо неустранимой ненасытностью.

Так возможно ли хотя бы относительно счастливое существование человека при невозможности полного абстрагирования от эгоизма, и в особенности притом, что само ощущение счастья является лишь частной реакцией самого же эгоизма? Существует ли веками искомый людьми рецепт счастья? Вне всякого сомнения – да и для всех. Ибо рецепт счастья это всего лишь обратная сторона рецепта страданий. Если фокусом стремления к счастливому существованию является ограниченная частность – неприятные ощущения от неудовлетворенного стремления неминуемо будут оборачиваться еще большими страданиями при достижении каждого желаемого, т.к. ненасытность эгоизма заведомо неустранима. Ограниченность – основной возбудитель обострения ненасытности эгоизма, обрекающей человека на еще большие страдания после каждой передышки на частном. Но если же фокусом стремления не является нечто ограниченное, непрерывно удовлетворяющее вечную жажду эгоизма и фактически его отчасти пресыщающее (аналогично вкусовому пресыщению), относительно спокойное умиротворенное состояние, что только и можно назвать счастливым существованием, вполне достижимо. [Пока одни сжигают себя терзаниями выбора и борьбой за обладание чем-либо ограниченным их средой обитания, другие, заняты расширением последней всем тем, что только и позволяет им их безграничная, по сути, фантазия. Проиграют в конечном итоге и те и другие, ибо конец у всех одинаков, но совсем другое дело – какой ценой. Умирающие в грунте слепорожденные кроты, конечно же не в курсе того, что такое умереть в небе птицей, да им и дела до этого никакого нет.]

Рецепт счастья можно абстрагировано уподобить монете с выдавленным изображением. Где яркой, лицевой стороной, является то, что может быть окрашено эгоизмом, т.е. частности - мыслимый номинал изображенного на монете, а темной стороной, является тыльная часть выдавленного изображения – его сущность, т.е. то, на чем краски эгоизма не держатся, то,

для чего не существует мыслимого номинала. Оценивая монету, эгоизм ограничивается только выпуклым - изображением, ибо только ему он способен придать мыслимое значение – номинал (позитив), чем только и может придать ценность монете, тыльная же сторона выдавленного изображения (негатив), им адекватно оценена быть не может. Поэтому то, эгоизм всегда смотрит только на лицевую сторону монеты, ибо ценность ее для него только в мыслимом номинале изображенного, оставляя недоступной для своего послушного раба сущность монеты в целом. Отсюда и то, что абсолютно одинаковые по сущности монеты, могут иметь для эгоизма разную ценность, и только для него они порой превращаются в медали и ордена. Обычная монета, кусок металла с выпуклым изображением, пустышка, наделенная иллюзорной ценностью, превращается в объект вождения послушников эгоизма, доведенная же в наделяемой эго ценностью до уровня медали за поклонение или ордена за заслуги, превращается в маркер для его рабов. Монета эта, выдается каждому, но мало кто в силах отказать ее номиналу, яркой стороне. Эгоизм заманивает красками в забег за номиналом, оставляя истинное значение, сущность, в тени. Сама суть эгоизма, это приманка номиналом (абсолютно во всем), придание таковому максимальной яркости, иллюзорной ценности, необходимости, и все это за счет сокрытия сущности. Сознание, не способное к абстрагированному от эгоизма мышлению, всегда покупается на номинал, и никогда не задумывается о сущности, ибо он даже не знает о ее существовании.

Ремесленник, будет счастлив до тех пор, пока в нем живет стремление к творчеству, которое не имеет четко обозначенных границ. Фактически, относительно жизни человека, ее продолжительности и сложности, творчество можно назвать безграничным, ибо границы абстрактного мышления человека настолько обширны, что не хватит и тысячи жизней, дабы человек смог хотя бы приблизиться к таковым. Мастер, будет счастлив до тех пор, пока для него существует его дело (если конечно само дело не является источником страданий, что в большинстве случаев и наблюдается на опыте). Обыватель же, пассажир жизни – счастливым не будет никогда, ибо все его стремления к счастью сфокусированы на проходящие частности. Скорее счастье обретет раб силы, чем раб эгоизма.

Композитор, описывающий своей музыкой идеи мироздания, будет счастлив до тех пор, пока для него существует мир и музыка. Поэт, будет наслаждаться полетом своих мироощущений, до тех пор, пока он видит гармонию мира, выражаемую им в песне слов. Писака же, слагающий свои простейшие мотивчики и стишки на потеху толпы, не обретет умиротворенности никогда, ибо его существование зиждется всего лишь на иллюзорных потребностях ненасытного и заведомо неблагодарного эгоизма толпы. Возводимое в угоду соответствия потребностям иллюзорного внешнего, никогда не удовлетворит свое внутреннее, и лишь опустошит его. На опыте это подтверждается тем, что лучшие произведения обретают свою ценность только в веках, популярное же в толпе, бесследно в таковой и теряется, вместе со своим создателем.

Свободный изобретатель, будет счастлив до тех пор, пока его дух захватывают бесчисленные вариации применения законов природы. Не менее будет счастлив и ученый искатель, погруженный в изучение безмерной в своих проявлениях природы. Но не быть счастливым тому, чьи изобретения и изыскания всецело мотивированы не погружением в сущность мироздания, а удовлетворением иглы потребления иллюзорного эго. На опыте это всегда подтверждается тем, что самое лучшее, что создал человек, было создано в угоду потребности проникновения разума в явления природы, и самое худшее, подчас ужасное, было создано в угоду попыток подчинения последних эгоизму. [Тот же «мирный атом» всего лишь следствие гонки вооружений, кровожадности эгоизма.]

Производитель, будет счастлив до тех пор, пока обстоятельства будут позволять ему наслаждаться самим процессом стремления к изготовлению лучшего из возможного, не заставляя возводить в основополагающую цель исключительно соответствие запросам эго потребителя. Ибо таковые, лишь аркан эгоизма, приготовленный для спекулянтов и торговцев, попади производитель в который, надеяться на что-либо, кроме как на нескончаемые терзания в погоне за иллюзорными и вечно изменчивыми потребностями эго

потребителя, уже не стоит. Собственно именно на участи торговцев и спекулянтов наиболее ярко выражается то, что ни о каком умиротворении и речи быть не может, попади ремесленник в аркан эгоизма. Торговцы, и в особенности спекулянты, напоминают собой своры вечно бегущих и ненасытных хищников, запряженных в поводья эгоизма. Забег, порой смертельный, с целью купить подешевле лучшее и продать подороже худшее – не завидная участь. Им никогда нет покоя, их жадность безгранична, ибо иллюзорность и изменчивость эгоизма массового потребителя не дает им ни шанса на выработку стабильных стратегий. Спекулянты обречены на забег, где в качестве штурмана выступает непоследовательная иллюзия, и именно это предопределяет их участь.

Не лучший удел, а то и более жестокий, чем участь спекулянтов, уготовлен и всем тем, кто, выбрав яркую сторону номинала монеты счастья и уверовав в обещанное, отдал себя в аренду эго общества, в ожидании справедливой награды. Силовики, чиновники, придворные шуты, клерки (и даже проститутки), отдавшие жизнь служению эгоизму, потеряв молодость и силы, неминуемо выбрасываются им на обочину жизни, как старые детские игрушки. И наградой им служит одиночество, старость, немощность и страдания, вызванные как физическими факторами, там и ощущениями того, что единственной платой за их жизнь служит ощущение бесцельно потраченного времени длиною в жизнь. [И висящие у некоторых перед глазами ордена и медали за прошлые заслуги, лишь усугубляют страдания. От того-то, многие и убирают их подальше от глаз, понимая истинную сущность медалей, заключающуюся в том, что дают таковые тогда, когда не хотят вознаграждать существенным, ограничиваясь лишь мимолетным удовлетворением тщеславия «героя».] Это же наблюдается и на примере родительского счастья. Где счастье родителей, в своем наивысшем проявлении приходящееся на момент рождения ребенка, уменьшается пропорционально взрослению потомства. И хорошо если повзрослевшие дети просто уходят, давая родителям хоть шанс на «время для себя», куда большие страдания ожидает тех родителей, кто допускает создание детьми семей при своем непосредственном присутствии, и тем более участии. Последнее, как правило, отравляет жизнь не только родителей, но и их детей, порой, отливаясь ядом и для внуков.

Даже бездельнику эгоизм не дает и шанса на умиротворение, ибо безделье в разуме оборачивается наивностью, безделье в достатке вознаграждается страданиями от скуки, безделье же в нищете оплачивает голодом.

§ Счастье в славе

Самая же незавидная участь уготовлена тем, кто купившись на иллюзорную ценность номинала монеты счастья отдал свою жизнь за увеличение собственного номинала в глазах других эго. Безмерная в своей наивности устремленность, набить собственный иллюзорный номинал в еще большей иллюзорности окружающих эго, равносильна самоубийству личности, истреблению ее внутреннего мира. Посвятить жизнь удовлетворению тщеславия, это все равно, что поставить собственную личность на кон игры с крапленой колодой чужих иллюзий, где в качестве крупье выступает чистейший эгоизм толпы. Если злорадство это желчь эгоизма, то тщеславие это эго яд с наркотическим действием. Подсев на иглу тщеславия в молодости, человек обречен на воистину жалкое существование. Даже в зрелом возрасте, человек, будучи внезапно плененным наркотиком тщеславия, в принципе, безвозвратно обречен на страдания до конца своих дней. На счету жертв тщеславия не только множество выдающихся мастеров и ремесленников, тщеславие это вирусная зараза для человечества, обрекающая на жалкое существование большинство представителей человеческого вида. Эгоизм, создавая тщеславие, наверное, недолго выбирал, кого же выбрать в качестве наиболее приемлемого распространителя, выбрав в качестве разносчика вируса – родителей. Именно родители, давая первые уроки воспитания своим детям, заражают их смертельным для личности вирусом, тщеславием. И как только уменьшается роль, а равно и влияние, родителей, как за дело берется еще более сильный наставник – эго

общества. [Как ты будешь выгладить в глазах других, если (не) сделаешь это. Сделай хорошо для других и тебя похвалят. Сделай лучшее для большинства и тебя превознесут. Счастье в богатстве и славе, прославишься и станешь богатым. Делай с нами, делай как мы, делай для нас. Будь хорошим для окружающих, стань изысканным кушаньем в их трапезе, и тебя полюбят.]

§ Счастье в себе

Очевидно, что счастье если и стоит искать, то только в себе обращенным к миру, а не наоборот. Ибо вероятность совпадения, безграничного в своих проявлениях, внешнего и внутреннего, с не меньшим количеством комбинаций характера и интеллекта, крайне низка. Более того, как внутреннее, так и внешнее, не защищено от иллюзорной составляющей. Стоит поставить собственную умиротворенность в зависимость от проецирования иллюзорного внешнего на внутреннее устройство личности, стоит только начать придавать значение внешнему иллюзорному, в счет умаления внутреннего настоящего, как тут же внешнее начнет поглощать внутреннее, чем будет вызывать только все большие и большие страдания. В выражении «каждый должен заниматься своим делом» содержится куда более значимый смысл, нежели, чем возлагаемый в обиходе. Не каждый на подобное способен, да и делом можно назвать далеко не все. [Именно по этому большинству мужчин в принципе не доступно то состояние гармонии себя и мира, которое доступно многим женщинам в период вынашивания, родов и последующего возвращения потомства. Женщина, не только мыслимо, но и всем своим существом, попадает в процесс, когда нечто внутреннее объективируется во внешнем мире, давая женщине неподдельное ощущение себя частью мироздания. Лишь только некоторым мужчинам ремесленникам доступны в некоторой степени похожие ощущения, но в значительно меньшей мере, ибо в отличие от женщины, от себя в мир они превозносят только внутреннее мыслимое. Женщина, в виде потомства, получает объективацию и мыслимого внутреннего, и своего физического, творческий же порыв ремесленника, воплощаясь в окружающей среде, содержит в себе объективацию лишь внутреннего мыслимого, но никак не физического, что и не дает ему возможности обретения той полноты ощущения себя частью мироздания.]

Архитектор, будет счастлив до тех пор, пока он будет свободен в своем творчестве (во всех смыслах), и тем более, если продукт его труда будет воплощен в действительности, т.е. объективирован. Строитель, будет удовлетворен, пока есть то, что он хочет строить, и может делать это именно так, как считает наиболее качественным. Не меньше будет удовлетворен и дизайнер, предоставь ему случай возможность создать именно то, что будет полностью соответствовать его творческим порывам. Но вот будет ли счастлив чиновник, выдающий, какие бы то ни было разрешения и справки, для вышеперечисленных процессов, тот еще вопрос. Не меньше вопросов вызовет и участь риелторов, равно как и всех иных посредников, закладывающих свою маржу в стоимость объекта, в стремления, которых, конечно же, не входит ничего кроме извлечения материальной выгоды с перепродажи земли, объекта, а также пробивания всевозможных разрешений от чиновников и т.п. Архитектор, строитель и дизайнер, получают в результате то, что было обращено от них самих в мир, и, представившись в мире в виде объективации их стремлений, будучи воплощением их внутренних творческих порывов, вызовет у них ощущение гармонии внутреннего с внешним. Чиновники же, равно как и все посредники в этом процессе, не превознося ничего от себя, оперируют только тем, что находится вне их самих, в иллюзорном мире бизнеса, по тем правилам, которые им сам мир и навязал. В результате, последние получают не частичку воплощения себя в мире, а обезличенные денежные знаки, на которые хоть и можно что-либо купить, потешив собственную иглу потребления, но дальше мимолетных частных дел дело не пойдет. Даже если допустить, что деньги, вне трудовой деятельности, будут потрачены на поддержание некоего своего внутреннего, то это все равно не идет ни в какое сравнение с тем, что можно назвать относительно умиротворенным существованием. Жизнь

скоротечна, и отдавая тому, что не соответствует внутреннему, большую часть своего времени, рассчитывать на умиротворенность крайне наивно. О каком умиротворении может идти речь, если девять десятых времени отдано тому, что полностью таковому противоречит. В этом смысле удел кузнеца, повара, земледельца, промышленника, исследователя, изобретателя и т.п., при наличии у последних хотя бы относительной свободы действий при полном соответствии выбранного занятия их внутреннему миру, куда перспективнее, относительно возможности умиротворенного существования. [Назвать счастливой, умиротворенной, жизнь патологоанатома может только тот, кого мало что интересует в мире живых.] У политиков же и журналистов, отдавших большую часть своего времени разборке грязного белья чужих эго, даже при полном соответствии занятия их внутреннему миру, нет никаких шансов на не обременение своего внутреннего тем, в чем заключается их внешнее. Увлекаясь чужими иллюзиями, отдавая последним всего себя целиком, наивно рассчитывать на получение чего-либо реального для себя, кроме тех же иллюзий.

Даже в, так называемых, определенно благих занятиях есть то, что не оставляет для умиротворения особых шансов. Внутри полицейского всегда будут лежать жуткие поступки преступников, у пожарного – пожары и их жертвы, у врача – страдания и гибель его пациентов. Смогут ли уравновесить результаты их работы то, что ляжет обременением внутреннего, зависит, конечно, от каждого конкретного случая, но вне всяких сомнений, в большинстве случаев, когда выбор занятия был искренним в своих стремлениях, лишь частично.

Полицейский, несомненно, будет удовлетворен, избави он мир хоть от одного негодяя, но осознание того, что это далеко не конец, и на место одного приходят сотни других, скорее всего не даст шансов на покой. Да и как ему обрести покой, если он, как не кто другой, не только знает о доминирующей в мире жестокости, но и является непосредственным участником происходящего. Пожарный, с чувством удовлетворения от выполненного предназначения, будет вспоминать спасенных им людей, но он не в силах будет забыть и о тех случаях, когда спасать было уже поздно. И у врача, конечно, будет много причин для осознания собственной полезности и необходимости, но в его окно все равно периодически будут заглядывать те, кого спасти он не смог.

Если в случаях, когда, при полном соответствии внутреннему устройству, выбор определенного занятия, не предполагающего отсутствие какого-либо серьезного обременения внутреннего мира, еще хоть как-то может сгладить существование, дав в качестве награды ощущение самореализации, то в случаях, когда выбор был сделан под влиянием иллюзий эго, участь не может предполагать ничего кроме жалкого существования. На опыте это представляется тем, что лучше вообще ничего не делать, став очередным пассажиром жизни, чем заниматься не своим делом. Пришедший исключительно за деньгами, властью и/или славой, будь то чиновник, полицейский, пожарный, врач, спасатель, и т.п., не в силах будет ни превознести чего-либо в мир, кроме очередных страданий для окружающих, ни тем более чего-либо для себя извлечь, обрекая себя самого на жалкое существование. [Огромное количество людей, проживающих в местах с большой плотностью населения, вынужденных заниматься не своим делом, и обуславливает тот хаос, который свойственен обществам мегаполисов.]

Об отношении к окружающим

§ Ожидания

Не меньшее значение, чем занятость, для умиротворенности, несет в себе и отношение особи к окружающему миру, и в первую очередь к представителям своего же вида. Чем большего особь ожидает от других, тем в большую зависимость от внешнего она попадает, и тем меньше оставляет она шансов на умиротворенность своему внутреннему. Как уже показывалось ранее, ярче всего это проявляется в тщеславии, когда собственная жизнь

отдается иллюзорному мнению «Я» других. Аналогично происходит и в случаях, когда особь вкладывает чрезмерное значение в ожидания соответствия окружающих чему бы то ни было внутреннему, граничащее порой с крайней наивностью. На опыте это проявляется в многочисленных ожиданиях, коими полнится «Я» человечества из века в век. Это и извечное ожидание некоего добра, справедливости, милосердия, одних, и с другой стороны, извечная враждебность, агрессивность, злоба других. Неспособность к самостоятельному, а тем более к последовательному, мышлению большинства людей, порождает всеобщую наивность, выражающуюся в ожидании от того, что может следовать исключительно в своих интересах, от эгоизма, обратного. Ожидание от «Я» того, что оно вдруг будет следовать чьим-либо чужим интересам, и тем более в ущерб собственных, равнозначно ожиданию того, что дикие пчелы вдруг сами поделятся медом. Ожидая от чужого эго некоего добра, со стороны ожидающего «Я» наивно не принимать во внимание то, что это самое добро, возможно, будет заключаться как раз в страданиях ожидающего, что, в большинстве своем и происходит. Эгоизм не может что-либо отдать не получив что-то взамен, это его сущность, он может желать исключительно для себя, на то он и эгоизм. «Я» может следовать только своим интересам. И даже если декларируется обратное, значит либо нет «Я», нет эгоизма, особь абстрагировалась от него, что случается крайне редко, либо, что чаще всего и происходит, эгоизм просто камуфлирует свой интерес подменой иллюзией, для чего собственно и служит разменная монета в виде морально-этических признаков, а также океан всевозможных уловок, в виде принимаемых за чистую монету заблуждений. Если где-то, что-то убыло, значит где-то, что-то прибыло. Если общество, множество «Я», что-либо дает, это не означает, что оно вдруг утратило свое эго, это означает лишь то, что внимание нарочито сфокусировано на чем-то малом, для того, что бы забрать все, что есть у наивной особи без сопротивления со стороны последней. Бесплатное образование, к примеру, оборачивается бесплатным зомбированием, и вкупе со всем остальным, позиционируемым в качестве заботы общества о каждой особи, на деле же оборачивается возвращением обществом солдат и налогоплательщиков. [Нельзя особь просто научить считать, требуется научить ее считать «как правильно», иначе она очень быстро рассчитает реальную налоговую нагрузку, да еще и сопоставит это с тем, что реально имеет. Нельзя особь приучить к патриотизму не показав ей для начала кровожадность врагов. Равно как и никакой электорат не сохранит преданности, если не подпитывать таковую страданиями и страхом.] И так было во все времена. Когда человечество было малочисленнее, для управления рабами, крепостными и т.п., достаточно было солдат и сборщиков дани, но по мере увеличения количества рабов, солдат стало не хватать, и на их место пришло бесплатное образование, социальная поддержка и т.п., а на место дани пришло налогообложение. И надо сказать, что вполне успешно, ибо большинство отдает обществу все, чем могло бы обладать, добровольно и без остатка. Изменились только частности, суть же, от века к веку не меняется. [Наивно полагать, что социальная защита каких-либо низших групп населения, и тем более обывателей, в чем бы таковая не заключалась, обусловлена некими благими намерениями правящих элит, вдруг ставших поголовно добряшками.] Иначе как (к примеру) объяснить то, что ни одна пенсионная система, за исключением, конечно, тех, которые созданы элитами для себя и своих слуг, не может похвастаться своим соответствием на реальном опыте своему позиционируемому в теории назначению. Но, поскольку население, своим образованием и воспитанием, научено считать «как правильно», мало кого посещает мысль, что пенсия, это не более чем инструмент сдерживания, дабы не нужные обществу особи массово не вышли с голоду на большую дорогу, или, того хуже, не взялись за «неправильное» обучение математике нового поколения.

Как и во все времена, большая часть человечества провидит свою жизнь в тяжелейших условиях каторжных рабочих, в награду получая лишь пропитание, да и то, далеко не все и не всегда. Чем большее значение придается ожиданию какой-либо внешней иллюзии, тем большие страдания выпадают на долю наивного «Я». Тем более, если в качестве ожидаемого превозносится некое везение, провидение, манна небесная и т.п. Ожидая добра, наивное «Я»

получает зло. Ожидая зло, оно вытравливает собственным ядом самого себя. И только не ожидая ничего, «Я», хотя бы, остается при своем.

Отдавая же свою жизнь ожиданию иллюзорного везения, или оплакиванию собственной участи в невезении, особь фактически полностью дезорганизует свой разум, обрекая себя на весьма незавидный удел. Неспособность к последовательному мышлению не дает и шанса осознания очевидности того, что везения, равно как и невезения, просто не существует. Существует лишь то значение, которое придают определенным событиям. Учитывая необходимость событий исходящую из причинности, можно определенно заключить, что сами по себе понятия везения и невезения являются лишь маркером дезорганизации сознания человека в оценке окружающей среды, обусловленной тем, что событие везения/невезения является таковым только лишь потому, что человек не видит (или не хочет видеть) определенности причины случившегося, ибо во всех остальных случаях, положительность и отрицательность события характеризуются относительно известным причинам их вызвавших, не вызывая неопределенности. Отсюда и все верования в некие высшие силы, судьбу злодейку, волю богов и т.п. [Казалось бы, действительно некоторым явно не свезло родиться в стране, не вылезавшей из гражданских войн, в вечно голодающем и страдающим от болезней обществе. Но с другой стороны, пройдя по причинно-следственному пути, легко прийти к тому, что «не свезло» больше относится не к месту и времени, а к сущности, т.е. «не свезло родиться человеком» и увидеть свое лицо с одной из сторон, пусть, в данном случае, и со стороны его предопределенной кровожадности. Богатенькому мажору, не знающему лишений и боли, тоже не свезло, ибо проведет он свою жизнь во всего лишь иных мучениях, и точно также, не поняв их причину, сдохнет, правда не от пули или голода, а от наркоты или ВИЧ инфекции, и еще не известно, чей удел окажется более незавидным.] Полнейшее смешение в недалеком уме происходит тогда, когда индивидуум путает невезение с везением, и ко всему прочему, еще и не отдает себе отчета в том, что положительным ощущением является только ощущение страдания (неудовлетворенности стремления), ибо состояние покоя (отсутствие стремления, чувственных ощущений в т.ч. и боли) является как раз отрицательным, ибо оно определяет отсутствие раздраженности.

Что очень показательно, большинство людей заведомо не способны осознать формулу положительности страданий и отрицательности «покоя», в каком бы подробном виде это не преподавалось бы. Наивный разум, переполненный иллюзиями своего «Я», привык разделять (фрагментировать) ощущения от какого-либо стремления на «положительно счастливые» и «отрицательно несчастные» приписывая их отдельным и несвязанным между собой событиям, но по сути являющихся лишь взаимообусловленными единым непрерывным процессом. Стремление не может содержать в себе ничего фрагментарного, оно лишь может иметь фрагментарную фокусировку, но не сущность протекающего процесса. Удовольствие обуславливается стремлением избегания страданий, точно также как и насыщение обуславливается голодом, оргазм – половой неудовлетворенностью, и т.д. вплоть до того, что особь существует лишь потому, что есть стремление к жизни, обусловленное огромным количеством органических процессов. [Череда неприятностей, как правило, прямо пропорциональна прежней безответственности.] Чувственные ощущения «удовольствия» лишь потому возможны, что существует их противоположный полюс. Стремление, перетекающее в своем процессе из полюса в полюс, создает у организма ощущение фрагментарности, являясь при этом одним целым, вызывающим раздражение нервной системы в различных полюсах, процессом. Любое стремление есть положительное, ибо оно действующее. Соответственно отсутствие стремления, есть обратная, взаимообусловленная часть, т.е. отрицательное. Боль, сигнализирующая о повреждении какого-либо органа и начале процесса регенерации, есть положительное, пусть и воспринимаемое сознанием как неприятное. Неприятное не есть отрицательное. Только недалекое в развитии сознание может охарактеризовать процессы жизнедеятельности отрицательно, ориентируясь исключительно на свою оценку мимолетных чувственных

ощущений. Наивная особь, не в силах осознать, что любое чувственное ощущение, лишь одна из взаимообусловленных частей какого-либо процесса. Отсюда и всевозможные заблуждения (в частности существование для «Я» хороших и плохих явлений в природе), основанные на разделении какого-либо единого стремления на разные, однобоко окрашенные и несвязанные события. Торнадо в одной части света, засуха в другой и прекрасная погода в третьей, не есть разное, это части одного целого. Равно как и удачное стечение обстоятельств, принимаемое за некое везение, «оказаться в нужном месте в нужное время», не есть воля высших сил, а всего лишь вполне обыденное явление, обусловленное определенными причинами. Родиться красивым и богатым не есть везение, в большинстве случаев это выливается в совсем иное, и многие красивые, подчас немалым жертвуют, лишь бы обрести покой. Богатым же, таковой и вовсе недоступен. [Бессонница от страха и алчности на дорогих шелках с продажной куклой, счастья и покоя еще никому не принесла.] Мечта же о нахождении чемодана с золотом, тех, кто такового не имеет, осуществись на деле, из «везения», достаточно быстро обернется нешуточным горем.

§ Нетерпимость

К наивности ожиданий также следует отнести и нетерпимость во всех ее проявлениях. «Я», будучи изначально функцией индивидуации, чистейшим эгоизмом, отделяет одно «Я» от других, наделяя своего хозяина чувством собственной уникальности, неповторимости и, порой, идеальности. Наивность в ожидании утверждения во внешнем себя «лучшего», оборачивается назначением кого-либо на должность «худших». И чем сильнее «Я» особи, тем больше она подвержена нетерпимости к окружающим, особенно при наличии комплекса неполноценности. Отсюда и нескончаемые войны на почве национальной и/или религиозной нетерпимости, не ограничиваясь конечно последними. Зачастую поводом для пролития крови служит лишь то, что кто-то иной оказался более успешным в какой-либо отрасли жизнедеятельности. Человеческое «Я» сделает все, чтобы особь наименьшим образом олицетворяла себя с видом и всеми свойственными таковому проявлениями. [Никогда не стоит забывать о том, что эгоизм как раз и существует для того, что бы особь, обладающая разумом, всегда была устремлена на утверждение себя превосходящего, обеспечивая тем самым выживание сильнейших.] На опыте это неопровержимо доказывается тем, что мало кому можно доказать, что вот тот злодей – это ты, а ты – это он, и крайне легко дать установку, что это они - злодеи, из-за них все твои несчастья, а ты - весь такой хороший, неповторимый, а главное правильный. Очевидно, что именно свойственная эгоизму переоценка и обуславливает вечное доминирование в обществе расистских и националистических взглядов (зачем искать иные отличия, когда есть те, что на лице), выливающегося с достаточным постоянством в пролитые реки крови. И чем больше человечество увлекается смешением культур, тем выше цена этого увлечения. [Неприязнь обывателя, проживающего в мегаполисе, к приехавшим из провинции джигитам, обусловлена в большей степени не заявляемыми им различиями культуры поведения и/или воспитания, а страхом перед сильнейшим, навлекаемым созерцанием дикости и агрессивности, выражающих превосходящую животную силу, имеющую для природы вида куда более непосредственную значимость, нежели чем интеллигентность обывателя.] Как и любые чрезмерные и/или наивные ожидания, нетерпимость способна практически полностью отравить жизнь особи, превратив последнюю в нескончаемые страдания. Возвращаясь к приведенным ранее примерам: чрезмерная нетерпимость к кому бы то ни было хранителя закона, приведет последнего как минимум к предвзятому отношению в расследовании преступлений, и как следствие к невинно осужденным; нетерпимость врача, способна привести его к статусу палача, т.е. к не менее пагубным последствиям; а нетерпимость политиков выливается в кровавые войны и геноцид. Бытовая же нетерпимость, являясь неотъемлемой частью «Я» человечества, из века в век обрекает жизнь людей к нескончаемым межэтническим склокам. Нетерпимость проявляется как по формальным

поводам (идеологическим, моральным, этическим, эстетическим, социальным, и даже на фоне интеллектуальных различий), так и вообще безосновательно (просто не нравится и все тут, только в силу того, что требуется олицетворение источника всех несчастий). Тоже относится и к нетерпимости к животным, явлениям природы и вообще к любому из составляющих окружающую для человека среду обитания. Нетерпимость к внешнему - неминуемо отравит внутренне, нетерпимость к внутреннему - его уничтожит, и только не отделяя внешнее от внутреннего – можно остаться при своем.

§ Прощение

Следует также отметить еще одно проявление наивности в ожиданиях, заключающееся в ее наивысшей степени, называемой «прощением» в угоду восстановления некоего доверия. «Я», наделяя особь ощущением индивидуальности, уникальности и свободы воли, вводит ее разум в иллюзию того, что она самостоятельно и произвольно способна в себе что-либо изменить. Как следствие, вера в существование свободы воли у себя, выливается уверенностью в существовании подобной возможности и у других. Наивность «Я», выражающаяся в том, что оно в силах изменить свой природный характер, всецело обусловленный физиологией, доводит иллюзорность особи до такой степени, что «Я» начинает искренне верить в то, что на один и тот же раздражитель в разные промежутки времени, физиология особи в силах отреагировать по разному, а также, отделяя разум особи от обще видового характера, вводит ее в заблуждение о возможности совершения поступков вне характера вида. [Вера в возможность изменения природного характера аналогична вере в то, что если вырастить щенка овчарки под шкафом, то в результате получится такса.] Прощая какой-либо поступок, свой или чужой, «Я», фактически лишь усугубляет собственную же наивность, ибо прощение, это не более, чем предоставление очередного шанса совершить тот же поступок при соответствующих условиях.

Изменчивость свойственна исключительно иллюзиям, но не физиологии. Ни одно учение не в силах избирательно повлиять на какое-либо обще видовое свойство человека. На что только и может повлиять обучение, так это на незначительное изменение фокуса при мыслительной мотивации. Никакие моральные установки не закроют глаза похотливому нраву самца, и ни одно учение не в силах повлиять на природное коварство самок. Равно как и никакое обучение не способно повлиять на изменение сущности человеческого «Я», функции индивидуации, эгоизма – являющегося единственным штурманом человека в его социальном поведении. Этим и объясняется то, что во все времена, никакие идеологические иллюзии, лежащие в основании социальных союзов (дружбы, брака, религий и т.п.) не в силах были противостоять физиологии. Физиология есть первичное, а иллюзии, как продукт эгоизма, вторичное, ибо вторичен и сам эгоизм. Вор – родился вором, ибо суть кроется в предрасположенности к определенной форме процесса ублажения «Я», а не в результате, и тем более не в морально-этических признаках характеризующих действие. «Святой» – «святым» является от рождения, ибо суть в нехарактерной, обусловленной физиологически, слабости эго в конкретном организме, а не в воспитании. [Ставший святым после грехов, не счастливчик, вдруг получивший с небес указ, а лишь особь, с дезорганизованным сознанием, скитающимся от одной формы противостояния к другой (чему ниже будут посвящены отдельные рассуждения).] Подлец – подлец от природы, ибо суть не в его способе оценки морально-этических признаков, не в его воспитании и образовании, а в крайней и неизменной беспринципности (циничности), обусловленной уровнем доминирования эгоизма в сознании конкретной особи. [Фактически – подлость, лишь своего рода проявление неумеренности конкретного «Я», и по большому счету все люди, в той или иной степени, подлещи. Не существуй редких исключений, в виде особей с крайне низким влиянием эго на сознание, понятия бы «подлость» не существовало бы. Что интересно, «подлецом» обычно называют представителей мужской части населения. Женщин же, как правило, в подлости не обвиняют в силу бессмысленности, т.к. уровень их врожденного

коварства крайне редко имеет низко выраженный характер. «Масло масляное».] Душегуб – душегуб от особенностей физиологии в определенной среде обитания, ибо суть здесь в замещении собственных страданий чужими мучениями. И даже воин – родился воином, ибо строение его мышечной системы в совокупности с высокой энергетикой и низкими интеллектуальными возможностями, не оставляют ему ни единого шанса на проведение жизни вне войны.

«Я» в силах лишь частично повлиять на иллюзорную составляющую фокуса стремлений, но ни в коей мере оказать существенного влияния на их суть и обусловленность физиологией. Прощение в угоду восстановления доверия, т.е. в угоду соответствия ожиданиям – есть крайняя стадия наивности и подчас безответственности к собственной же безопасности. Прощая кому-либо что-либо без наказания (не путать с мстью) – есть самопожертвование, ибо этот кто-то, повторит свой поступок, лишь обстоятельства вновь позволят ему это сделать. То же относится и к жалости, снисходительности, сентиментальности и т.п., основой проявления которых послужила наивность в ожиданиях. Ибо жалкость, безобидность, добродушность и миловидность, в большинстве случаев, на поверку оказываются лишь маской, скрывающей истинное лицо циничного хищника. Не удивительно, что чаще всего прибегают/взывают к прощению и жалости именно обыватели, но сами редко когда устаиваются таковых от других частей общества. Как и в случае со свойственными им угрызениям совести, являющихся следствием надления себя заведомо отсутствующими качествами, обыватели, будучи наиболее подверженными к иллюзорности в самооценке, с не меньшей иллюзорностью подходят и к оценке окружающих. Истинный воин, осознанно пришедший с войной к достойному противнику и будучи поверженным, к прощению и жалости взывать не будет, он будет молить лишь о пощаде. Он знает, за чем и к кому идет, чем это может обернуться, и тем более он не испытывает иллюзий относительно оценки врагом его стремлений и их возможных последствий. Тщедушное же существо, скрывающее настоящего себя всевозможными масками (и от себя самого, и от окружающих), будучи уличенным в своих истинных стремлениях, будет взывать именно к прощению. Ибо сам, будучи во власти собственных же масок, будет взывать к наивности и иллюзорности судьи, навязывая последнему одну из своих «благородных» масок, пытаясь тем самым обосновать неосознанностью действий или нелепой случайностью заслуженность своего прощения. И вот когда дело доходит до сурового суда, то поверженный воин, адекватно относящийся к себе и своим поступкам, еще может рассчитывать на пощаду (смягчение наказания), но вот многоликое иллюзорное существо, взывающее к жалости, прося прощения (стремясь вообще избежать наказания), если и получит таковое, то только в том случае, когда судьей окажется ему подобное творение создателя. В противном случае, взывая маской к глупости судьи, продемонстрировав судье свое ничтожество и коварство, в ответ получит он лишь гнев, чем и усугубит свою участь. Именно по этому, живущее в храме обывательских иллюзий прощенье, являющееся, по сути, не более чем разменной монетой для тщедушных, но ненасытных хищников, из века в век приносит им лишь горе, усугубляя их и так незавидный удел. Ибо из века в век, обыватели, прощая друг друга по поводу и без, давая тем самым каждый раз шанс сделать с собой ровно то, за что прощают, прощают также и других хищников, обрекая себя и на очередной грабеж, и на истребление, причем без шансов на какую-либо взаимность в случаях смены ролей. Воин всегда уважает достойного противника, и даже после пощады, получив достойное наказание и оставшись в живых, не скоро вернется, но при этом, он станет частым гостем того, кто раздает прощенье. Наивные особи, гибнущие миллионами за собственную иллюзорность, не в силах осознать того, что прощая даже друг друга, на бытовом уровне, в угоду восстановления некоего доверия, они лишь утверждают неизменность собственной участи, а прощая всякий раз иных хищников, они лишь дразнят их аппетит. [Не устаивают обывателя взаимным прощением (и тем более жалостью) не только воинственные хищники, но и мыслящие особи, осознающие как никто другой, что именно иллюзорности обывателя обязана их участь, и именно

обывательские заблуждения являются неотъемлемой частью основы существующего кровавого порядка в человеческом обществе.]

И кстати, о вышеупомянутом доверии. Доверие если и имеет место быть, то лишь в качестве того, что можно конечно всецело кому-либо доверять, но только в том, что тот будет всегда следовать исключительно в своих интересах, и лишь выпадет случай, съест с потрохами. Доверяй эгоизму, что он эгоизм, и возможно дольше и спокойней проживешь. Иное доверие абсурдно.

§ Противостояние

Отличительной от других реакций на придание чрезмерного значения ожиданиям соответствия окружающей среды чему бы то ни было внутреннему, является реакция, заключающаяся в противостоянии. Происходит это тогда, когда в силу ощущений полной безысходности и бессилия в сопротивлении выпадающим страданиям, особь впадает в депрессию, девизом которой становится «не буду подстраивать внутреннее внешнему, пусть внешнее подстраивается под внутреннее». Либо, того хуже, когда девизом становится «я объявляю миру войну». Большой наивности в стремлениях обрести покой в гармонии внешнего и внутреннего, выбрав путь изменения внешнего под внутреннее или развязывания войны с внешним, и представить себе трудно. Но, стоит признать, выбирает этот путь достаточно большое количество дезорганизованных «Я» ибо сама функция «Я» заключающаяся в индивидуации, фактически обрекает каждую особь на жизнь в состоянии постоянного сравнения себя (внутреннего) и внешнего (среды обитания).

Относительно легким по степени ущерба для личности, но при этом и самым распространенным (как наиболее простого и доступного), является проявление противостояния заключающегося в выдумывании внешнего под внутреннее. Особь, не способная адекватно воспринимать многие составляющие внешней среды обитания, являющиеся для нее источником страданий, начинает наделять таковые мнимым смыслом, приписывая последним наиболее соответствующее ожиданиям значение. Проявляется это в совершенно различных иллюзиях, начиная от частной мистификации происходящего, заканчивая созданием религий, учений, и даже философии. Особь, будучи не способная к построению причинно-следственных связей, объясняющих происходящее, находясь в дезорганизованном состоянии относительно восприятия себя в окружающей среде, начинает приписывать происходящему мнимые причины - волю неких высших существ, богов, духов, predetermined кем-то судьбы, влияние некоего абсолюта, инопланетян, мирового информационного поля/разума, потустороннего мира, внешних и/или внутренних врагов, и т.п. Либо наделяет события значением всевозможных предзнаменований, наказаний за прежние поступки, и далее, соразмерно фантазии. В наиболее худшем положении находятся те, кто не способен самостоятельно создать себе иллюзии и, беря на вооружение уже кем-то созданные, становится тем самым для создателей таковых легкой добычей, оставаясь, при этом, в прежнем состоянии. Ибо наиболее соответствующую ожиданиям иллюзию может создать исключительно сама особь соразмерно с особенностями своего внутреннего. Именно по этому, большинство системных иллюзий, охватывающих огромное количество приверженцев, в целях удержания адептов, обязательно содержат объяснение того, почему после принятия иллюзии особь продолжает трепетать от страданий. В подавляющем большинстве случаев преподносится, конечно, самое примитивное объяснение, как правило, не имеющее подтверждения на опыте, но заставляющее особь смириться со своей участью в ожидании обещанного покоя в будущем, оставаясь при этом адептом принятой им иллюзии. [К примеру, текущие страдания объясняются расплатой за некий грех, и соразмерно уровню послушности особи к иллюзии, в будущем таковой обещан некий рай, в случае же непослушания, особи внушается страх обречения себя на еще большие страдания в виде некоего ада.] Не удивительно, что большая часть населения планеты, заведомо не обладающее предрасположенностью к последовательному мышлению, является жертвами

всевозможных системных иллюзий, не ограничиваясь конечно последними. Примерив на себе хоть раз шкуру адепта какой-либо системной или внесистемной иллюзии (а как правило шкурку одевают без особого спроса, родители) у большинства особей нет ни единого шанса избежать участи послушного раба чужой иллюзии.

§ Революционеры

По мере увеличения интеллигенции, меняются и формы проявления противостояния. И если для особей находящихся в полностью дезорганизованном состоянии характерны лишь пассивные формы, заключающиеся всего лишь в мистификации причин происходящего, то следующая стадия противостояния, кроме пассивных составляющих, обретает и активные проявления. Особь, будучи способная к нормальному использованию своей возможности обращения к функции мышления, уже не ограничивается мистификацией причин внешних событий, а выдумывает себе еще и некий порядок, при котором внешнее будет наиболее соответствовать внутреннему, после чего начинает предпринимать попытки изменения внешнего под надуманный порядок. Проявляется подобное как в легких формах, когда особь, уверовав в то, что только она знает «как жить правильно», предпринимает лишь жалкие попытки подгонки внешнего под внутреннее, так и в крайне агрессивных формах, когда кроме создания иллюзии нового порядка, особь находит себя в силах, создав себе еще и иллюзию некоего предназначения, навязать выдуманный порядок окружающему миру (эдакий революционер). Если легкая форма противостояния особи, обычно не выходящая за пределы частной жизнедеятельности (за исключением конечно случаев, когда особь занимает в обществе высокое положение, или, хуже того, наделена властью), причиняет неудобства лишь ей самой и ее ближайшему окружению, не представляя собой какой бы то ни было опасности для общества в целом, то проявление агрессивной формы противостояния, как правило, оборачивается жуткими последствиями, и не только для самого революционера, но и для огромного количества других особей. Пока противостояние носит частный характер, самое пагубное, во что оно выливается для окружающих, так это в бытовое насилие и криминал, ибо общество, не поддерживающее навязываемый порядок, в большинстве случаев отторгает иллюзорную особь, оставляя таковую либо наедине со своим противостоянием, либо попросту уничтожает ее. Но стоит обществу принять хоть малую часть составляющих нового порядка противостоящей особи, как та, получив мнимое подтверждение иллюзии своего предназначения, неминуемо впадает в «истеричку революции», после чего, в большинстве случаев, такую особь уже не остановить. Находящаяся в истерике противостояния особь, да еще и получившая мнимую поддержку общества в утверждении ее иллюзии «порядка правильной жизни», следовательно, и тщеславия, костями ляжет, но сопротивление не прекратит. И чем в больших составляющих своего мнимого порядка особь будет находить поддержку общества, тем большее количество жизненной силы она будет вкладывать в развитии своей иллюзии, и так до тех пор, пока это полностью не выжжет ее сознание. На опыте это выражается существованием всевозможных революционеров, как относительно безобидных (просто баламутов), так и весьма опасных, чьи стремления порой оборачиваются реками пролитой крови. И то, что большинство революционеров «хорошим» для себя не заканчивает, ни в коей мере не компенсирует вреда, который причиняется таковыми человечеству. Присутствующая в ряде обществ защита от радикально настроенных революционеров (на деле оказывающихся, как правило, выскочками, популистами и политиками), пусть и принимаемая интеллигенцией за проявление диктатуры и тоталитаризма, видится вполне оправданной. Если при стабильном состоянии общества, факторы, сдерживающие революционные настроения, сказываются лишь на ограничении интересов малочисленных групп, то в случае даже малейшей дестабилизации, защитные меры начинают играть чуть ли не ключевую роль в том, насколько много потребуется пролить крови для восстановления стабильности. Пока общество стабильно, низшие слои населения, составляющие собой большинство, находясь в

спокойном состоянии в условиях сложившегося порядка, практически не подвержены влиянию радикально настроенных революционеров, но стоит проявиться любой депрессии, как они превращаются в неуправляемую массу напуганных дестабилизацией людей, готовых принять что угодно, лишь бы вернуться к стабильности, и именно в этот момент наибольшую опасность представляют собой революционеры. История изобилует примерами, когда даже частичная дестабилизация общества, в условиях отсутствия или значительного ослабления защиты от радикально настроенных особей, создающих идеальную почву для проявления множества революционеров, приводила его к катастрофе. Игнорируй общество революционные настроения отдельных своих членов, множества войн/революций вполне можно было бы избежать. [К слову, взять хотя бы славян, допустивших в конце девятнадцатого века ослабление сдерживающих мер в момент очередной депрессии. Пока правящие элиты, непредусмотрительно забыв о своих обязанностях, были увлечены внутренними разборками, всевозможные революционеры, со своими большими фантазиями, взялись за пребывающее в состоянии дестабилизации голодающее население. И выиграла, конечно, те, кто громче кричал и большее «новым порядком» обещал, невзирая даже на полную абсурдность самой возможности воплощения подобного на опыте. Искренне доверяя собственным иллюзиям в виде выдуманного порядка, революционеры, увлекли находящееся в еще большей степени дезорганизованном состоянии население в долгий и кровавый путь расплаты за собственную наивность и иллюзорность. И надо сказать, что население никогда бы не пустилось бы в столь бессмысленное предприятие, не совпади одно из составляющих иллюзии порядка с каким-либо доминирующим ожиданием свойственным большинству. К примеру: Не пообещай коммунистические лидеры в своем лозунге «мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем» этим самым, кого они имели в виду под словом «ничем», стать «всем», то в этом случае, этим самым «ничем», возможно, не пришлось бы в течение столетия гибнуть миллионами за эту частную иллюзию революционеров, лишь для того, чтобы спустя столетие вернуться к прежнему состоянию. Тоже касается и национал социалистических революционеров, обещавших немцам, аккуратно после проигрыша в очередной войне, и чистую расу, и мировое господство, что привело к известным, не менее кровавым, последствиям. И остается только предполагать, чем обернется обещанный североамериканскими группировками потребительский рай, но уже не только для янки, но и для человечества в целом.]

Особь, не способной найти себя в примитивном, с ее позиции, обществе, и пусть обладающей способностью обращения к мышлению в степени, позволяющей таковой предложить альтернативу сложившемуся порядку, следует, прежде всего, раз уж «мозги» работают и «кровь» кипит, перед тем как пуститься в противостояние, задуматься о цене подобного предприятия и в частности об оправданности сожжения в бессмысленной революции далеко не только собственной жизни. Тем более, что в большинстве своем, сущностью стремления является не сколько результат революции, сколько сам процесс противостояния. И стоит ли упоминать то, что ни один навязываемый порядок заведомо не будет принят без полного соответствия «Я» большинства. Крайне наивно рассчитывать на то, что новый порядок приведет к положительному результату по причине соответствия стремлениям «Я» большинства лишь какой-либо части, пусть и значимой. Если предложенная альтернатива во всех своих составляющих совпадет со стремлениями «Я» большинства, общество примет новый порядок без какого бы то ни было навязывания, и пусть не сразу, но рано или поздно само придет к предложенной схеме. [«Новый порядок» Североамериканских группировок, основанный на грубом потреблении и обогащении, и явно не отличающийся новизной, был принят огромным количеством обществ, и не только в Штатах, но и по всему миру, даже при условии того, что основа заведомо предполагает доминирование кровавого принципа «кто сильнее тот и прав» недвусмысленно определяющего незавидную участь низших слоев населения. И надо сказать, что многие из обществ-адептов ощущают себя вполне счастливыми, даже называют себя венцом цивилизации. Поди им теперь, докажи, чем обернется для них игла потребления.] В случае

же навязывания, дело закончится так, как это происходило во все времена, не достигнув требуемого результата и умывшись кровью миллионов, общество вернется к своему прежнему состоянию, и уже не столь важно, что с несколько изменившимися качествами, ведь не они были целью, а жертвы принесены. Самое же главное, перечеркивающее любые перспективы радикальных изменений «к некому лучшему», заключается в том, что человечество еще ни разу не прибегало к «учению на собственных ошибках». Нет никакого смысла в оповещении, кого бы то ни было, о сущности его бедственного существования, ибо даже глобальные катастрофы последних тысячелетий ровным счетом ничему не научили человека. И если уж подтверждающийся во все времена в своей бессмысленности опыт борьбы с ветряными мельницами не впечатляет, то при формировании «нового порядка», мыслящей особи, совершенно не лишним будет разобраться и с тем, что составляет сущность возникших у нее противоречий внутреннего с внешним, вызвавших противостояние в ее сознании. Если «мозги» действительно работают, то на этом противостояние и закончится. [Абсолютно любой радикально настроенный революционер, по сути своей либо баламут, с дезорганизованным сознанием и большой фантазией, предлагающий некий новый порядок тому, сущность чего ему не ведома (ибо не ведома ему и собственная сущность), либо циничный авантюрист, использующий состояние дестабилизации общества в своих, сугубо меркантильных целях, третьего не дано.]

Столкнувшейся с внутренним противостоянием особи, можно посоветовать, что вместо упований на судьбу злодейку, поместившую возомнившую себя мыслящей голову в «неправильно живущее общество», и поисков утешения в бессмысленном создании некоего нового порядка, следует уяснить себе одну единственную мысль. И заключается она в том, что создание порядка в иллюзорном «Я», априори не возможно, ибо сущность его как раз и заключается в том, чтобы порядка не было. Индивидуация не предполагает тождества, а значит и согласованности. Задумав изменить какую-либо общественную систему, сложенную тысячелетиями, следует отдавать себе отчет в том, что охранять ее будет не частное «Я», а природа вида. Создание же того, что может быть принятым «Я» в качестве некоего «порядка», заведомо не предполагающего никакой общей последовательности, вряд ли можно назвать венцом творения для действительно мыслящей головы. Подобное изваяние больше походит на провокацию очередного авантюриста, толкающего общество в очередное кровавое месиво.

§ Война с миром

Апогеем же противостояния, несущим с собой наиболее серьезный ущерб, является состояние, заключающееся в объявлении особью войны окружающей среде обитания. Находящаяся в состоянии полной дезорганизации определения себя во внешней среде, уставшая от бесконечных страданий и невозможности адекватной оценки происходящего, особь, впадает в панику, выражающуюся в агрессии ко всему тому, чем представляется ей внешний мир. В большинстве своем, за внешний мир принимается общество (в лучшем случае отдельные его составляющие, в худшем все полностью), но не редки и случаи, когда особь, поддавшаяся панике, не разделяет мир на общество и окружающую среду обитания, проявляя агрессию ко всему ее окружающему сразу. При агрессии к обществу или отдельным его составляющим, если конечно особь не выбирает для себя в качестве успокаивающего отшельничество (обычно этот выбор делает общество, и хорошо, если вовремя), противостояние оборачивается в лучшем случае тихой истерикой, но, как правило, выливается в криминал и насилие, доходящих в максимальном проявлении до массовых убийств и геноцида. Особей же, с признаками наличия агрессивного противостояния к миру в целом, в большинстве случаев ожидает суицид, и лучше не подпускать подобных индивидуумов к красной кнопке ядерного чемоданчика, предоставив (обеспечив) им возможность спокойного изведения себя до смерти, и лучше, если это будет происходить подальше от людей и оружия массового поражения.

Стоит отметить, что именно это состояние, среди множества возможных для «Я» человека, заключающееся в подверженности к агрессивному противостоянию к внешнему миру, является одной из основных причин (не беря во внимание последствия с меньшим по значению ущербом), по которой последовательное мировоззрение противопоставлено большинству людей. Ибо слабость в использовании своей функции мышления, не позволяющая особи отделить пессимистический характер последовательности в оценке окружающей среды от необоснованного грубого пессимизма, в совокупности с неустойчивой психикой, с большой долей вероятности может вызвать агрессию особи к внешнему миру со всеми вытекающими. [Даже по официальным данным (ВОЗ): «психические расстройства представляют 5 из 10 ведущих причин инвалидности в мире, в разные периоды жизни ими страдают 20—25% людей, на постоянной основе — 10% взрослого населения, и этот показатель постоянно растет». Остается только гадать, что же происходит вне официальной статистики, в виде тех, кого «доктору» не удалось посчитать.] С другой стороны, при отсутствии способности к последовательному мышлению, недалекому уму никогда не познать пессимистического мировоззрения самостоятельно, а любое несильное воспитание оставит после себя не понимание, а лишь установки на грубый пессимизм, способные довести особь до полного отчаяния. Это, отчасти конечно, и является объяснением того, почему последовательные мировоззрения никогда не подвергались, каким бы то ни было, серьезным гонениям (в большинстве своем все ограничивалось забвением), ибо опасными таковые если и могли стать, то только в случае включения их в какую-либо общепринятую систему образования, что конечно не представляется возможным. Ну и конечно нельзя умалять значение того, что сама возможность особи, заключающаяся в одной из крайних степеней обращения к функции мышления, относительно вида, человечества, позволяющая особи познать пессимизм своего существования, является инвалидностью. Эгоизм, как это было показано в рассуждениях выше, как раз и является тем физиологическим инструментом природы для защиты вида. Вполне справедливым будет утверждение, что значительная часть населения планеты имеет те или иные отклонения в психике, и не важно, кто из людей туп как пробка, кто псих, кто считает себя нормальным, а кто, в силу инвалидности, возомнил себя мыслителем. Для первых лекарства в принципе не существует (а главное и не требуется), для вторых существуют психоактивные вещества и злорадство их эго, третьим вообще ничего не требуется кроме возможности соответствия их своему природному назначению, для инвалидов же существует безграничный мир познания, только им и нужного. Что вместе взятое, в своем принципе, ничего и ни для кого не меняет, да и значения толком не несет, ибо все они - есть одно и то же, целое, жаль, что только знать об этом ничего не хотят.

Эпилог

Человечество

§ Миллиарды открытых глаз спящих людей

Здесь, пусть и в кратком, несколько обобщенном, и возможно трудно воспринимаемом виде, содержится почти все, о чем меня можно было бы спросить относительно очертаний сущности последовательного мировоззрения. Изложенное следует воспринимать не более чем за предисловие, являющегося своего рода показателем того, к каким выводам может прийти обычный человек, задайся он вопросом более глубоко, и чем это для него может закончиться. Я недвусмысленно старался донести, что есть такое - существование с осознанием того, почему люди, в большинстве своем, никогда не смогут понять ни себя, ни друг друга, не желая этого до смерти, а также и то, почему есть те не многие, кто способен понять каждого, но мало кто в силах понять их самих.

Вышеизложенные рассуждения не касаются никого в частности. Рассуждая, я имел в виду, пусть и разного, но всегда только себя самого. Человечество - миллиарды открытых глаз спящих людей и проснуться под силу не каждому. Проснись ... или, как будет угодно.

2011-2012 © Mr. John Doeyes